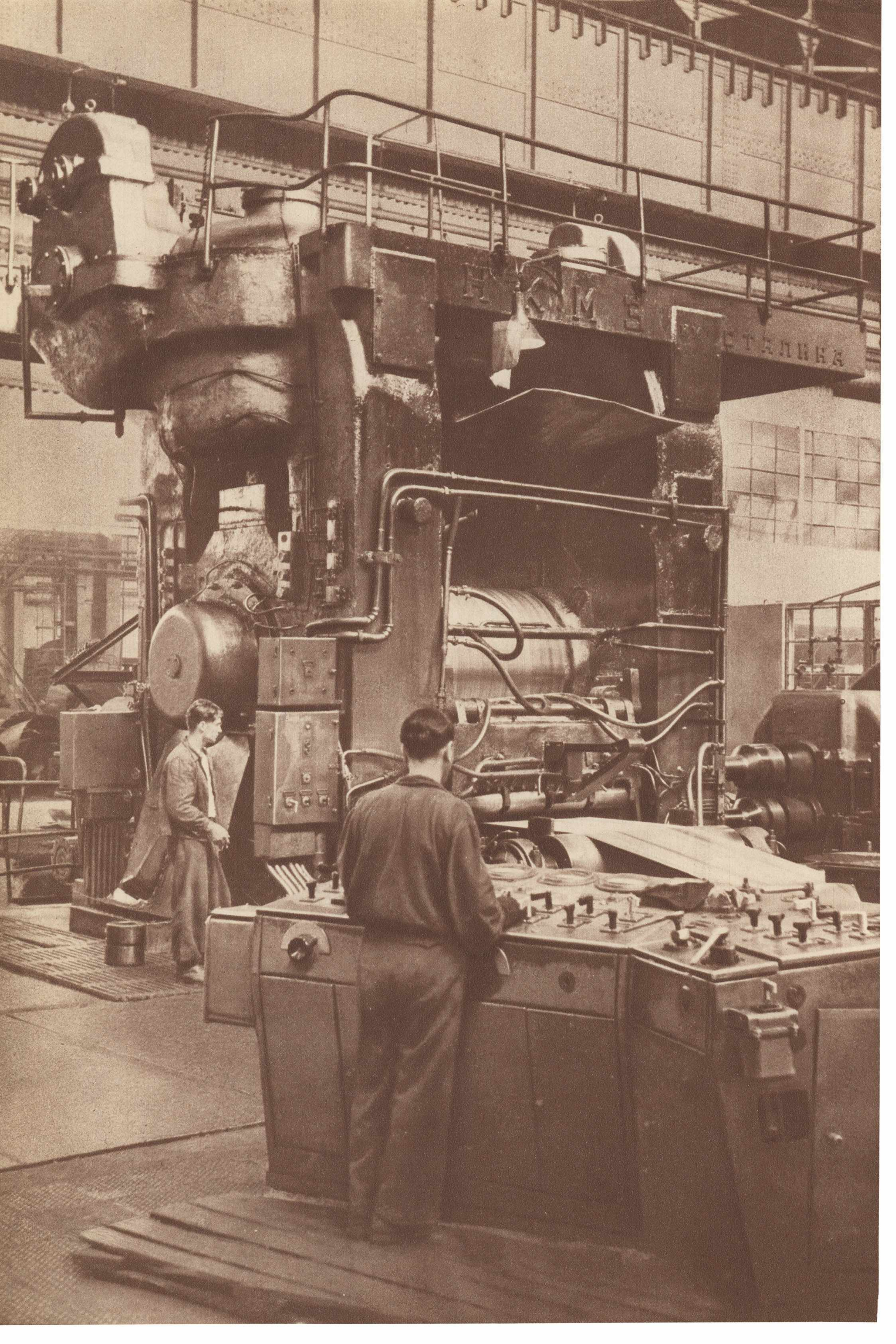
ОГОНЁК
№ 27 ИЮЛЬ 1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»



Стан холодного проката на металлургическом заводе «Запорожсталь». Фото Н. Козловского.

Тысячи талантливых юношей и девушек развивают свои дарования в музыкальных школах и училищах Узбекистана. Для самых талантливых широко открыты аудитории Ташкентской консерватории — одного из крупнейших высших учебных заведений республики. Много певцов, музыкантов, дирижеров вышло из ее стен.

Посетители отчетных концертов консерватории хорошо знают Сару Ходжаеву — студентку выпускного курса по классу арфы. Сейчас она успешно заканчивает работу над дипломной программой. Впереди творческий путь музыканта: Сара Ходжаева уже получила приглашение в оркестр Узбекской государственной филармонии.

На первой странице обложки: Сара Ходжаева.

Фото И. Романова.

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

31-й год издания

№ 27 (1360)

5 ИЮЛЯ 1953

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

На благо человека, во имя мира!

Единодушно откликнулись советские люди на выпуск нового государственного займа. Вот что сказал старший мастер ленинградского Кировского завода А. К. Байков:

— Советский народ знает, что средства, которые он дает взаймы государству, идут на дальнейшее развитие народного хозяйства нашей социалистической Родины. Коммунистическая партия и Правительство проявляют о нас, советских людях, отеческую заботу. Взгляните на Нарвскую заставу, и вы увидите, как она чудесно преобразилась за последние годы. А такие перемены мы можем наблюдать повсюду в стране.

Ленинградец, естественно, вспомнил о Нарвской заставе. Но нет такого края в Советском Союзе, нет города и села, где бы перед глазами каждого не возникали наглядные, ощутимые свидетельства преобразований, совершенных на благо трудящихся.

Прокатчик московского завода «Москабель» Н. Ф. Смирнов говорил на митинге о сооружении дворца науки на Ленинских горах. Его товарищи упомянули Дангауэровку — ныне один из самых благоустроенных районов столицы, а в прошлом окраина с покосившимися домами и непролазной грязью. Гомельский машинист В. П. Стребулаев привел другой пример: миллионы рублей израсходованы только в нынешнем году на культурно-бытовое строительство в Железнодорожном районе Гомеля.

130 тысяч квадратных метров жилой площади, 4 школы, 3 больничных городка выстроены в поселке Комсомольском, где живут строители Куйбышевской ГЭС. Возводится Дворец культуры и стадион в молодом городе грузинских металлургов — Рустави... Все это — явления одного порядка, в них выражена неустанная забота Коммунистической партии и Советского правительства о повышении материального благосостояния населения.

Трудящиеся Советской страны знают, что новый заем поможет более быстрому осуществлению пятого пятилетнего плана. Они знают, что план этот отвечает их насущным жизненным интересам, направлен к мирному развитию социалистической Родины.

Дружная подписка на заем — яркое свидетельство единства советского общества, демонстрация сплоченности нашего народа вокруг Коммунистической партии и Советского правительства. За три дня заем размещен на 15 миллиардов 343 миллиона рублей.

Дух мира и созидания, которым проникнута жизнь нашего общества, противостоит агрессивным действиям лагеря империализма.

Международная общественность встревожена сообщениями об авантюре иностранных наймитов в Берлине и о провокации, совершенной кликой Ли Сын Мана в Южной Корее. Подлинный смысл этих событий заключается в том, что реакционные круги боятся мира и делают все, чтобы не допустить ослабления международного напряжения.

Советские люди на многочисленных митингах заклеймили позором организаторов преступных провокаций в Берлине. Они выразили полную солидарность с трудящимися Германской Демократической Республики, которые горячо поддерживают действия своего правительства и Социалистической единой партии Германии. В обращении к берлинским рабочим коллектив Московского завода имени Сталина высказал уверенность, что рабочий класс и все трудящиеся Германии не поддадутся никаким провокациям, повысят бдительность, образцовым трудом поддержат борьбу за объединение Германии в единое, демократическое, миролюбивое государство.

Дело мира непобедимо! Советский народ не пожалеет сил, чтобы в содружестве с тружениками всех стран неустанно крепить великий лагерь мира.

Ленинград. Строители Пулковской обсерватории подписываются на заем.
Фото И. Тункеля.

В Харькове, на площади Тевелева, заканчивается строительство многоквартирного жилого дома для рабочих.
Фото Б. Вдовенко.

Собрание рабочих и служащих Московского завода имени Владимира Ильича, посвященное событиям 17 июня в Берлине. Выступает укладчик моторосборочного цеха Е. Н. Новиков.
Фото А. Пахомова.

НА ПРИВАЛЕ

Павел КРАВЧЕНКО

Пассажирский автобус, шедший из Бежецка в Калинин, надолго задержался в дороге. Сначала лопнула камера, пришлось ставить запасную. Потом, перед самыми Рамешками, из-под автобуса снова грянул треск — вышла из строя другая. Водитель походил вокруг машины, открыл обе дверцы и посоветовал всем переждать в Рамешках: «Позвоним в Калинин, часа через два привезут запасную».

Пассажиры посетовали на водителя и потянулись по дороге: одни — в чайную, другие — с узелками в скверик. В скверике у подножья бюста дважды Героя Советского Союза Смирнова расселись на травке и развернули узелки.

Круглоглазый, веснушчатый парень вдруг хлопнул себя по коленям и сказал:

— Тетя Паша, здравствуйте!

Пожилая строгая женщина, уже доставшая из узелка провизию, подняла голову:

— Что-то я тебя не припомню.

— А я помню, — обрадовался парень. — Вы еще в Костюшино дочку приезжали навещать. Ваша Шура-то ведь за брата нашей снохи вышла.

— Значит, родня, — усмехнулась женщина. — В дороге веселее. Куда едешь? В Калинин? Да ты бери яйца-то. Соль в бумажке.

— Спасибо, не откажусь. Не захватил провизии. В Калинин к дяде Игнатию съезжу по делу, потом обратно, а потом, наверно, в самую Среднюю Азию махну.

— Что больно далеко?

— Жизнь там, говорят, богатая, — доверительно сообщил парень и посыпал солью второе яйцо.

Рядом сидел сутуловатый человек с глубоким шрамом над правой бровью. Он глянул на парня:

— Ты из колхоза «Тринадцать лет РККА», что ли? Сколько у вас трудоспособных женщин?

— Кажись, сто десять. А что?

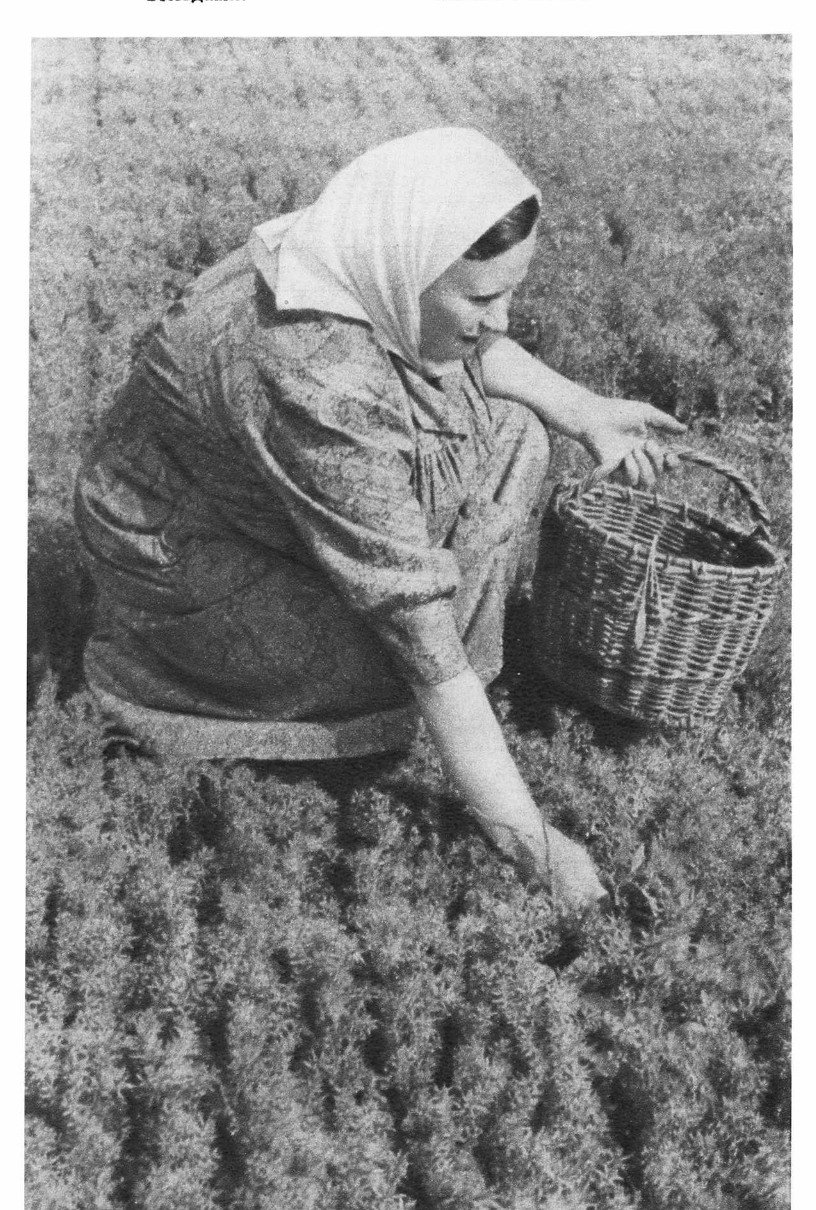
— А мужиков?

— Тридцать пять. А чего вы спрашиваете?

— А то и спрашиваю, что, стало быть, мужиков в колхозе тридцать четыре останется, или у вас и бабы в Среднюю Азию уезжают?.. Ты комсомолец?

Парень засопел и отложил недоеденное яйцо.

Ленок поднимается дружный. Елизавета Ивановна Нилова довольна всходами.



— Я комсомолец, только вы не туда гнете. Пожили бы, поработали в нашем колхозе, тогда бы вопросов не задавали. Вы же не знаете, сколько мы на трудодень получили. Это тоска, а не трудодень. Должны были собрать больше пяти центнеров льна с гектара, а собрали чуть больше двух.

— Несчастные, стало быть, вы люди, — посочувствовал человек со шрамом. — Небось, надорвались на работе?

У парня даже на лбу веснушки выступили.

— А вы не надсмеивайтесь, — обиженно сказал он. — С нашей МТС не надорвешься. Почему в соседнем колхозе сейчас гусеничный трактор на севе работает, а у нас на пахоте колесный? Думаете, мы хуже всех? Тоже просили, чтобы нам в этом году рядовой сев льна провести.

— Не получилось? — опять сочувственно спросил собеседник.

— Вот и опять ваша насмешка к чему. Позвонили в МТС, а они отвечают: «Сеялок у нас нет, высылайте лошадей в Бежецк, привозите сами на лошадях...» Это тракторную-то сеялку на лошадях!.. Тогда представитель из райисполкома товарищ Павлов им позвонил, а они дундят снова другое. Говорят, мы отклонили в договоре пункт о севе льна... Представитель им: «Как же вы отклонили, когда колхоз об этом не знает?» Тогда они третье: «Сеялку вы и у нас можете взять, но она зерновая». А нам лен сеять... Это как, не насмешка над колхозом, если колхоз самый слабый?

Человек со шрамом встал, отряхнул с колен крошки и снова сел. Глаза у него стали немного косить.

— Рассказывай дальше! — резко сказал он парню.

— А дальше с этим колесным трактором. Пришел он нынче к нам, вспахал всего двадцать три сотки, сцепление отказало. Это, значит, отремонтировала его МТС за зиму. Хорошо отремонтировала, только пришлось нашему колхозному кузнецу в Костюшине сцепление устраивать! Кузнецу зимы на это не потребовалось — за один день все сделал. Тогда мы к трактористам: «Ребята, давайте и ночью работать». «Мы бы с удовольствием, — фар нет». Значит, везде МТС как МТС, только у нас горе. Видали? Фары у них дефицитной частью сделались. Стали просить еще гусеничный трактор, а из МТС отвечают по телефону: «Трактор есть, тракториста нет, найдите сами...» А где мы его найдем? Эти ребята, что у нас работают, говорят: их «смежной профессии не обучали», они только колесный «ХТЗ» знают... А пока разговаривали, и опять трактор стал. В чем дело? Плуг не поднимается, зубья на втулке автомата сносились. Сейчас, мол, сменим. Достали запасную втулку — не лезет... Кувалдой попробовали вгонять — не идет... А у директора МТС товарища Большева в отчете, наверно, все в порядке: запасной частью обеспечил плуг, можно опять в бутылочку заглядывать... Опять нашему колхозному кузнецу пришлось соображать, чтобы вошла эта запасная часть, куда ей следует... И дальше опять так — одно за одним!.. Вот и получилось: за четырнадцать дней — с четвертого по восемнадцатое мая — они своим трактором двенадцать га вспахали да восемь га прокультивировали... Теперь вам понятно про нашу работу?

— Понятно, — медленно сказал собеседник и засунул обе руки за пояс. — Мне теперь все понятно... Значит, выходит, по-твоему, в вашей МТС плохие руководители всю жизнь сидеть будут, партия и советская власть с ними, по-твоему, не справятся? Добиться, значит, вы ничего не сумели, артели надо в трубу вылетать, а пока суд да дело, колхозным парням следует в Среднюю Азию перебираться. Пускай одни бабы в слабом колхозе новую жизнь строят. Так, что ли?

— Подожди, Кондратьич, — вмешалась в разговор молчавшая до сих пор тетя Паша. — Круто берешь... Тебя как звать-то, соколик?

— Петром, — ответил надувшийся парень и опасливо взглянул на Кондратьича.

— Приглядел, что ли, место в Средней Азии? Да бери, говорю, яйца, бери. Нарезай хлеб. Чего есть-то перестал?

— Приглядел, — сказал парень и облупил новое яйцо, — в Ленинабадской области, колхоз Ворошилова. Там нашего свойственника брат счетоводом работает. Писал, что колхозники не выбирают того, что им по трудодням положено, — так и оставляют в колхозных амбарах. На строительство Дворца культуры правление шесть миллионов отвалило.

— Что ж, — вздохнула тетя Паша. — Оно, конечно, рыба ищет, где глубже, а человек... Родитель-то мой в старое время тоже с друзьями каждый год, бывало, на заработки уходил — то под Ярославль, а то и в самый Петербург.

— Ты что это городишь, Пелагея? — недоуменно спросил Кондратьич. — С чего это ты парню про родителя своего рассказывать вздумала?

— Так ведь уходил же, Кондратьич, уходил. Тогда тоже хозяйство бабам приходилось вести. Всё, бывало, на нас, а мы — с хлеба на квас, так и жили... В двадцатых полегче стало, а потом будто и совсем хорошо уже, кабы не сорок первый год... Опять женщинам у нас досталось. И не знаю, когда еще так работали, как в эту войну! Ну, правда, ничего, урожаи хорошие снимали... Тебе, Петр, который год пошел, когда с войной покончили?

— Десять было, — хмуро отозвался парень.

— Стало быть, ты еще в школу не ходил, когда мы в своем колхозе самолет для фронта купили. Двести двадцать тысяч рублей добровольно собрали. Пятьдесят пять хозяйств у нас, в колхозе Ильича, тогда было. Почитай, женщины одни... Это сейчас кажется мало, а тогда сами считали: пятьдесят пять, — значит, сила!

— Вы это к чему, тетя Паша? — подозрительно спросил парень.

Тетя Паша помолчала, внимательно посмотрела на парня:

— А мне, сынок, и самой трудно сказать тебе, к чему это я. Плохой из меня оратор. Хотела было рассказать про Королеву, про Нилову, да не знаю, интересно ли тебе про старых женщин слушать.

— Да нет, почему... — сказал парень и зачем-то стал рассматривать свои перепачканные ладони.

— Да и то сказать: что про них особенного рассказывать, — раздумывала вслух тетя Паша. — Ну, Нилова, та хоть председателем колхоза сколько лет работала —

на ее имя и Сталин благодарность посылал за этот самолет, про который я тебе говорила, а Королева — она рядовая колхозница: и возчиком, и пастухом, и конюхом работала, и за плугом ходила,— уж только потом звеньевой стала.

— Не тяни, Пелагея,— посоветовал человек со шрамом.

— А ты не перебивай, Кондратьич,— спокойно отозвалась тетя Паша.— Я ему про лен рассказать хочу. Сколько, говоришь, льна у вас собрали нынче? — обратилась она к парню.

— Два и три десятых центнера волокна с гектара.

— Вот. А у нас в колхозе в сорок седьмом и того меньше собрали — всего по два, безо всяких десятых. Только зерновые и спасли нас. Тоже обидно стало. Председатель Нилова совестила, совестила, а потом в колхоз «Парижскую Коммуну» послала, чтобы поглядели, как лен по-настоящему выращивать надо. Оно, может, совестить и не к чему было: каждому ведь хочется получше жить. Это неверную поговорку сложили, что у колхозников работа, у председателя забота. Всех за живое задело, сколько в «Парижской Коммуне» льна-то собирали. Ну, а тут агроном наш, Кукушкин Иван Михайлович, целую программу соорудил. Сказал, что «Парижскую Коммуну» обогнать можно. Для каждого звена отдельно план составили — у кого какая почва. Она, правда, по всему колхозу кисловатая, но все-таки у кого в низине, а у кого на взгорье — все сообразить надо было. Как проборонили,— волокушами да катками землю укатали. Тут и началось... У вас в колхозе гранозан-то есть?

— Кто? — удивился парень.

— Не кто, а гранозан. И потом этот еще, гексахлоран.

— Не знаю, про чего это вы говорите, тетя Паша.

— То-то, не знаешь, а тебе надо бы знать: молодой, грамотный. Гранозаном надо протравить семена, а гексахлораном попудрить. Потом обогреть их денька два—три на солнышке... Не прогревали?

— У нас? Нет.

— Зря. Ты вот подскажи своим. У нас Королева Александра Тимофеевна поговорку такую придумала: матушка-рожь кормит всех сплошь, а ленок — по выбору. Много премудрости всякой со льном, да оно с этой премудростью как-то интереснее получается. Вы чем землю-то удобряли?.. Ну, чего молчишь?

— Да не удобряли мы,— досадливо сказал парень.

— Что, и золы даже не подбрасывали?

— Нет.

— Я сама сперва никак не могла запомнить эти названия, все сбивалась, они нерусские какие-то, ну, а после сорок восьмого у нас и парнишка и старуха их помнят. Осенью фосфоритную муку и хлористый калий в землю кидали, весной — опять хлористый калий, понял? А перед посевом — селитру и этот, суперфосфат, только не порошком, а комочками — называется гранулированный, он тоже сильно делу помогает.

Человек со шрамом посмотрел на озадаченное лицо парня, глядевшего во все глаза прямо в рот деловитой тете Паше, потом прилег на траву и отвернулся в сторону, чтобы парень не увидел его улыбки. Тетя Паша продолжала:

— Прямо скажу тебе, спать нам тогда не очень много приходилось... Вы когда лен-то полете?

— Да мы его почти что и не пололи,— опять покраснел парень.

— А вот это никуда и не годится! — рассердилась тетя Паша.— Что ж ты на МТС все сваливаешь, когда сами толком ничего не делаете? Руководителей вашей МТС надо, конечно, унять, но и сам не пеняй на соседа, коли спишь до обеда. Полоть ленок надо, когда он вот такой, со спичечный коробок поднимется. Понял?

— Понятно,— отозвался парень.

— Вот, а Королева тогда уже и больше нашего понимала. Никто не гнал — сама прямо изводилась на работе. Дождя не было — галки, видать, теплынь накричали,— так Королева, знаешь, что придумала? Придумала, как без дождя лен выращивать. Раньше говорили: урожай, мол, не от росы, а от поту,— а она и росу приспособила. Поднимет утром, часика в три, девчат, выйдут в поле с веревками, полюбуются, как роса слезой на верхушках у льна висит, и пошли. Роса-то, она ведь вечерок наземь слетает, в ночь на льну побывает, а утром опять улетает, а Королева говорит: зачем ей улетать? Возьмут веревку сажен десять за концы и волокут ее по льну. Росу обобьют — на земле будто дождь прошел. Утром глянешь — ленок веселее выглядит. Да разве про все расскажешь. А на стлищах! Тоже угадать нужно во-время снять. Оказалось, только захотеть надо, тогда все поймешь, а не захочешь — и учи тебя, не учи, все равно не выучишь... Те же гранулированные удобрения — уж куда лучше! Ну, некоторые их без разбора в землю кидали, а Королева дотошная — поговорит с агрономом Кукушкиным, а потом через сито. Сначала пыль отгонит, потом крупные комки отсеет, а в землю только самые средние. Тут целая наука. Ну, и другие звеньевые тоже не далеко отставали. Что ж ты думаешь? Я тебе говорила — в сорок седьмом два центнера с гектара волокна сняли, а в сорок восьмом столько собрали, что Золотую Звезду Героя получили и Нилова, и Королева, и Гаврилова Александра Арсеньевна, и бригадир Шипунов. Понял?

— Слыхал я,— чужим голосом ответил парень и взлохматил себе голову.— Я, тетя Паша, и сам уж задумывался...

— Это хорошо, соколик, коли задумываться начинаешь! — почему-то строго сказала тетя Паша.— Уж коли человек задумается, так обязательно что-нибудь выйти должно. Ты думаешь, все дело только в агротехнике? В людях дело, тогда и агротехника, и трудодень, и удача будут. Люди-то разные бывают. Вот ты, по всему видать, хороший парень, а ведь в колхозе вашем, наверное, разные люди есть. Вот и у нас тоже. Объединились в пятидесятом году мы с тремя колхозами. Ну, «Большевик» — он тоже зажиточный колхоз был, а «Красный кремень» и «Краснофлотец» — те вовсе слабенькие. Из наших кое-кто говорит: «Иждивенцев на свою голову взяли: вон «Красный кремень» даже осенью землю ни разу не пахал». А у них тоже свой гонор. «Хозява,— говорят,— какие над нами объявилися!» Был у них такой Байков — ну, прямо скажу, заноза. Куда он только не писал, все жаловался на нас: и то ему не так, и это не по нраву. Нилова, бывало, приедет зерно проверять, а он уже шипит. «Шпики,— говорит,— приехали». Уж всем правлением прикидывали, что с ним делать. Заведующим фермой определили — так свои же доярки прибегали к нам. «Уберите его,— говорят,— от нас христа ради». Жизни, мол, никакой нет. «А не уберете, так мы все с фермы уйдем».

Председатель колхоза имени Ильича Сергей Максимович Погорелый (слева) и бригадир Николай Иванович Бирюлев.

Фото Б. Кузьмина.

Ну, правда, таких мало было, а гораздо больше тех, что приглядывались к нам, перенимали, как работать надо. Когда к концу года получили на трудодень вдвое больше против прежнего, перестали ссориться, работа повеселее пошла.

Надумали еще раз укрупниться. Это в пятьдесят первом уже году. Присоединились к нам деревни Чурилково и Погорелки. Колхоз огромный стал. Нилова говорит: «С таким хозяйством мне не управиться». Выбрали Погорелого Сергея Максимовича председателем. Все-таки специалист — ему и карты в руки.

Тоже попервоначалу не все гладко шло. Внимание больше к новеньким было. Среди них тоже характерные попадались. Удобрения друг у друга таскали. Бирюлев Николай Иванович — он раньше председателем в маленьком колхозе работал, а тут бригадиром стал. «Не поеду,— говорит,— за сеном: дорога плохая, не вывезешь сено». Вот какое понятие о дисциплине было. Погорелый рассердился: «Не вывезешь? Ладно». Другую бригаду послали — те вывезли, а с Бирюлевым на правлении после этого особый разговор произошел. Не раз еще такие случаи бывали. Ну, теперь о дисциплине другое сознание появилось. Тот же Бирюлев Николай Иванович одним из лучших наших бригадиров стал — и по урожайности всех остальных догнал, а кое-кого и перегнал.

На машине одна бригада к другой ездила, проверяла, чей лен лучше. Как-то увидели: у звеньевой Одинцовой огрехи на участке не заделаны. Столько шуму было, до слез дело дошло! Это, конечно, на пользу все.

И вот смотри: те же самые люди, что в пятьдесят первом году и жили бедновато и урожай плохой собирали, прямо переменились совсем. По пятнадцать, по девятнадцать тысяч рублей деньгами получили да зерна еще столько, что девать некуда: амбарчики-то маловаты оказались. А ведь еще в пятьдесят первом в той же четвертой бригаде полоть лен надо было, а они на работу не вышли. «Что такое?» «Как, что? Праздник!» «Какой это праздник?» «Так ведь день Нила преподобного!» Кому смех, а председателю не до смеха. Время горячее, шесть гектаров не полоты, а они вокруг бутылочек расселись и чувствительные песни поют. Ну, председатель напустил на них Королеву да Нилову. Показали они им Нила преподобного! Нынче об этом и думать забыли... Нил — Нилом, а работа — работой. Та же четвертая бригада в пятьдесят втором уже Нила не праздновала и почти восемь центнеров льна с гектара собрала.

— И у нас нынче троицу празднуют,— сокрушенно сказал парень.

— Вот видишь. А говорил, дядя виноват! Сами вы и виноваты, что плохо живете. На троицу самая прополка.

Александра Тимофеевна Королева (слева) на участке своей подшефной — Екатерины Ивановны Одинцовой.

Еще у нас шефство устроили. Лучшие звеньевые над новичками шефствуют. Королева над той же Одинцовой Катей шефство взяла. Катя прибегает к ней, чуть не плачет: «Александра Тимофеевна, что мне делать? Лен мой желтеет!» «А ты не тужи, это бактериоз, у меня от него лекарство есть. Бери вон мешок, поедем». Поехали, рассеяли по льну из мешка бормагний, через несколько дней и узнать нельзя было, что лен этот болел. Летом прибегают подшефные: «Пора теребить?» «Погоди, еще зелен лен-то». Так друг от друга и учились.

Председатель наш, Сергей Максимович, он и крутенек бывает, но хитрый. Сначала выпросил себе студентов на практику, а потом через студентов и профессора Дроздова из Ленинграда пригласил. По всем нашим полям ходили. Они сильно помогли нам по науке все делать... Спервоначалу мы учились, а теперь, бывает, и у нас кое в чем институт учится: вызывали нынче нашего председателя с докладом, как хозяйством на льне руководить надо. Вот как!.. Ты, Петюша, понял, к чему я тебе это все рассказываю, или нет?

— Будто бы понял, тетя Паша,— сказал парень, глядя в сторону.

— Вот видишь, а я ведь тебе только самое начало рассказала. Впереди-то по-иному быть должно. И по-серьезному если сказать,— не так наш колхоз сейчас живет, как надо.

— Как не так? — парень озадаченно взглянул на тетю Пашу.

— Это тебе вот Кондратьич получше меня бы рассказал, да уж коли начала, так докончу. И герои свои есть, и колхоз будто богатый: больше трех миллионов доходу получили. Сколько домов настроили, автомашин накупили, сад какой высадили, скота сколько на тот же ленок приобрели! Зернохранилище строим — такого в области нет. И трудодень большой, а бить нас все-таки некому.

— Да за что же бить-то?

— Ты вон газету читал, как в Псковской области льнокомбайны работают?

— Не успел прочесть.

— То-то, не успел! Работают льнокомбайны. А у нас в уборку стояли. Не выучились, стало быть, работать. Поучить некому. И стерню не лущили ни разу. И стлищ маловато — сколько тресты теряется. И с сорняками-то надо было не только одной прополкой сражаться, а поумнее — на парах хозяйствовать. Так что и нам-то не очень про свою работу трубить приходится. Ручки на животе рано складывать... Да что с тобой говорить! — вдруг почему-то рассердилась тетя Паша и досадливо махнула рукой.

— Пошли, Пелагея,— сказал человек со шрамом.— Камеру, кажись, привезли.

Тетя Паша не спеша завязала отощавший узелок, встала и пошла к автобусу, не оглядываясь. Человек со шрамом было пошел с ней рядом, потом вернулся, подошел к оторопевшему парню и натянул ему кепку на самый нос.

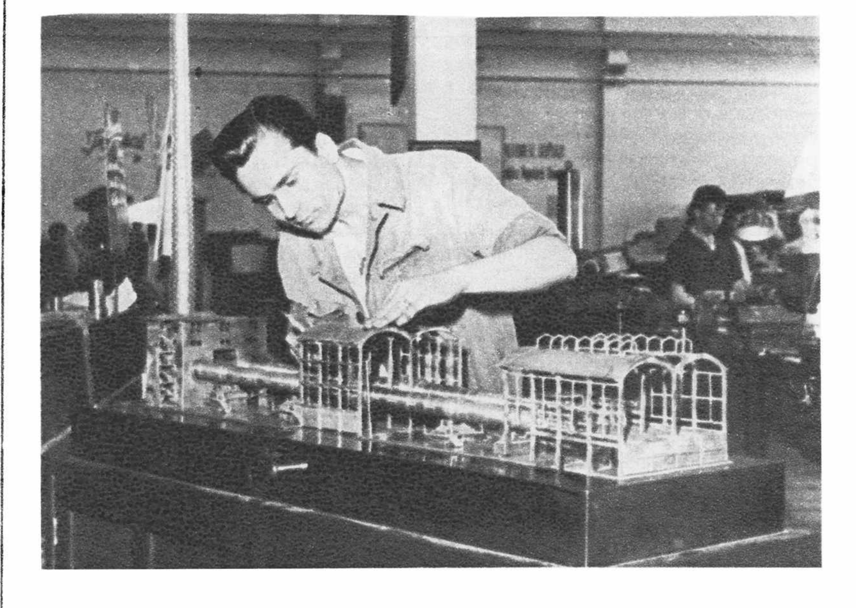
— А ты говоришь — в Среднюю Азию. Турист,— сказал он.

Бежецкий район,
Калининской области.

В БУХАРЕСТЕ

Около месяца осталось до открытия IV Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Тысячи юношей и девушек из всех стран земного шара съедутся в столицу Румынии на грандиозный праздник молодости. Трудящиеся Бухареста и прежде всего, конечно, молодежь с нетерпением и волнением ждут этого дня. Работы еще много. Благоустраивается стадион «Динамо», вмещающий около тридцати тысяч зрителей. В Парке культуры и спорта строится новый стадион на восемьдесят тысяч человек. Там же сооружаются летний театр, искусственное озеро. Молодые строители дали обязательство закончить все работы в Парке культуры и спорта за семнадцать дней до открытия фестиваля.

Трудовым подъемом охвачены все молодые трудящиеся Бухареста. Елена Попеску (фото 1) — молодая работница трикотажной фабрики имени Павла Ткаченко. В честь фестиваля она ежедневно перевыполняет свою норму на 27 процентов.



Участников фестиваля ждут в Бухаресте многочисленные подарки. Их готовят юноши и девушки румынской столицы. Один из таких подарков — модель цементного завода — изготовляет Александру Бужгурила, рабочий завода имени 23 августа (фото 2).

Тысячи писем приходят каждый день в Бухарест, и на многих из них стоит один и тот же адрес: бульвар Республики, 33. Это адрес Международного подготовительного комитета фестиваля. Сюда присылают песни на конкурс, здесь узнают все подробности о проведении праздника, сюда почти из всех стран мира поступают сведения о подготовке к фестивалю.

На снимке: здание, в котором находится Подготовительный комитет.

Фото Аджерпресс.

ГОРОД И ЛЮДИ

А. СТАРКОВ

Фото Я. РЮМКИНА.

Как почти у каждого города, есть и у Кривого Рога своя легенда. А коль уж она существует, разве не заманчиво именно с нее и начать рассказ...

Легенда такая.

В семнадцатом будто бы веке поселился у слияния двух речек — Саксагани и Ингульца — запорожский казак по прозвищу Рог. Был он храбрый рубака, потерял в боях глаз. Уйдя на покой, Рог широко раскрыл двери своей хаты для друзей-запорожцев.

— Ты куды, козаче? — спрашивали у сечевика, собиравшегося в путь.

— Подамся до кривого Рога,— отвечал он.

— Де був? — допытывались у того, кто возвращался на Сечь.

— Був у кривого Рога.

Потом рядом с хатой старого казака появилась другая, третья...

По-разному выбирают себе города место на земле. Одни, подобно Архангельску, жмутся к реке, боясь хоть на шаг отступить от нее. Иные, вроде Алма-Аты, уютно устраиваются у подножья горы. Улицы третьих — Уфы, например,— располагаются амфитеатром по склонам возвышенности. Но почему Кривой Рог, избрав для себя холмистую степь за Днепром, вытянулся длинной узкой лентой, а не раздался вширь?

Оказывается, так лежит под землей руда, и город как бы повторяет собой форму ее залегания. Шахты, возникая вдоль рудного месторождения, обрастали поселками, которые, связываясь между собой единой прямой магистралью, превращались постепенно в огромный, растянувшийся на несколько десятков километров город...

Многие ли знают, что население Кривого Рога равно населению крупного областного центра, что здесь восемьсот с лишним улиц, а одних только новых, построенных после войны домов без малого пять тысяч?

Город предстал перед нами в наиболее выгодную для себя пору — в период полного цветения, когда легкий пух с тополей, как первый снежок, устилает тротуары; когда столько кругом сирени, что шоферы грузовых машин украшают ею кабины; когда и скромница-осина цветет так буйно, что пышностью своего одеяния не уступает признанной красавице — белой акации.

Конечно, зелень способна украсить лицо любого города. Но если это лицо и само по себе привлекательно, молодо и свежо, если город строго и ясно распланирован, если каждый квартал в нем имеет свой архитектурный стиль, а несколько кварталов вместе представляют собой единый ансамбль,— нетрудно догадаться, как хорош такой город в зеленом уборе.

На богатой земле стоит Кривой Рог. Внизу, в недрах,— руда. А тут, под небом,— деревья, травы, цветы. Они подступают вплотную к шахтам — копрам, эстакадам,—опоясывают их многокрасочными лентами, придавая милое своеобразие суровой индустриальной картине.

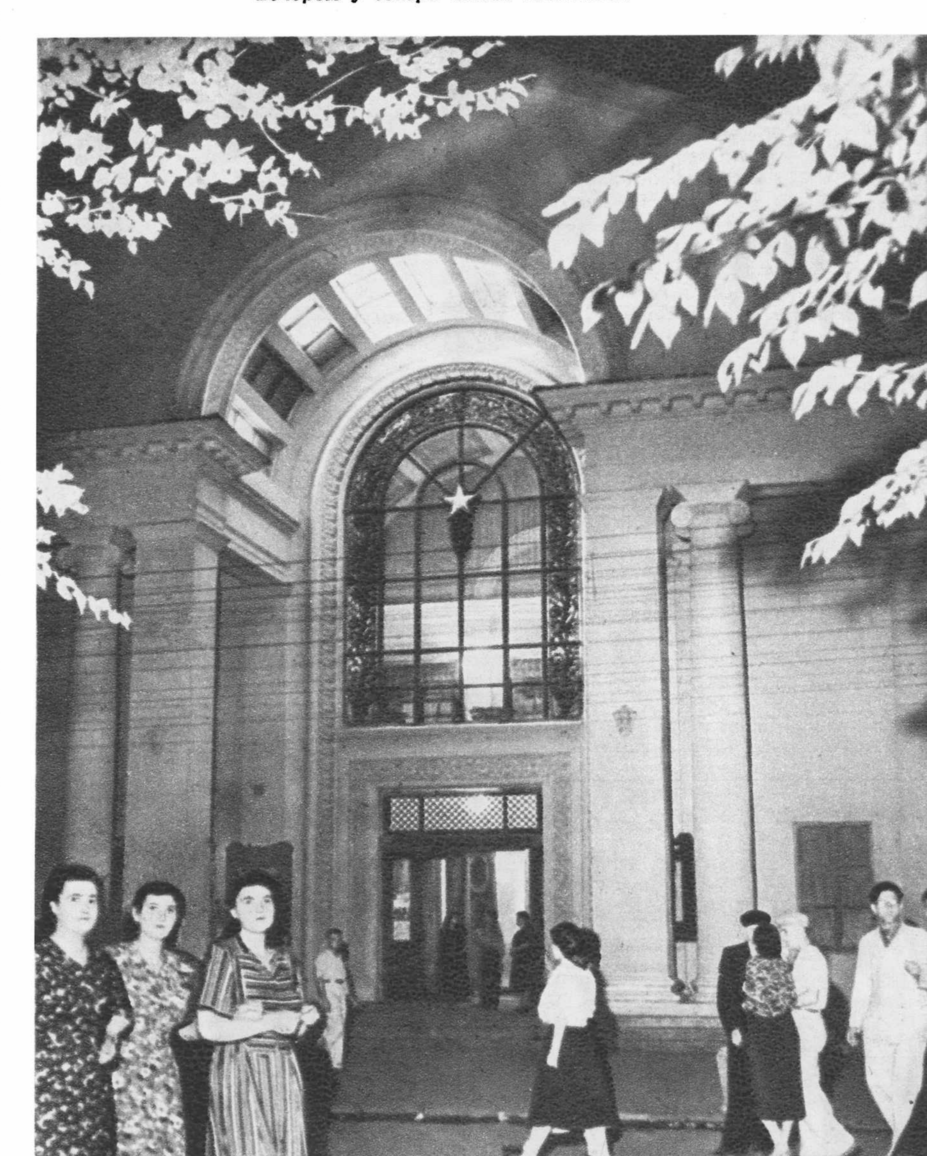
В этом городе любят цветы.

На каждом почти руднике есть специальный садовник-цветовод, который стремится поразить вас каким-нибудь совершенно необычайным рисунком клумбы.

Сейчас это соревнование садовников, бывшее до сих пор неглас-

На фото вверху: Кривой Рог. Проспект Карла Маркса.

Вечером у театра имени Шевченко.



ным, переносится на общегородскую арену. В центре города, на одном из последних, оставшихся после войны пустырей, разбита площадь, которую хотят назвать Площадью цветов. Каждая клумба здесь будет принадлежать определенному руднику, и садовники получат возможность блеснуть перед всем городом своим искусством.

Цветы преподносят шахтеру, показавшему рекордную выработку. Их дарят врачу, исцелившему больного. Школьники вручают пышные букеты своим учителям после экзаменов.

Как раз в такой торжественный момент мы и застали директора 16-й средней школы Николая Антоновича Миколаенко. Только что он побывал на экзамене по географии у Татьяны Федоровны Левченко. Выслушав очередной ответ, старая учительница делала пометку в записной книжке, потом медленно оглядывала класс. И директору всякий раз казалось, что Татьяна Федоровна вот-вот остановит на нем свой строгий взгляд и спросит:

— Коля Миколаенко, ты готов отвечать?

Спросит так, как спрашивала его в этом же классе пятнадцать лет назад, когда он был не директором, а учеником этой школы...

Николай Антонович и Татьяна Федоровна вместе вышли из класса, спустились по лестнице и только раскрыли дверь на улицу, чтобы подышать в саду свежим воздухом, как навстречу им ринулись с цветами ребята.

У себя в кабинете директор поставил букет в кувшин с водой, а самую большую белую розу прикрепил к раме висящего над столом портрета летчика — Героя Советского Союза.

— Это Ваня Кобылянский,— сказал, обращаясь к нам, Миколаенко.— Мой школьный товарищ и, следовательно, тоже ученик Татьяны Федоровны... Летал на штурмовике. Вы знаете, из нашей горняцкой молодежи вышло много летчиков-храбрецов. Видели бронзовые бюсты дважды Героев Дмитрия Глинки и Василия Мыхлика?.. После войны они приезжали в Кривой Рог навестить земляков. А Ваня приезжал еще во время войны, но меня в городе не было. Так и не довелось свидеться. Погиб он в самый канун победы. Лежит в польском городе Кракове на главной площади... Наша пионерская дружина носит имя Кобылянского, и ребята гордятся, что учатся в школе, воспитавшей Героя Советского Союза...

Школьницы дарят цветы Т. Ф. Левченко и Н. А. Миколаенко.

У здания горнорудного института. В центре — директор института профессор Г. М. Малахов.

В этот день мы посетили еще одно учебное заведение — Криворожский горнорудный институт. Там нельзя было не побывать — юбиляр! Тридцать лет исполнилось...

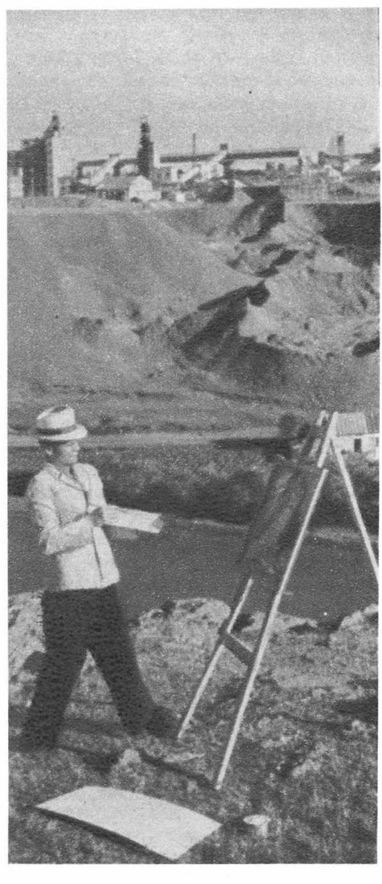
Вместо того, чтобы излагать историю этого вуза, мы коротко расскажем биографию одного его выпускника, а это, собственно, и будет рассказом об институте.

В двадцатых годах работал бутовщиком на шахте «Октябрьская» Валентин Недин. Бутовщик... Тяжелы были в ту пору все горняцкие профессии, ну а эта была самой тяжелой. Человек руками перетаскивал многопудовые глыбы, закладывая ими выработанные пространства; при этом его покрывал такой слой въедливой пыли, что смыть ее было невозможно. Недаром сложилась в народе горькая шутка: «Не мой, дивчина, ноги в луже — только замараешься, бо там бутовщик воду пил». Вот какая это была профессия, теперь уж канувшая в вечность, навсегда вычеркнутая из жизни горняков!

Итак, Валентин Недин был бутовщиком, потом — лопаточником — тоже умершая ныне, вытесненная машиной профессия. Потом — подручным бурильщика, бурильщиком. На руднике открылся вечерний техникум, превратившийся вскоре в институт. И бурильщик Недин стал сначала учащимся техникума, а затем студентом института. К этому времени он уже был горным мастером. И студенты проходили у него, тоже студента, студенческую практику на участке.

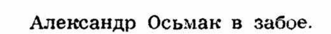
Обучаясь в институте, Недин не покидал шахты, а получив диплом инженера, он не порвал связи с институтом. Технорук шахты, заведующий шахтой, главный инженер рудоуправления, Недин занимался в аспирантуре, преподавал, печатал в технических журналах статьи, выпускал книги. Все эти годы его интересовала проблема борьбы с пылью на шахтах...

Мы беседовали с доцентом, кандидатом технических наук Валентином Васильевичем Нединым в перерыве между экзаменами, которые он принимал у студентов.



Горняк-художник Николай Пластун

И. А. Митрофанов в своем саду.



Александр Осьмак в забое.

— Мне самому,— говорит он,— предстоит скоро экзамен. Я ведь закончил докторскую диссертацию. Она уже в Москве, в горном институте. Жду извещения о защите...

— О чем ваша диссертация?

— Все о том же,— улыбнулся он: — о пыли, о борьбе с пылью на рудниках. Это мой старый враг, еще с той поры, когда я был бутовщиком. Сейчас, кажется, общими усилиями мы добьем этого врага... Вот совсем недавно я узнал, что бурильщик Осьмак с «Дзержинки» конструирует аппарат, который должен ликвидировать пыль при работе с телескопными перфораторными молотками. Я был у Осьмака. Весьма оригинальную задумал человек конструкцию! Видимо, придется добавить к моей диссертации еще несколько страничек, посвященных этому аппарату.

Из института мы едем в детские ясли при металлургическом заводе и снова попадаем... в экзаменационную атмосферу.

Как известно, население яслей делится на три категории: ползунки, ходунки и бегунки. Так вот,

→

В детских яслях металлургического завода.

шли «переводные испытания» из первой категории во вторую: из ползунков в ходунки.

В саду на траве расстелили ковер, и нянюшки вынесли сюда своих питомцев.

Сделать первый самостоятельный шаг в жизни — посложнее, чем сдать начертательную геометрию... Крошечный годовалый человек стоит на краю ковра, как на краю пропасти, не решаясь двинуться в долгий и дальний путь. Но вот теплая ладонь нянюшки ласково подшлепывает этого человечка, и он, раскачиваясь, как былинка, и выставив вперед руки, идет. Идет и не падает. Идет уже не по ковру, а по земле. Идет, как настоящий, полноценный ходунок! А рядышком робко ковыляет девчурка, которую не очень деликатно подталкивает Ольга Коваленко, уже многоопытный пешеход одного года и десяти месяцев от роду.

В добрый путь, товарищи ходунки!

...Теперь — о нашей встрече с криворожским миллионером Иваном Алексеевичем Митрофановым. Он миллионер, потому что за сорок лет труда на шахте добыл больше миллиона тонн руды, которую развезли по стране в 847 железнодорожных эшелонах.

Подсчет этот был произведен работником планового отдела рудоуправления Раисой Митрофановой, дочкой Ивана Алексеевича.

Узнав от дочери об этих цифрах, он пошутил:

— Вот так уж восемьсот сорок семь? Прибавила, небось, по родству пару составов.

— Нет,— сказала дочь,— я вам, папа, не прибавила, а убавила... Время, когда вы работали лопаточником, не учитывала, а только, когда бурильщиком стали.

В семье Митрофановых принято называть отца и мать на «вы». Семья немалая: семеро детей. Есть тут и фармацевт, и геолог, и моряк, и, как мы уже знаем, плановик, есть двое школьников.

— Старшую свою, Надежду, ругаю,— говорит Иван Алексеевич.— Выучилась на фельдшера. Надо уж было на врача набираться. Дальше не пошла.

Матрена Ефимовна вступается за дочку.

— Муж, дети у Надежды... Ты про меня вспомни. Могла я учиться?

— Ты, мать, другая статья. Ты только в тридцать лет грамоту узнала...

Иван Алексеевич приглашает нас пройтись по саду.

Сад — гордость Митрофановых. Красавец! 136 фруктовых деревьев. Яблоки, вишни, сливы, абрикосы, виноград... Сколько труда вложено в это детище! В прогулке по саду нас сопровождают, кроме Ивана Алексеевича, двое его внучат, которых он шутливо называет «садоедами».

Потом мы сидим на террасе, и Митрофанов с пристрастием допрашивает нас, где мы были в Кривом Роге, что видели, с кем встречались. Старожил, влюбленный в свой город, он боится, как бы мы не пропустили чего-нибудь примечательного, как бы не прозевали невзначай какого-нибудь интересного человека.

— Осьмака повидайте...

Мы уже слышали от Недина об этом бурильщике. Иван Алексеевич дает ему короткую, но выразительную характеристику:

— Ясная голова.

Итак, едем к Осьмаку!

Поднимаемся по лестнице нового, в этом году построенного дома. Дверь нам открывает сам хозяин — молодой, плотный, широколицый, с мокрыми волосами, которые он еще не успел причесать. Видно, только с шахты вернулся. На столе у него лежит вскрытая бандероль. Получил, оказывается, сигнальные экземпляры своей вышедшей в Москве брошюры.

В этой книжке Александр Осьмак рассказывает о том, как он переделал перфораторный молоток и стал бурить в забое с помощью трех — четырех молотков одновременно.

Как шахтер он, по существу, новичок: стаж — два года. А его уже на всех рудниках знают, за советами к нему приезжают, к себе зовут.

До шахты жил в колхозе, служил в армии. Тракторист, комбайнер, слесарь, механик, шофер, теперь бурильщик... Мы спросили Осьмака, какую же из этих профессий он считает своей основной. В его темных, чуть с раскосинкой глазах мелькнула лукавая искорка, и он не сразу ответил.

— Профессия? — повторил он это слово, будто прислушиваясь, как оно звучит.— Что-нибудь доброе придумать... Вот моя профессия.

Что-нибудь доброе придумать! Жил в колхозе — придумал машинку для ловли долгоносиков. Служил в армии — сконструировал портативный кран для подъема понтонов. Спустился в шахту — присмотрелся и предложил оригинальное устройство, которое делает молоток устойчивым и позволяет перейти на многоперфораторное вертикальное бурение.

— Вы, кажется, что-то против пыли изобретаете?

Разговорчивый Осьмак сразу становится сдержанным, и мы понимаем, что он не любит говорить о незавершенном: эта конструкция еще не испытана.

...Так знакомились мы с криворожцами.

Побывали у бурильщика Никифора Кирилловича Душука, известного в городе пчеловода, и попали к нему во-время, потому что он на другой день собирался вывозить улья в лес, за сто примерно километров. Ездить к пчелам Никифор Кириллович будет в «Москвиче», который недавно приобрел.

Навестили Алексея Ильича Семиволоса, лауреата Сталинской премии, работающего ныне управляющим того самого рудника, на котором до войны был бурильщиком.

Провели несколько часов «на натуре» с Колей Пластуном, молодым шахтером, страстным рисовальщиком, мечтающим поступить в художественное училище.

...Нельзя не подружиться с криворожцами. Нельзя не полюбить этот город с его новыми Домами культуры, с его четырнадцатью стадионами и одиннадцатью парками, с его санаториями при шахтах. Город, в котором каждое утро вместе с армией горняков выходят на работу 2 002 преподавателя, 1 562 медика; в котором за год продано книг на 3 миллиона 550 тысяч рублей...

Хороший город! Но хочется, чтобы на шахтах его еще смелее вводили механизацию, чтобы его строительные тресты выполняли планы каждый месяц, чтобы дороги были заасфальтированы, чтобы гостиницы были гостеприимнее.

Словом, чтобы этот хороший город стал еще лучше...

Алексей Семиволос.

ЛЕС НА ДЮНАХ

Облесение дюн Рижского взморья.

Фото И. Семина.

Свежий морской ветер. Запах нагретых солнцем сосен. Пологие холмы теплого белого сыпучего песка — дюны. Своеобразный, по-своему красивый пейзаж Балтийского взморья. Хорошо взобраться на вершину дюны, постоять на ветру, послушать шуршание осыпающихся песчинок. Слева плещется и шумит Балтийское море, а справа — море песка и дюн, похожих на вздыбленные ветром, застывшие волны.

Мы сказали «застывшие». Но это не совсем так. Дюны, не задержанные лесами, передвигаются, правда, медленно, но упорно. Движение их можно наблюдать в Латвии вдоль берега Балтийского моря и вдоль южной части Рижского залива. Здесь дюны расположены несколькими параллельными рядами; это пески, принесенные реками, так называемые аллювиальные образования.

Реки Гауя, Даугава, Лиелупе и Вента ежегодно выносят в море миллионы кубометров песка. Морские волны выбрасывают этот песок на пологий берег, ветер высушивает его и несет дальше. Так образовался на взморье широкий, в несколько десятков метров пляж. На этом пляже, вымытом соленой морской волной, нет никакой растительности.

Чем дальше от моря, тем условия для жизни растений становятся более благоприятными. Солянки и некоторые другие травы — первый естественный «заслон», который задерживает передвижение песка, и он накапливается здесь в виде бугров. Возникают первые со стороны моря так называемые «передовые дюны», преграждающие путь наступающим пескам.

Однако на Лиепайском, Вентспилсском и Вецакском взморье во многих местах передовые дюны лишены растительности. Здесь неукрепленные пески. В зависимости от рельефа местности, скорости ветра и условий влажности они перемещаются от моря к суше со скоростью до 2 метров в год.

Установлено, что в XVI и XVII столетиях в районе Лиепаи кочующие дюны засыпали 18 крестьянских хозяйств. Самая высокая дюна Латвии — Купескалнс — погребла под собой небольшое имение. Дюны засыпали реку Ланге, соединявшую Киш-озеро с рекой Гауей, что вызвало заболоченность окрестных лугов.

В лесничестве Мангали мы видели одинокие деревья черной ольхи, наполовину засыпанные дюной. Там, где теперь высятся вершины дюн, раньше была дорога. Старожилы рассказывают, что она засыпалась дюнами на их глазах: за 70—80 лет дюны продвинулись на сотни метров.

Первые работы по закреплению, или облесению, дюн были начаты еще в прошлом столетии. В некоторых районах они велись и в тридцатых годах XX века. Однако закрепление дюн лесами не имело большого успеха. Молодые посадки без надлежащего постоянного ухода давали малый прирост, и деревья чахли.

Только при советской власти проблема облесения дюн была поставлена на новые, научные основы. Опираясь на учение Вильямса — Докучаева — Костычева, почвоведы и лесоводы Советской Латвии открыли новые методы создания лесов на дюнах. Заметных успехов в этой области достиг Институт лесохозяйственных проблем Академии наук Латвийской ССР.

Директор этого института профессор А. Калниньш рассказал нам, что в практику успешно внедряется новый способ посадки леса на песках, предложенный кандидатом сельскохозяйственных наук М. Бушем. Метод состоит в том, что участки, предназначенные для посадок, подготавливаются еще с осени. Заранее вносятся торф, лесной отпад или лесосечные отходы. Это значительно улучшает обмен почвенного воздуха с атмосферным, корни деревьев получают больше питательных веществ и влаги. До 3—4 лет дерево хорошо растет благодаря искусственно внесенной прослойке органической массы, затем развитие продолжается за счет естественного отпада и постепенного увеличения плодородия.

Раньше многие ученые считали, что на песках может расти только сосна, и дюны засаживали различными ее видами: обыкновенной, горной, сосной Банкса. Кандидат сельскохозяйственных наук доцент А. Кундзиньш установил, что на песках хорошо приживается и черная ольха. Для улучшения почвы эта порода дерева хороша не только тем, что создает из собственных опавших листьев лесную подстилку, которая предохраняет землю от испарения, но и тем, что на корнях ее образуются клубеньковые азотособирающие бактерии.

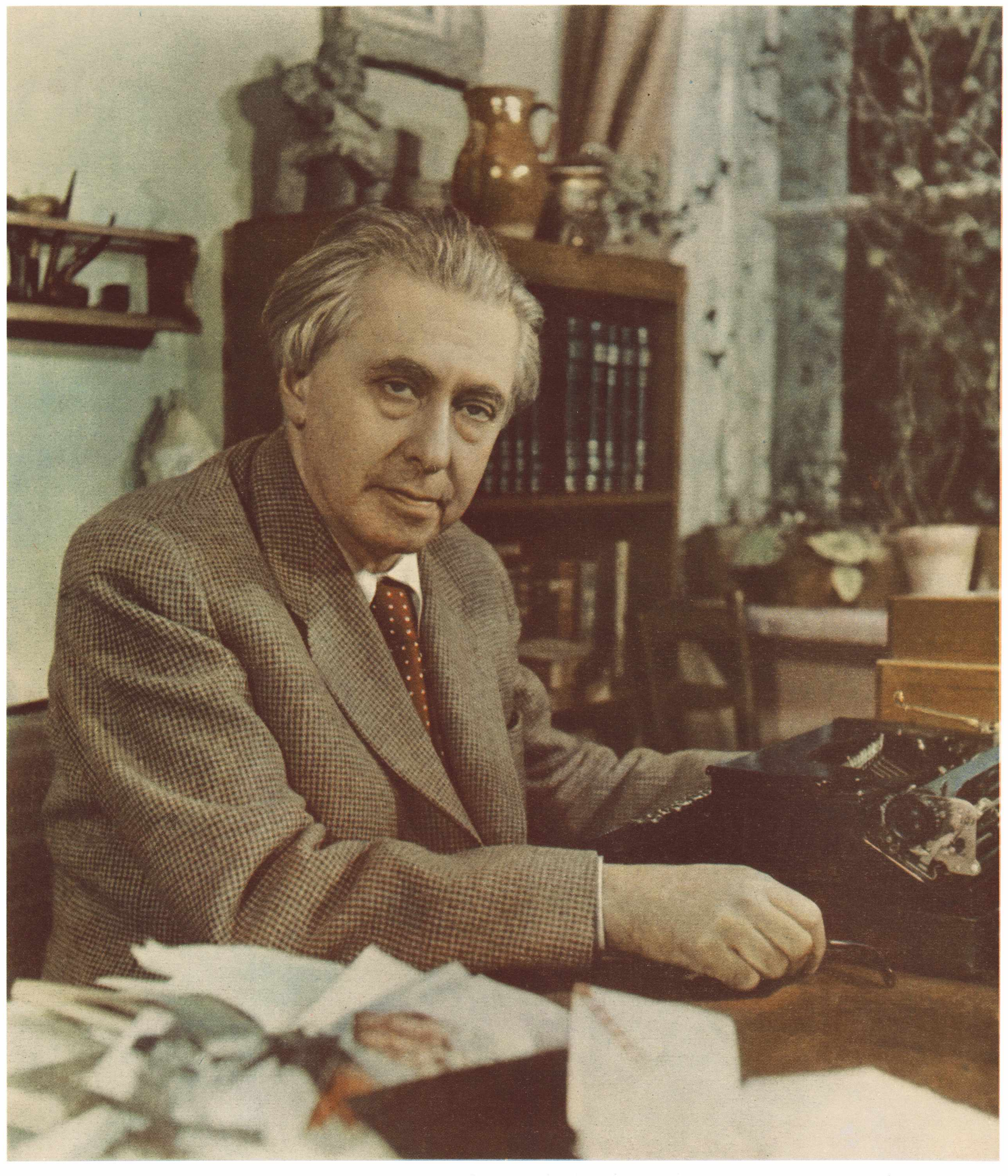
В лесничестве Мангали и Болдерайских песках некоторые дюны засажены по методам М. Буша и А. Кундзиньша. На одних участках растет береза, другие — устланы ветвями вереска, утыканы тростником, камышом, залиты битумной эмульсией. Сотрудники института продолжают опыты по задержанию кочующих песков.

От Киш-озера до берегов Балтийского моря постепенно нарастает неподвижная гряда поросших молодым лесом дюн. Движение песков здесь останавливается.

Н. ХРАБРОВА

Лауреат международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами», председатель Национального Совета Канадского конгресса защиты мира священник Джеймс Эндикотт.

Фото Дм. Бальтерманца.



Лауреат международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» советский писатель И. Г. Эренбург.

Фото О. Кнорринга.

В котловане нижнего шлюза.

БЕТОН ИДЕТ!

— Бетон идет!..

Два эти слова, которые передаются сейчас на строительстве Куйбышевской гидростанции из уст в уста, говорят о том, что стройка вступила в период своего совершеннолетия, когда подготовительные работы сменяются основными.

В самом деле, для чего все эти два с половиной года рылись на обоих берегах Волги котлованы и строились защищавшие их от воды земляные и песчаные перемычки? Для того, чтобы можно было приступить к возведению главных сооружений будущего гидроузла — здания ГЭС, плотины, нижнего и верхнего шлюзов.

Первым из шлюзов вступит в строй нижний. Это произойдет, когда русло реки будет перекрыто плотиной.

Бетонирование нижнего шлюза в левобережном районе стройки идет полным ходом. Оно началось минувшей зимой, в декабре. Уже уложено около ста тысяч кубометров бетона. Днища камер почти готовы. Нужно возвести стены и головные части шлюза. Темпы нарастают. Начали работать бетононасосы.

Эти насосы, подавая бетон к месту укладки по трубопроводу, значительно облегчают дело: не нужно строить массивных эстакад, по которым двигались бы самосвалы с бетоном. Теперь машины доходят только до бетононасосной станции. А когда сюда будет проведен транспортер с завода, то надобность в самосвалах и вовсе отпадет...

На земляных работах первое слово принадлежит экскаваторам. На бетонных, а значит, и арматурных работах — потому что, прежде чем уложить бетон, нужно установить арматуру,— ведущую роль играют разного рода подъемные краны: башенные, портальные, мостовые.

Недавно на стройке появился самый могучий представитель этой плеяды кранов-богатырей — кабель-кран. У него две башни-«ноги», каждая высотой в 54 метра. И вот представьте себе котлован нижнего шлюза. Одна башня — на его левом берегу, другая — на правом. Пролет — 370 метров.

Мы не зря назвали башни крана «ногами»: они передвигаются. Между ними протянут электрический кабель. Крановщик, сидящий в левой башне, называемой машинной, нажимом кнопки заставляет обе «ноги» согласованно двигаться по рельсам, проложенным вдоль котлована.

Кроме электрического кабеля, между башнями натянут трос, по которому ходит грузовая тележка. Так как «ноги» передвигаются вдоль котлована, а тележка поперек его, то любой груз весом до 15 тонн может быть доставлен с помощью этого крана в любую точку огромной строительной площадки.

Рассказывая об этом силаче, мы забежали немного вперед: он еще не работает. Собрана левая «нога», собирается правая. Монтажем заняты ленинградцы из треста «Союзпроммеханизация». Они должны смонтировать восемь кабель-кранов. Два из них даже побольше описанного: у них башни ростом в 74 метра, а пролет между башнями — 400. Эти будут работать на другом, правом, берегу Волги. Там — сердце стройки: котлован под здание ГЭС и перемычка, защищающая котлован от волжских вод.

А насколько грозны эти воды, показала прошедшая весна. Давно не было такого половодья на Волге. Точно река собрала все силы, чтобы опрокинуть перемычку, намытую из песка и укрепленную камнем и стальными шпунтами, а если не удастся опрокинуть, то хотя бы перехлестнуть через нее...

Но не вышло ни то, ни другое. Перемычка оказалась слишком прочной, а высота ее недосягаемой для воды.

Котлован вырыт огромный. Идешь по нему и не подозреваешь, что находишься гораздо ниже уровня дна реки. А экскаваторы продолжают всё вгрызаться и вгрызаться в грунт.

— До необходимой отметки осталось четыре метра,— говорит сопровождающий нас главный инженер котлована Геннадий Федорович Масловский.— Дороем, и тогда можно будет начать кладку фундаментной плиты гидростанции.

Здесь работают бригады машинистов Героя Социалистического Труда Ивана Ермоленко и Владлена Мячева, который хотя и значительно моложе прославленного волгодонца, но старается ему не уступить и первым достичь предельной отметки.

— А вот там уже идет бетон...— показывает Геннадий Федорович в ту сторону, где бетонируется рисберма — плита, на которую будет стекать вода, отработанная турбинами.

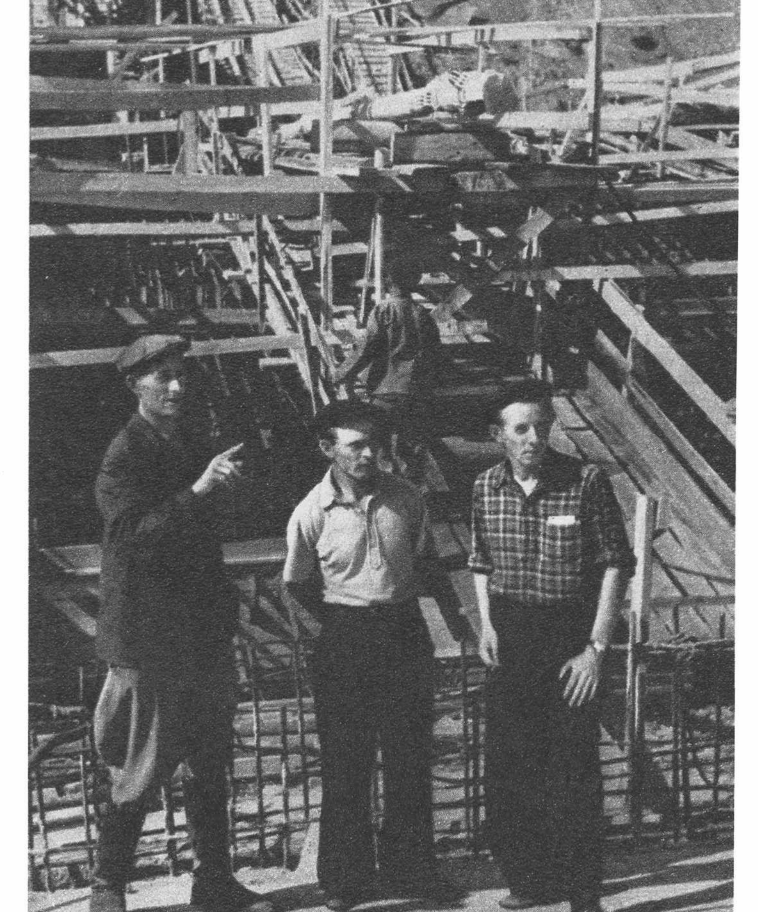
Да, бетон идет уже и в котловане ГЭС, на направлении главного удара стройки... Скоро здесь начнет подниматься величественное здание гидростанции.

А. ЛАЗАРЕВ

Фото А. Гостева.

Работает бульдозер.

На эстакаде бетонируемого шлюза (слева направо): старший прораб Г. Ф. Попов и его помощники А. И. Качкуркин и Ю. И. Хрюмин.



ПРОВАЛ ФАШИСТСКОЙ АВАНТЮРЫ

Преступная провокация, учиненная 17 июня в Берлине иностранными наймитами, кончилась позорным крахом. Народные силы Германской Демократической Республики дали сокрушительный отпор фашистским бандитам и их зарубежным хозяевам.

На многочисленных собраниях рабочих и служащих трудящиеся Германии клеймят позором иностранных наймитов и горячо поддерживают мероприятия правительства ГДР, цель которых — способствовать сближению Восточной и Западной Германии и улучшить жизненные условия населения в республике. Растет трудовой и политический подъем рабочего класса. Самым убедительным ответом на провокацию иностранных наймитов явилась быстро восстановленная нормальная работа ряда заводов, фабрик, строек и учреждений Германской Демократической Республики, нарушенная 17 июня фашистскими провокаторами.

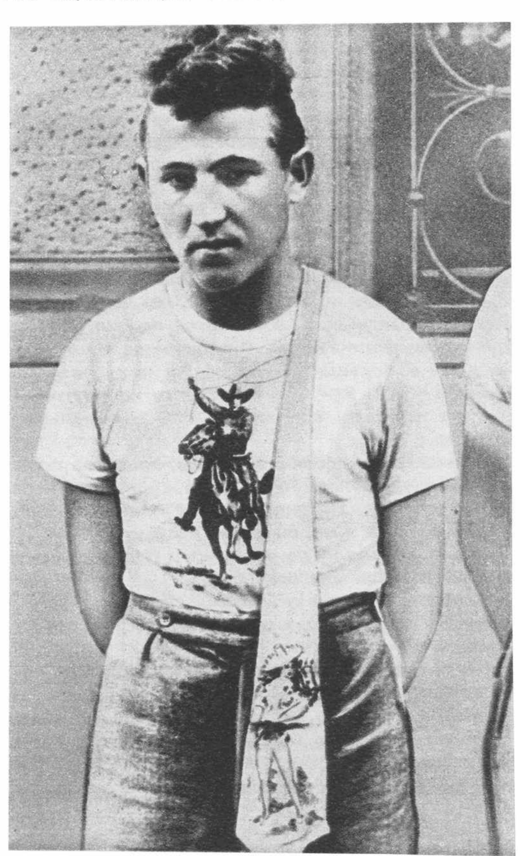
Жители демократического сектора Берлина, обманутые западноберлинскими провокаторами, возвращаются домой, пользуясь разрешением, опубликованным президиумом народной полиции.

На снимке: берлинцы, возвращающиеся из западного сектора, на пункте перехода, организованном на Принценштрассе.

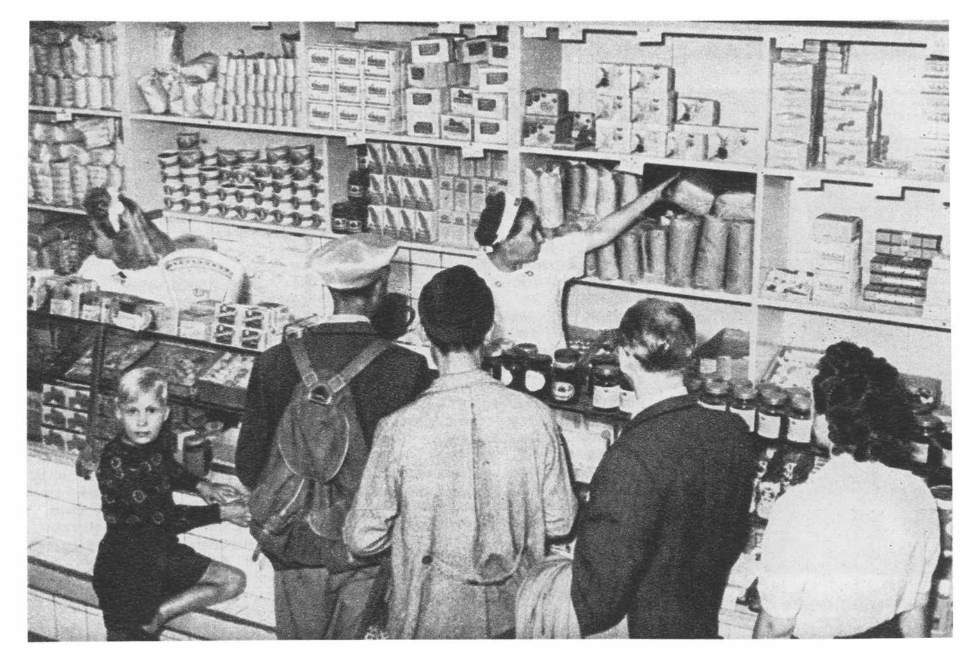
←

Мы видим подвергшееся налету помещение проектного бюро по строительству Берлина. У фашистских выродков и их иностранных покровителей вызывает бешенство тот факт, что строительство новых жилищ, школ и клубов идет в демократическом секторе Берлина быстрым, все нарастающим темпом.

Посланные из западного сектора провокаторы полностью обнаружили свое нутро, занявшись грабежами в квартирах берлинцев. На фото: разграбленная квартира Карла Патцера, откуда унесены часы, кольца, одежда.



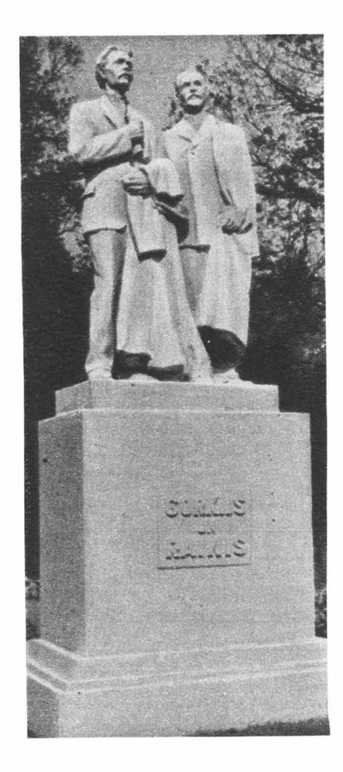
Вот один из иностранных наймитов, арестованных народной полицией в городе Эрфурте при попытке спровоцировать беспорядки. «Техасский» галстук, рубаха в стиле американского «дикого Запада» — этому типичному уголовнику все было выдано в западном секторе Берлина перед тем, как его перебросили в Эрфурт вместе с группой провокаторов и поджигателей.



Эти снимки сделаны утром 20 июня. Меры, принятые правительством Германской Демократической Республики, быстро ликвидировали последствия фашистской авантюры в демократическом секторе Берлина. Благодаря заботе правительственных органов продовольственное снабжение жителей восточного Берлина полностью обеспечено. В магазинах много товаров, очередей нет. Из пригородов регулярно поступают свежие овощи.

Решения ЦК Социалистической единой партии Германии от 21 июня с воодушевлением встречены трудящимися Берлина и всей ГДР. На стройке домов «Г-Зюд» в Берлине бригадир бетонщиков Эрнст Вейганд сказал от имени своих товарищей: «Теперь остается быстро провести в жизнь эти решения. В нас, строителях, правительство найдет надежную опору, твердую, как бетон, который мы укладываем в фундамент сооружаемых нами зданий».

Памятник в Кемери



В дни, когда страна отмечала 17-летие со дня смерти Алексея Максимовича Горького, в парке курорта Кемери состоялось открытие нового памятника. На гранитном постаменте высятся две фигуры — А. М. Горького и латышского народного поэта Яниса Райниса. Памятник символизирует огромное влияние, которое оказывал великий русский писатель на латышскую литературу.

Еще в 1900 году Я. Райнис перевел на латышский язык «Песню о Соколе». Позже на латышский язык были переведены «Челкаш», «Макар Чудра», пьесы «Мещане», «На дне» и другие произведения А. М. Горького.

Авторы скульптуры А. М. Горького и Яниса Райниса — Отто Калейс и Валдис Албергс.

Фото Я. Эдвартова.

Братское содружество хлопкоробов

Герой Социалистического Труда Зулейха Ибрагимова рассказывает членам делегации хлопкоробов Узбекистана о методах своей работы.

Фото М. Фришмана.

Много лет соревнуются между собой хлопкоробы Азербайджана и Узбекистана. Каждый год они обмениваются делегациями для проверки хода соревнования. Не так давно в Узбекистане побывали азербайджанские хлопкоробы. Вскоре после этого в Баку прибыла делегация Узбекистана. В ее составе — видные ученые, Герои Социалистического Труда, мастера высоких урожаев, инженеры. Разделившись на группы, члены делегации выехали в различные хлопкосеющие зоны республики.

К югу от Евлаха начинаются поля Барды. По размерам посевных площадей Бардинский район не меньше любого района Андижанской и Ферганской областей Узбекистана. Замечательные урожаи пшеницы и хлопка научились выращивать колхозники Барды.

...В колхозе «Правда», Бардинского района, узбекских гостей встретил бригадир Джеваншир Багиров.

— Хлопковые поля нашей артели,— сказал он,— занимают почти девятьсот гектаров. Хлеба мы сеем восемьсот гектаров. Хорошо развито у нас и животноводство, на колхозных фермах более шести тысяч голов разного скота.

В колхозе имени Сталина гостям показали опытный участок, где проводят производственные испытания нового сорта хлопчатника, выведенного селекционерами Ферганы.

Поля колхоза «Шарк»... Приветствовать гостей вышла старейший мастер хлопка Герой Социалистического Труда Зулейха Ибрагимова. Участок ее звена тщательно обработан, кусты рослые, скоро начнется цветение.

— У нас большой недостаток воды,— рассказывает Зулейха Ибрагимова,— поэтому мы особенно старались сохранить влагу в почве. Нам это удалось.

Строгость в оценке — отличительная черта представителей Узбекистана. Они подмечают все недочеты. Но здесь, кроме слов похвалы, им сказать почти нечего...

В. И. ПУДОВКИН

Всего четыре месяца тому назад советская общественность тепло и торжественно отмечала шестидесятилетие выдающегося кинорежиссера, народного артиста Союза ССР Всеволода Илларионовича Пудовкина. И желая ему тогда новых творческих успехов, мы искренне верили в то, что еще увидим немало интересных картин этого великолепного мастера, всегда полного увлекательных замыслов.

Но планам Пудовкина не суждено было свершиться. 30 июня Всеволод Илларионович скончался. Перестало биться сердце коммуниста, талантливого художника-реалиста, одного из основоположников советского киноискусства, выдающегося общественного деятеля.

С именем Пудовкина связаны первые победы молодого советского кино. Фильмы Пудовкина «Мать», «Конец Санкт-Петербурга», «Потомок Чингис-хана», поставленные им еще в 20-х годах, прославили советское искусство во всем мире. Они доказали, что реалистическое искусство, несущее передовые идеи, овладевает сердцами всех честных людей.

В центре всех фильмов Пудовкина неизменно были рядовые люди, борющиеся за свободу и справедливость. Он умел показать человека со всеми его переживаниями, мыслями и чувствами.

Свой первый замечательный фильм, «Мать», Пудовкин создал по классическому роману А. М. Горького. В работе над этим фильмом он широко и творчески использовал достижения русской актерской школы, школы Станиславского.

Пудовкин был пламенным патриотом и многие свои фильмы посвятил великим людям нашей Родины. Минин и Пожарский, Суворов, Нахимов, Жуковский... Эти славные имена, которыми гордится весь наш народ, стали еще более близкими благодаря фильмам, созданным Всеволодом Илларионовичем Пудовкиным. Человек всесторонне образованный, он умел основательно изучить исторические материалы, понять сущность деятельности своих героев и ярко рассказать об этом на экране.

В. И. Пудовкин поставил фильм «Возвращение Василия Бортникова», в котором со свойственными ему глубиной, правдивостью и человечностью раскрыл богатую духовную жизнь советских колхозников.

Художник-коммунист, Всеволод Илларионович всегда сочетал напряженную творческую работу с широкой общественной деятельностью. Он был в первых рядах борцов за мир, его страстный голос звучал с трибун во многих странах мира.

Для Советской страны, для советской культуры смерть Всеволода Илларионовича является тяжелой утратой. Его картины останутся лучшим памятником талантливому и взыскательному художнику.

Народный артист СССР
Г. АЛЕКСАНДРОВ

МАШИНИСТ ВЕДЕТ ДВОЙНОЙ СОСТАВ

Старший машинист Д. Б. Солодков перед очередным рейсом.

Машинисты Минского паровозного депо давно накапливают опыт вождения тяжеловесных поездов. Каждый год отмечают они новыми достижениями. Неизменно улучшает технику вождения и старший машинист Дмитрий Борисович Солодков. Совершать рейсы с составами, превышающими две тысячи тонн, стало для него обычным делом.

Недавно на станции Минск были готовы к отправлению два товарных эшелона на Борисов. Один из них предстояло вести бригаде Солодкова. Узнав, что вес обоих поездов равен 3 тысячам тонн, белорусский машинист решил повести их вместе, одним локомотивом. Несмотря на сложный профиль пути, сверхтяжелый состав был доставлен в Борисов раньше графика. За одну только эту поездку коммунист Солодков и его товарищи сэкономили 1 600 килограммов угля, много смазочных материалов.

В. ПОНОМАРЕВ

75 лет «Анти-Дюринга»

«Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом», или «Анти-Дюринг»,— так называется книга Фридриха Энгельса, принадлежащая к числу крупнейших произведений основоположников научного коммунизма. В ней, говорит В. И. Ленин, «разобраны величайшие вопросы из области философии, естествознания и общественных наук». В начале июля нынешнего года исполняется 75 лет со времени выхода ее в свет.

Впервые «Анти-Дюринг» издан в 1878 году в Лейпциге. В период действия бисмарковского закона против социалистов книгу изъяли. Однако потом она вновь появилась. Ее стали издавать в Швейцарии, позже — в той же Германии, а в 1904 году — первый раз в России.

Получив широкое распространение, особенную популярность «Анти-Дюринг» приобрел в нашей стране.

Во Всесоюзной Книжной Палате корреспонденту «Огонька» сообщили интересные цифры.

В течение тридцати пяти лет гениальная книга Энгельса издавалась в СССР 51 раз тиражом в 2 218 тысяч экземпляров. Выпускалась она на двенадцати языках: на русском — 28 раз (1 906 тысяч экземпляров) и других народов Советского Союза — 23.

Книгу, сыгравшую огромную роль в развитии международного пролетарского движения, изучают в Китае, Польше, Чехословакии и других странах народной демократии. Переведена она на английский, французский, итальянский, испанский и другие языки мира.

НА БОРТУ ПАРОХОДА „В. Г. КОРОЛЕНКО"

На пароходе «В. Г. Короленко». Справа стоят правнучка писателя Лена, внучка С. К. Ляхович и Е. П. Пешкова. Рядом — капитан парохода И. А. Дубровский.

Фото Е. Умнова.

Москва — Молотов — таков маршрут парохода, который назван именем писателя-демократа В. Г. Короленко. Ярославль, Кострома, Балахна, Горький, Казань — вот города, которые лежат на пути следования парохода. Здесь бывал писатель, здесь им были созданы многие произведения.

Владимир Галактионович любил великую русскую реку. Он путешествовал по Волге и ее притокам, и яркие впечатления от этих путешествий оставили заметный след в таких произведениях писателя, как «Река играет», «В пустынных местах», «Художник Алымов». «Для меня Волга — это был Некрасов, исторические предания о движении русского народа, это были Стенька Разин и Пугачев, это была волжская вольница и бурлаки Репина...»,— писал Короленко в «Истории моего современника».

После очередного рейса точно по расписанию пароход «В. Г. Короленко» причалил к пристани Химкинского речного вокзала. На пароходе оживление. Команда комсомольско-молодежного судна готовится к приему гостей: Государственный литературный музей и политотдел пароходства «Москва — Волго-канал» организовали здесь литературный вечер, посвященный 100-летию со дня рождения В. Г. Короленко.

В небольшом уютном салоне собрались приглашенные, среди них внучка писателя — Софья Константиновна Ляхович, Екатерина Павловна Пешкова. Внучка писателя прочитала отрывок из неопубликованных воспоминаний своей покойной матери — дочери писателя Натальи Владимировны Короленко-Ляхович — «О моем отце».

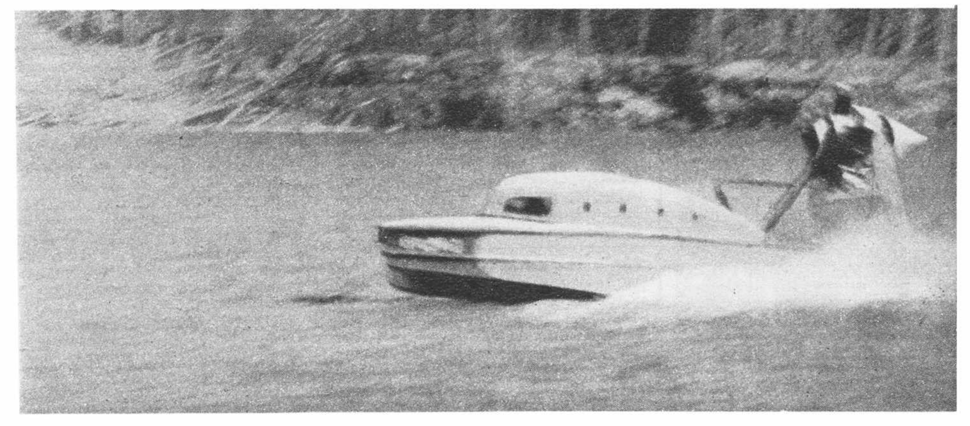
На имя капитана парохода И. А. Дубровского пришло письмо из Полтавы от дочери писателя — Софьи Владимировны Короленко. Она прислала команде парохода подарок от Полтавского музея В. Г. Короленко — фотовыставку. На ней представлены портреты и рисунки писателя, иллюстрации к его произведениям.

В своем письме Софья Владимировна пишет: «Дорогие товарищи! Мне, дочери покойного Владимира Галактионовича Короленко, было очень приятно узнать, что Ваш пароход называется «В. Г. Короленко»... Ваш пароход часто проплывает мимо мест, где бывал Короленко, но они теперь, наверное, стали неузнаваемы после великих преобразований, которые изменили весь облик нашей Родины... Я же лично шлю всей команде парохода свое горячее и искреннее пожелание плодотворной работы, новых успехов и счастливой жизни».

Пароход посетил выдающийся борец за мир, народный поэт Турции Назым Хикмет. Он выразил свое глубокое уважение к русскому писателю, публицисту и общественному деятелю В. Г. Короленко, жизнь и деятельность которого является примером беззаветного служения народу.

Н. КУДРЯВЦЕВА

ПОЧТУ ДОСТАВЛЯЕТ ГЛИССЕР



Вихрем пролетает почтовый глиссер.

Фото В. Гулина.

По реке разносится треск мотора. Мимо нас вихрем пролетает почтовый глиссер, на борту которого письма и посылки, газеты и журналы...

По берегам Амура много населенных пунктов. Но далеко не каждый из них стоит на железнодорожной магистрали, часто путь преграждает тайга. Остается одна дорога — по Амуру. Во всех направлениях мчатся по реке глиссеры. Тысячи жителей на промыслах и рыбалках, в селах и деревнях ждут корреспонденций, газет, журналов.

Глиссер бросил якорь у нанайского села Найхин. Новые добротные постройки протянулись вдоль широких улиц крупного центра Нанайского района, Хабаровского края. Более двухсот журналов и газет выписывают колхозники артели «Новый путь». Молодежь из этого села учится в вузах страны. Новые слова появились в обиходе у нанайцев: «почта», «глиссер».

Краевую газету «Тихоокеанская звезда» здесь читают в день ее выхода, на третьи сутки приходит «Правда».

...Доставлены все телеграммы, письма, газеты и журналы. Глиссер набирает ход и вскоре скрывается в просторах реки. Несколько секунд еще слышится рев винта, знакомый на Амуре звук: идет почта!

Л. ДАНИЛОВ

Дневник ОГОНЬКА

Поэт и его путь

Когда я узнал, что Виссариону Саянову исполняется пятьдесят лет, достал я с полки книги, написанные им за эти годы. Достал я старый, в памятной алой обложке томик «Комсомольских стихов». Еще в годы юности полюбились нам эти стихи, полные романтики гражданской войны, пахнущие порохом и дымом отгремевших сражений, по праву названные комсомольскими. Многие из нас, молодых людей тридцатых годов, знали тогда наизусть и с гордостью повторяли такие близкие, словно написанные нами самими, саяновские строки:

Пусть поют под ногами
каменья,
Высоко зацветают поля,
Для людей моего
поколенья
Верным берегом стала
земля.

И путиловский парень
и пленник,
Полоненный кайенской
тюрьмой,—
Все равно, это мой
современник
И товарищ единственный
мой...

Это стихи о нашем поколении, о трудных и славных годах, которые выпали на его долю, о нашей радостной и тревожной комсомольской молодости. С волнением я снова раскрывал старую книжку. Нет, не ошибались мы в этих стихах! Попрежнему увлекает нас в них восторженная юношеская речь, и слышится отдаленный гул боя, и пролетают перед нами крылатые всадники в высоких буденновских шлемах, несущиеся навстречу новым бурям и новым сражениям. Попрежнему тревожит нас поэтический рассказ о шахтере Гурин, захваченном в плен белякми, и трагическая судьба «девчонки из агитотдела» Натальи Горбатовой, погибшей в годы гражданской войны. И снова повторяем мы чуть старомодные и немного сентиментальные строки этого стихотворения:

Ах, томик помятый,
Ах, старый наган,
Ах, годы прославленных
странствий...

Такова одна из первых книг Виссариона Саянова, с которой он вошел в конце двадцатых годов в советскую поэзию. Через шесть лет после этой книги появляется «Золотая Олекма». Это небольшая книжечка тщательно отобранных поэтом стихов о старой и новой Сибири, о людях смелого сердца — золотоискателях и охотниках,— о суровой и неласковой красоте сибирской земли. Среди стихов о советской Сибири «Золотая Олекма» занимает заметное место.

В последние годы поэт выпустил сборники: «Годы славы», «Избранные стихи», «Ленин в Горках». Самые насущные дела современников, их труды, думы о мире — темы последних стихов поэта. Все лучшее, написанное Саяновым, отличается тонким знанием языка, добротной отделкой каждой строки, точностью и завершенностью поэтической формы.

Известен Саянов и как прозаик. В 1948 году выходит его большой роман «Небо и земля», удостоенный Сталинской премии. Это обширный многоплановый роман, охватывающий несколько десятилетий жизни нашей страны. Посвящен он развитию авиации в России. Писатель рисует нам картину становления отечественного воздухоплавания, с любовью и вниманием следит он за ростом и воспитанием людей нашей авиации — славной плеяды советских летчиков. Мы видим здесь и пионеров русской авиации, бесстрашно летавших на первых самолетах, похожих на фанерные ящики, наспех связанные проволокой, и отважных советских соколов, которым дана в руки замечательная техника. Образы Победоносцева, Быкова и Тентенникова, влюбленных в свою крылатую профессию,— это как бы живая история нашей авиации. И сегодня молодой курсант, которому скоро предстоит впервые взлететь в небо одному, без инструктора, с интересом прочтет книгу Саянова.

Приятно сознавать, что среди нас живет и работает хороший советский писатель, от которого можно ждать еще много интересных и талантливых книг.

Мих. МАТУСОВСКИЙ

Чай Узбекистана

Кичкине Янгаклык сай — одно из красивейших мест в окрестностях города угольщиков — Ангрена. Оно расположено у подножия снеговых гор, склоны которых, спускаясь в долину реки Ангрен, меняют свой суровый покров на зеленый наряд зарослей ореха, арчи, густых кустарников. Здесь три года назад ученые Узбекистана заложили первую в республике плантацию чая.

Попытки акклиматизации чая в Средней Азии предпринимались с давних пор, но безуспешно: почвы Узбекистана, содержащие много извести, оказывались неподходящими.

В верховьях реки Ангрен экспедиция Института почвоведения Академии наук Узбекской ССР обнаружила большой массив пригодных для чая земель — около десяти тысяч гектаров. Тогда же здесь, в Кичкине Янгаклык сае, на высоте 1 300 метров, были высеяны привезенные из Грузии семена новой культуры.

Климат Узбекистана многим отличается от климата Грузии. Воздух здесь гораздо суше, солнце печет сильнее, а зимой над предгорьями дуют студеные ветры. Ученых интересовало, как поведут себя на новой родине переселенцы с Кавказа.

Оказалось, что в Узбекистане молодые чайные кусты зацветают на год раньше, чем в Грузии. Это дало возможность быстрее получить семена местных, свыкшихся с новыми условиями растений.

Весной этого года узбекский чай уже перешагнул с опытных участков на колхозные поля.

Н. СОЛОВЬЕВА

На этапах многодневной велогонки

Марк ДОНСКОЙ

Фото П. Георгиева.

Только Е. Клевцову, Н. Матвееву, В. Вершинину, В. Башкину, А. Джарцансу и Р. Чижикову — шести велосипедистам из 96 участвующих в гонке Москва — Харьков — Киев — Минск — Москва — удалось занять первые места на девяти этапах до Гомеля. Но оранжевая майка лидера попрежнему оставалась у армейца Евгения Клевцова, хотя этому молодому спортсмену явно не везло: после побед в Туле и Курске его непрерывно преследовали проколы и падения. Но каждый раз, выпуская кого-нибудь вперед, Клевцов демонстрировал исключительные волевые качества: он продолжал борьбу, сокращал разрыв и, финишируя вплотную за головной группой, сохранял почетную оранжевую майку. Никому из победителей не удавалось обогнать лидера по времени, которое он затратил на всех этапах.

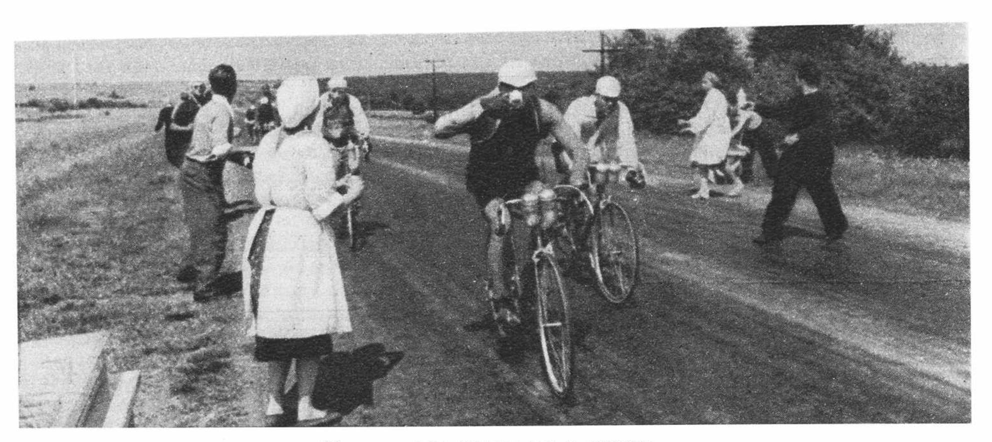
Однако запас минут, накопленных Клевцовым в начале гонки, все уменьшался, и после троекратной победы В. Вершинина в Харькове, Полтаве и Киеве всего две минуты отделяли лидера от его молодого товарища по команде.

Из шести победителей на отдельных этапах гонки четыре были представителями каждый их бросок неизменно подхватывали спортсмены «Динамо». И все же невдалеке от финиша армейцам удалось освободиться от своих нежелательных спутников. Компактной группой устремились они к заветной цели — финишной черте. Но тут Евгений Клевцов внезапно упал. И тогда его место занял Виктор Вершинин. Обогнав опытного гонщика Н. Матвеева, Вершинин выиграл еще один этап, показав среднюю скорость на дистанции 38 километров в час.

На одном из самых трудных участков, Киев — Чернигов, где шоссе было выложено острой щебенкой, армейцам пришлось выдержать трудный экзамен. Им все время мешали проколы. Отстал Башкин. Остановились Чижиков и Немытов. Едва успели они с помощью товарищей устранить аварию, как снова прокол. Но команда попрежнему держалась своего принципа — один за всех и все за одного.

Тренер команды ЦДСА Федор Тарачков, ожидая в Чернигове своих воспитанников, пережил немало волнений. Первым финиширует динамовец Альберт Джарцанс, за ним Рудольф Тамм («Калев»), третьим сельский учитель Антон Гавришишин.

Перед стартом осмотр проходят и машины и люди.



Хорошо подкрепиться в дороге...

команды ЦДСА. Командный лидер гонки не менялся на всем протяжении пути. Борьба армейцев друг с другом за личное первенство не мешала им показывать высокие образцы товарищеской спайки, согласованных действий, без которых победа команды невозможна.

Много волнующих моментов такого содружества наблюдали мы в пути. Армейцы по очереди вели друг друга, достигая таким образом высокой скорости. Но если с кем-нибудь из них случалась беда—падение, прокол, поломка,— все остальные немедленно приходили на помощь товарищу. Пусть стремительно уносятся вперед противники, главное — не потерять чувство локтя, и тогда ничего не страшно. И разве не были победой всей команды успех Виктора Вершинина на финише в Полтаве, его рекордная средняя скорость — 42 километра в час? И разве мог бы другой молодой гонщик ЦДСА, Валентин Башкин, без поддержки своих опытных товарищей так успешно финишировать на следующем этапе в Лубнах?

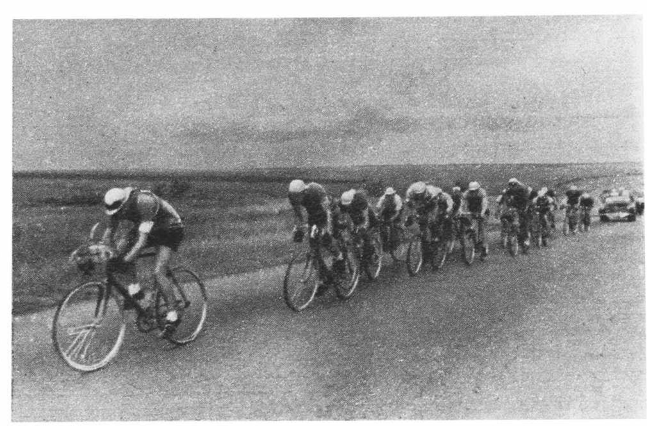
Интересная командная борьба развернулась на шоссе между Лубнами и Киевом. В головной группе шли армейцы и динамовцы. Гонщики ЦДСА прилагали все усилия, чтобы оторваться, но Где же армейцы? Но вот они показались вдалеке — Клевцов, Чижиков, Крючков. И тренер встретил их такими словами:

— Хорошо! Главное—дружба в пути, а что проиграли этап,— это не беда! Еще пол-дороги впереди.

Да, в Чернигове гонщики оставили позади 1 334 километра. Неудачный этап дорого обошелся армейцам. Динамовцы отыграли у них сразу восемнадцать минут. А утром снова был дан старт, и свежие, полные сил, несмотря на долгий путь, гонщики устремились вперед, на Гомель.

Участок Чернигов — Гомель, самый короткий в маршруте гонки — 110 километров, оказался еще труднее предыдущего. Однако, несмотря на это, команда ЦДСА сумела взять здесь реванш. Первым финишировал в Гомеле, на белорусской земле, Р. Чижиков, вторым за ним был Е. Клевцов.

В понедельник, 29 июня, гонщики двинулись к Орше.



На дистанции.

Широко простирается поле многолетней пшеницы в Немчиновке, под Москвой. Ей пошел второй год жизни. Скоро ее будут убирать во второй раз.

Омоложенная пшеница

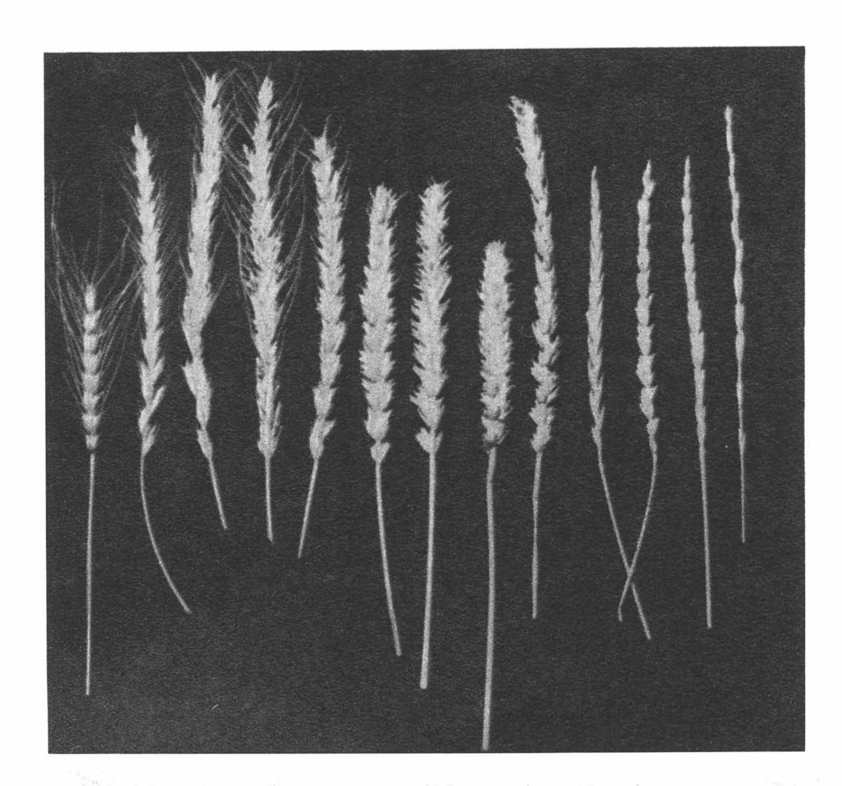
Академик Н. В. ЦИЦИН

Двадцать пять лет Николай Васильевич Цицин занимается проблемой омоложения древней сельскохозяйственной культуры — пшеницы. А если считать со дня встречи с Иваном Владимировичем Мичуриным, когда зародилась смелая идея, то годом больше.

Свидание с Мичуриным в Козлове — поворотная веха в жизни Цицина. В его память крепко врезались слова преобразователя природы, что внутривидовой гибридизацией не добиться коренного улучшения, не создать пшеницы с исключительными свойствами. Только отдаленная гибридизация, говорил старый ученый, открывает заманчивые горизонты; скрещивание культурных растений с их дикими сородичами, сильными и выносливыми, обязательно приведет к успеху. Порукой тому — собственный опыт Мичурина. Путь этот, предупреждал ученый, тернист и горек. Но в нем заложено великое будущее.

В противовес теории убывающего плодородия, придуманной буржуазными учеными, Цицин проводил свои исследования, исходя из подлинного закона природы, открытого передовой советской материалистической наукой, закона возрастающего плодородия. Вырастить два колоса там, где растет один,— вот чем руководствовался молодой биолог, когда взялся за решение трудной благородной задачи — дать народу новые сорта пшеницы, в полтора — два раза превосходящие по урожайности лучшие старые.

В публикуемой статье академика Н. В. Цицина рассказывается о проведенных им работах, которые привели к созданию новых сортов пшенично-пырейных гибридов, покинувших опытные делянки селекционера и широким потоком хлынувших на колхозные и совхозные поля.



Необыкновенно разнообразно потомство пшеницы и пырея. Оно не похоже ни на «мать», ни на «отца».

Прочная основа развития и расцвета социалистического сельского хозяйства — высокая агротехника, комплексная первоклассная механизация и мичуринская биология, позволяющая управлять жизнью растений. Сочетание этих главных факторов развития сельского хозяйства принесло колхозному земледелию значительные успехи.

Естественно, что высокому уровню плодородия почвы и оснащенности сельского хозяйства совершенными машинами и механизмами должны соответствовать сорта возделываемых растений. Старые сорта были на своем месте при старых условиях; новые условия требуют новых, более совершенных сортов.

На помощь колхозникам и механизаторам приходит советская могущественная селекция. Мичуринскими методами она глубоко и в желательную сторону изменяет растительные организмы. Отдаленная гибридизация, направленное воспитание гибридов позволяют коренным образом переделывать природу растения, создавать новые сорта и виды с небывалыми заданными свойствами.

Многие современные сорта пшеницы достигли зенита своих возможностей. В большинстве случаев росту урожая препятствуют особенности, заложенные в природе самого растения. Соломинке, увенчанной колосом с золотыми зернами, не выдержать их чрезмерной тяжести. Колосья подвержены всяким превратностям погоды, они обычно склоняются к земле после первых хороших дождей.

Какими качествами должен обладать будущий гибридный сорт? Не полегать, не осыпаться, не бояться засухи, затяжных дождей и морозов, не заражаться грибными болезнями, часто поражающими большие площади посевов. Наконец, нужны невиданные на земле сорта пшеницы, способные давать урожай на протяжении нескольких лет от одного посева.

Пшеница, созданная тысячелетним трудом человека, заботливо оберегаемая от всех невзгод и случайностей внешней среды, должна омолодиться, набрать новых сил!

Кто же станет достойным партнером изнеженной пшеницы, лишит ее присущих ей недостатков, сохранив и умножив в потомстве свойственные ей достоинства? Пырей — чудесное растение. Где только не живут многочисленные его виды? Они встречаются на болотах и солончаках, под сенью лесов и в кустарниках, на склонах каменистых гор, в жарких степях и полупустынях. Появившись на полях, пырей ползучий глушит посевы. В старину люди, не умевшие бороться с пыреем, оставляли засоренные земли и уходили на новые места. «Ведьмина трава», «сосун-трава», «волчок» — таковы имена, данные пырею народом. Не лучше назвали его и ученые — «агропирум», что в переводе с латыни означает «огонь полей».

Пырей — полная противоположность пшенице. Он обладает поразительной жизненностью, его проростки, одетые крепкой броней чешуек, пробивают самую твердую почву; стебель его прочен, он несет тысячи семян. Пырею нипочем суховей, мороз, любые осадки, некоторые его виды не подвержены грибным заболеваниям.

Пшеница — однолетнее, пырей — многолетнее растение. В его зерне содержится немало белка и других питательных веществ. В борьбе за существование он накопил защитные свойства, помогающие ему произрастать в самых суровых условиях.

Все эти положительные особенности мы задумали передать пшенице, влить в нее свежие силы, омолодить и перевоспитать.

Как велись наши опыты по созданию пшенично-пырейных гибридов?

Техника скрещивания кропотлива, но не сложна. Осторожно удаляют тычинки на цветках пшеницы и рыльце пестика покрывают пыльцой пырея. Так были получены первые, довольно щуплые зерна гибрида. Посеянные, они весной дали мощные кусты с сотнями колосьев. Все они оказались бесплодными.

Преодолеть бесплодие гибрида удалось повторным опылением пыльцой пшеницы. «Внуки» и «правнуки» поражали своим разнообразием. На делянке соседствовали невзрачные и хилые растения рядом с великолепно развитыми крепышами.

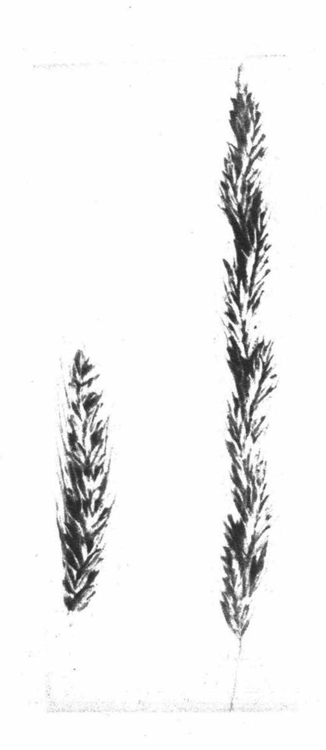
Только в четвертом поколении появилось потомство с однород-

ными, установившимися признаками, которые передавались по наследству.

Каждое новое поколение гибридов проходило строгий отбор и курс воспитания. Младшие по возрасту растения выращивались на тощей почве. Им предоставлялась возможность справляться с трудными условиями жизни. Этим проявлялись и воспитывались в них ценные признаки и свойства, унаследованные от диких сородичей,— их неприхотливость, выносливость.

Выращенные таким образом семена, закаленные и стойкие, сеялись в хорошо подготовленную, богатую пищей почву. Тем самым усиливались признаки и свойства, полученные от культурного злака: крупное зерно, высокое его качество.

Некоторое представление о размахе опытов дают такие данные. Скрещиванию подверглось 250 видов и сортов пшеницы, из них наибольший интерес на первом этапе работы представили только восемь. Из десятков видов пырея оказались легко скрещивающимися с пшеницами только пять. Восемь и пять — таков исходный материал, который положил начало пшенично-пырейным гибридам.



Колос гибридной пшеницы вдвое больше колоса обыкновенной.

Попутно пришлось разобраться во многих неясных вопросах поведения пырея, до того совершенно не изученного в качестве объекта скрещивания. Дело в том, что гибриды вели себя весьма странно, капризничали. Озимые формы неожиданно превращались в яровые, и наоборот, многолетние становились однолетними. Почему? Никто не мог предложить какое-либо объяснение.

В Немчиновке, под Москвой, опытный участок заняли посевы различных видов пырея. Выяснились любопытные и важные биологические его особенности. Прежде всего не каждый куст оказался многолетним растением. Самое, пожалуй, удивительное, что даже семена, снятые с одного куста, приносили пестрое потомство: одно-, двух- и трехлетнее. Затем было установлено: чем старше куст, тем однороднее его семена, тем больше среди них многолетних.

Еще раз подтвердилось мичуринское положение: чем дольше растение живет в одном районе, тем лучше оно приспосабливается к окружающей среде, тем консервативнее его наследственность.

Оказалось также, что не всякий пырей одинаково богат клейковиной. А ведь чем ее больше, тем выше хлебопекарные качества муки, тем выше всхожесть теста.

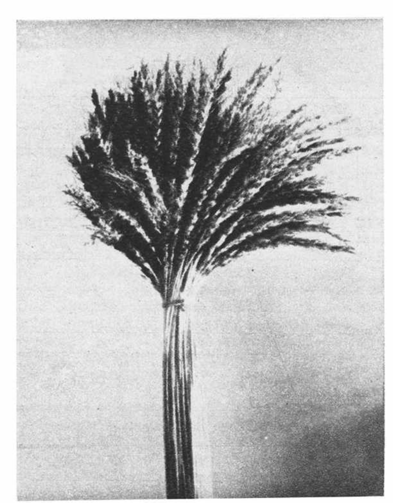
Шаг за шагом открывались полезные свойства, таящиеся в этом замечательном дикаре, ныне используемые для создания новых чудесных растений. Исследования пырея продолжаются и сейчас. Ставятся, например, опыты, чтобы установить предел его устойчивости к избытку влаги, к ее недостатку, к засолению почвы. Определяется отношение пырея к высоким и низким температурам.

И если вначале многое оставалось неясным, то теперь эксперименты позволили узнать, какие именно формы пырея с их биологическими особенностями дают наилучшие результаты при скрещивании с пшеницей. Именно благодаря глубокому знанию признаков и свойств каждого куста ныне правильно подбираются родительские пары.

Оглядываясь назад, вспоминаются не только успехи, но и неудачи, подчас казавшиеся непреодолимыми. Прошли годы исканий, прежде чем перед пшенично-пырейными гибридами распахнулись двери в жизнь, прежде чем практика приняла их, признала и отвела им место в поле.

Выведенные нами озимые и яровые пшенично-пырейные гибриды обладают рядом преимуществ по сравнению со старыми сортами пшеницы. Самое главное, показатели эти достигнуты не на опытных делянках селекционера, а на производстве, в колхозах и совхозах десяти областей Советского Союза на огромных площадях.

Приведем несколько примеров. Гибрид «599» отличается высокой урожайностью, отличным качеством хлеба, устойчивостью к осыпанию. Этот озимый сорт не полегает даже после длительных дождей. Ему не причиняет вреда головня; попытки искусственно заразить его этой болезнью не привели ни к чему: «599» оставался здоровым. На хорошо возделанных землях он приносит до 45 центнеров с гектара, превосходя по урожаю старые сорта.



Снопик многолетней пшеницы.

Академик Н. В. Цицин.

Фото Г. Санько.

Сотни колхозов и опытные учреждения, проверявшие «599», подтвердили хорошие хозяйственные качества гибрида. Сейчас его посевные площади составляют десятки тысяч гектаров и ежегодно возрастают.

Два других гибрида — «186» и «1» — менее известны: это новички, они только начинают внедряться в производство.

Гибрид «186», районированный в Московской области, превосходит своего собрата «599» по урожайности и устойчивости против полегания. У него зерно крупнее, чем у любого сорта озимой пшеницы нечерноземной полосы. Тысячи зерен гибрида «186» весят 60 граммов, тогда как обычной пшеницы — 30—40 граммов. Качество зерна, муки и хлеба хорошее. Но этим не ограничиваются преимущества гибрида. Он — скороспелый, созревает на 5—6 дней раньше других озимых пшениц, что позволяет начать уборку раньше.

Редкое сочетание свойств и признаков в этом гибриде — высокая урожайность и неполегаемость, крупность зерна и скороспелость, стойкость к грибным болезням — выдвигает гибрид «186» в число ценнейших сортов озимой пшеницы нечерноземной полосы, а возможно, и других зон нашей страны.

Значительный интерес представляет гибрид «1», выведенный на высокоплодородной почве и требовательный к агротехнике, но зато отзывающийся на заботливый уход прекрасным урожаем. В прошлом году в колхозе имени Хрущева, Можайского района, Московской области, он дал наивысший урожай из всех зерновых культур и сортов: с площади в 3 гектара было собрано 153 центнера.

Еще более высокий урожай этого гибрида получен в Латвии, на Елгавском сортоучастке. За четыре года испытаний он дал в среднем по 63,3 центнера с гектара, а в полупроизводственных условиях — свыше 70. Отметим, что даже при таком урожае гибрид не полегает. Иначе говоря, он больше, чем любой сорт пшеницы, соответствует современному высокому уровню механизации.

Наряду с озимыми нами выведены яровые гибриды, которые проходят испытание в различных областях. Особого внимания заслуживает гибрид «22850». Высока его урожайность. Не полегая, он в колхозах Московской области давал до 52 центнеров с гектара. Его зерно отличается превосходными мукомольными и хлебопекарными качествами.

Пшенично-пырейные гибриды, о которых говорилось выше, однолетние. Близка к завершению и другая задача — создание многолетней пшеницы, приносящей урожай на протяжении нескольких лет, без пересева. Сейчас мы располагаем множеством гибридных форм, удачно сочетающих в себе высококачественное зерно, продуктивность и многолетность. Новое пшеничное растение дает по три — четыре урожая от одного посева.

Кроме того нами созданы такие формы гибридов, которые по числу зерен превышают обычную пшеницу в полтора — два раза. Зерно здесь более богато белком, благодаря чему хлеб получается вкуснее и питательнее.

И еще одну задачу поставили мы перед собой. Решение ее принесет большую пользу нашему животноводству. Все основные зерновые культуры завершают свою вегетацию к моменту уборки. Пожнивные остатки запахиваются. Не то с некоторыми формами пшенично-пырейных гибридов. Они отрастают не только после уборки зерна, но и после дополнительной уборки на сено. Следовательно, новые гибриды могут давать два урожая в год: один на зерно, другой на сено, и вдобавок остается богатая отава. Исследования показали, что сено содержит высокий процент белка.

Кроме пшенично-пырейных гибридов, мы занимаемся созданием других гибридных видов. Их родителями являются пшеница, ячмень, рожь, с одной стороны, и два вида дикого растения элимуса-колосняка — с другой. Колос этого дикаря, обитателя степей и полупустынь, несет в себе много сотен зерен. Сочетание полезных качеств хлебного злака и элимуса сулит исключительные возможности сельскому хозяйству. Такие гибриды совершенно изменят наши привычные взгляды на пшеницу.

Долг селекционеров — приблизить время, когда урожай в 50—100 центнеров станет обычным явлением, дать колхозному земледелию самые высокопродуктивные сорта культурных растений.

Защитник вольности и прав

К 175-летию со дня смерти Руссо

«Мы — законные наследники революционной мысли энциклопедистов XVIII века... — сказал генеральный секретарь Коммунистической партии Франции Морис Торез.— Мы продолжаем дело тех, кто боролся в первых рядах человечества...»

В блестящей плеяде французских мыслителей XVIII века, идейно вооруживших французский народ на борьбу с феодализмом, Жан Жак Руссо был самым непримиримым врагом старого общества.

Он умер в 1778 году, за 11 лет до первой французской буржуазной революции, но был непосредственным вдохновителем якобинцев, чья борьба с феодализмом носила наиболее решительный, открытый характер.

Идеи Руссо о свободе и равенстве, праве и государстве, его учение о народном суверенитете легли в основу якобинской конституции 1793 года, этой самой демократической конституции в истории французской революции XVIII века. Его борьба за демократию оказала огромное воздействие и на последующие поколения. Руссо, революционного мыслителя и замечательного писателя, открывшего новую эру в развитии мировой литературы, чтили Гете, Байрон, Гюго. Пушкин называл Руссо «защитником вольности и прав». Лев Толстой в глубокой старости говорил, что всю свою жизнь не переставал любить Руссо. Высоко ценили Руссо и русские революционные демократы Герцен и Чернышевский. Находясь в Петропавловской крепости, Чернышевский переводил на русский язык «Исповедь» и работал над биографией Руссо, этого, по его словам, «глубочайшего сердцеведа, загадочного для современников, очень понятного для потомства, гениального и благородного мизантропа, полного нежной любви к людям».

Француз по происхождению, Руссо родился в Швейцарии в 1712 году в скромной семье женевского часовщика. Настоящий плебей, переменивший ряд профессий — от ученика гравера до лакея и переписчика нот, — бесприютный скиталец, оклеветанный и преследуемый даже в годы признания его гения всей Европой, Руссо, как это отмечал Маркс, никогда не допускал «хотя бы только кажущегося, компромисса с существующей властью». Он всегда чувствовал свою кровную близость с обездоленными социальными низами феодального общества кануна революции. Случайная встреча в ранней юности с французским крестьянином, который из боязни перед непосильными налогами «не имел права есть хлеб, заработанный им в поте лица», произвела на Руссо неизгладимое впечатление. «...Он заронил в мою душу,— писал Руссо в «Исповеди»,— семя той непримиримой ненависти, которая впоследствии выросла в моем сердце против притеснений, испытываемых несчастным народом, и против его угнетателей».

Глубоким демократизмом дышит уже первая значительная работа Руссо — «Рассуждение о науках и искусствах», в которой он направил огонь своей критики против феодальной культуры, оторванной от народа, враждебной ему, ставшей орудием угнетения в руках господствующих классов.

Руссо восставал не только против привилегированной знати, но и против крупной буржуазии, богачей и откупщиков, живущих в роскоши, в то время, как угнетаемые ими бедняки умирают с голоду. «Несовместимо с законами природы... чтобы горсть людей утопала в изобилии, тогда как изголодавшаяся масса лишена всего необходимого»,— писал Руссо в своей остро полемической работе «О причинах неравенства», в которой Энгельс видел высокий образец диалектики. В отличие от других просветителей, которые ограничивались лишь требованием политического равенства граждан перед законом, Руссо возвысился до понимания того, что социальное неравенство имеет корни в имущественном неравенстве, что не может быть свободы и равенства там, где «богатый может покупать бедного». Убежденно и страстно доказывал он, что люди в первобытном состоянии были равны, но в дальнейшем развитие частной собственности привело их к неравенству, к закабалению и обнищанию масс. Демократ Руссо делает из этого положения революционный и смелый вывод: народ не вечно был рабом, он имеет право свергнуть своих угнетателей и бороться за свое освобождение.

В своем знаменитом трактате «Об общественном договоре» Руссо сделал попытку изобразить картину будущего освобожденного общества, построенного на справедливых основах равенства и свободы. Произволу абсолютной монархии Руссо противопоставил идею народного суверенитета.

Однако при всей прогрессивности взглядов Руссо для того времени он, как и другие великие мыслители XVIII века, не мог выйти из границ, которые им поставила их эпоха. Энгельс указывал, что царство разума, которое прокламировали просветители, в ходе дальнейшего исторического развития обнаружило себя как «идеализированное царство буржуазии». «Теперь мы знаем... — писал он, — что разумное государство, Contrat Social (Общественный договор. — РЕД.) Руссо, воплотилось в буржуазно-демократическую республику и ни во что другое воплотиться не могло».

Во взглядах Руссо было много наивного. Так, идеалом общества, о котором он мечтал, было общество без богатых и бедных, где каждый владеет небольшой, одинаковой по размерам собственностью, добытой личным трудом. Нетрудно видеть утопичность этого уравнительного идеала Руссо, но в нем отражался протест закабаленных масс против тирании и социального неравенства и решимость их до конца разделаться с феодализмом.

Поборник демократических свобод, Руссо был страстным патриотом. «Несомненно,— писал он,— самые большие подвиги добродетели были совершены из любви к отечеству». Руссо с великим сочувствием следил за национально-освободительной борьбой патриотов Корсики. По просьбе польских политических деятелей Руссо написал «Рассуждение по вопросу об управлении Польши», в котором предлагал ряд мер для демократического преобразования Польши. Требуя освобождения польских крестьян от крепостной зависимости и участия всех угнетенных сословий в управлении страной, он прежде всего ставил вопрос о патриотическом воспитании граждан и пробуждении в них национального самосознания. Глубоко убежденный, что «воспитание должно придать душам людей национальную форму и так направить их мнения и вкусы, чтобы они были патриотами по склонности, по страсти, по необходимости», Руссо утверждает, что каждый истинный республиканец с молоком матери всасывает любовь к свободе, а следовательно, и к родине. Поэтому Руссо настаивает, чтобы человек с детства и до смерти обращал взоры только к своему отечеству, ибо «поскольку он один — он ничто; поскольку он не имеет отечества, он не существует более».

Самые сложные вопросы политики, государства и права Руссо излагал в необычайно увлекательной, простой и доступной форме. Он говорил, что обращается не к кучке образованных людей, а ко всему народу. Провозвестник революции, Руссо обладал мощным красноречием народного трибуна и умел находить путь не только к уму, но и к чувству простого человека. «Он выработал особый стиль, стиль улиц и площадей, способный поднимать толпы,— писал о нем Ромэн Роллан,— он воскресил красноречие древнего форума, все его произведения проникнуты огненным пафосом. У него ритм, периодизация, страстная патетика Демосфена».

Демократические стремления Руссо были тесно связаны с его идеалами гуманизма. Прекрасное будущее общество, о котором он мечтал, требовало появления прекрасного человека. Радищев писал из сибирской ссылки, что Европа обязана Руссо переворотом во взглядах на воспитание. Речь шла о педагогическом романе Руссо «Эмиль». Здесь великий мыслитель развивал теорию естественного воспитания ребенка, согласно законам природы, и ставил вопрос о создании нового человека, не искалеченного уродливыми общественными отношениями старого мира. Безграничным восхищением перед освобожденным человеком и его возможностями звучат слова Руссо: «Я хочу дать ему звание... которое будет делать ему честь всегда, я хочу поднять его до звания человека».

Пафосом борьбы за нового человека и новую мораль проникнут и прославленный роман Руссо «Юлия или новая Элоиза». Роман о несчастной любви был воспринят широкими кругами читателей как яркий протест против социальной несправедливости. Беззаветная любовь аристократки Юлии д'Этанж и бедного учителя Сен-Пре разбилась о косную сословную мораль. Плебея Сен-Пре, искреннего, честного, правдивого, способного на великодушие и благородство, Руссо противопоставляет насквозь испорченному эгоистическому дворянскому кругу. В образе Юлии, свободной от феодальных предрассудков и мужественно борющейся за свое право на любовь к плебею, проявился необыкновенно высокий для того времени взгляд писателя, философа на женщину.

Знаменательно, что Чернышевский считал Юлию провозвестницей будущего освобождения женщины. Вера Павловна, героиня романа «Что делать?», видит во сне олицетворенную Свободу. Она рассказывает Вере Павловне о вековой борьбе женщины за свое раскрепощение: «Ты знаешь ли, кто первый почувствовал, что я родилась, и сказал это другим? Это сказал Руссо в «Новой Элоизе». В ней, от него люди в первый раз услышали обо мне».

«Новая Элоиза», как и «Исповедь»,— произведение, в котором Руссо рассказал о своей жизни,— совершила переворот в истории французского романа. Впервые в литературе с такой глубиной раскрывался мир внутренних чувств и переживаний человека. Язык Руссо, эмоциональный, красочный, богатый интонациями, очень точно передавал всю сложную динамику душевной жизни в ее противоречиях и борьбе.

В «Исповеди» Руссо с потрясающей откровенностью обнажил перед всем миром свою душу. Человек из народа заговорил полным голосом о праве на внимание к нему. «Как бы скромна и безвестна ни была моя жизнь, если я думал больше и лучше, чем короли,— история моей души более интересна, чем история их душ». И здесь Руссо выступает как борец за человека. Бесстрашное раскрытие духовного мира превратилось под пером писателя-мыслителя в обвинительный акт против его века, против классового общества, основанного на угнетении, уродующего и коверкающего все, что есть самого прекрасного в человеке.

Буржуазия, выбросившая за борт знамя демократических свобод и национального суверенитета, втоптавшая в грязь все самое светлое и возвышенное, созданное человечеством, ненавидит Руссо и клевещет на него. В течение более чем столетия буржуазные фальсификаторы науки объявляли Руссо безумцем, авантюристом, а его теории о равенстве людей — политическим абсурдом. Но никогда эта ненависть буржуазии к великому французскому мыслителю не была так сильна, как сейчас. Они рады бы предать забвению самое имя «защитника вольности и прав». Но это от них не зависит.

Народы, страстно желающие мира и борющиеся за него, отстаивающие демократические свободы и национальную независимость, глубоко чтут память Руссо.

М. ЧЕРНЕВИЧ

Ю. С. Подляский. ВЕСНА ИДЕТ.

Всесоюзная художественная выставка 1952 года.

Лирические пейзажи

Лирический пейзаж, поэтическое задушевное повествование о родной земле, занимает достойное место в советской живописи. И если широкой популярностью пользуются картины-пейзажи К. Юона и В. Бакшеева, В. Мешкова и А. Грицая, Б. Яковлева и Я. Ромаса, то публикуемые здесь работы знакомят с произведениями других живописцев, большей частью молодых, но тоже с успехом работающих в области пейзажного искусства.

Ленинградский художник Ю. Подляский неоднократно и удачно выступает на всесоюзных выставках. Пишет ли Ю. Подляский пейзаж с людьми (жанр-пейзаж) или просто картину природы,— он всюду создает живой и радостный образ. Заслуженную известность приобрела картина Ю. Подляского, изображающая колхозную гидростанцию.

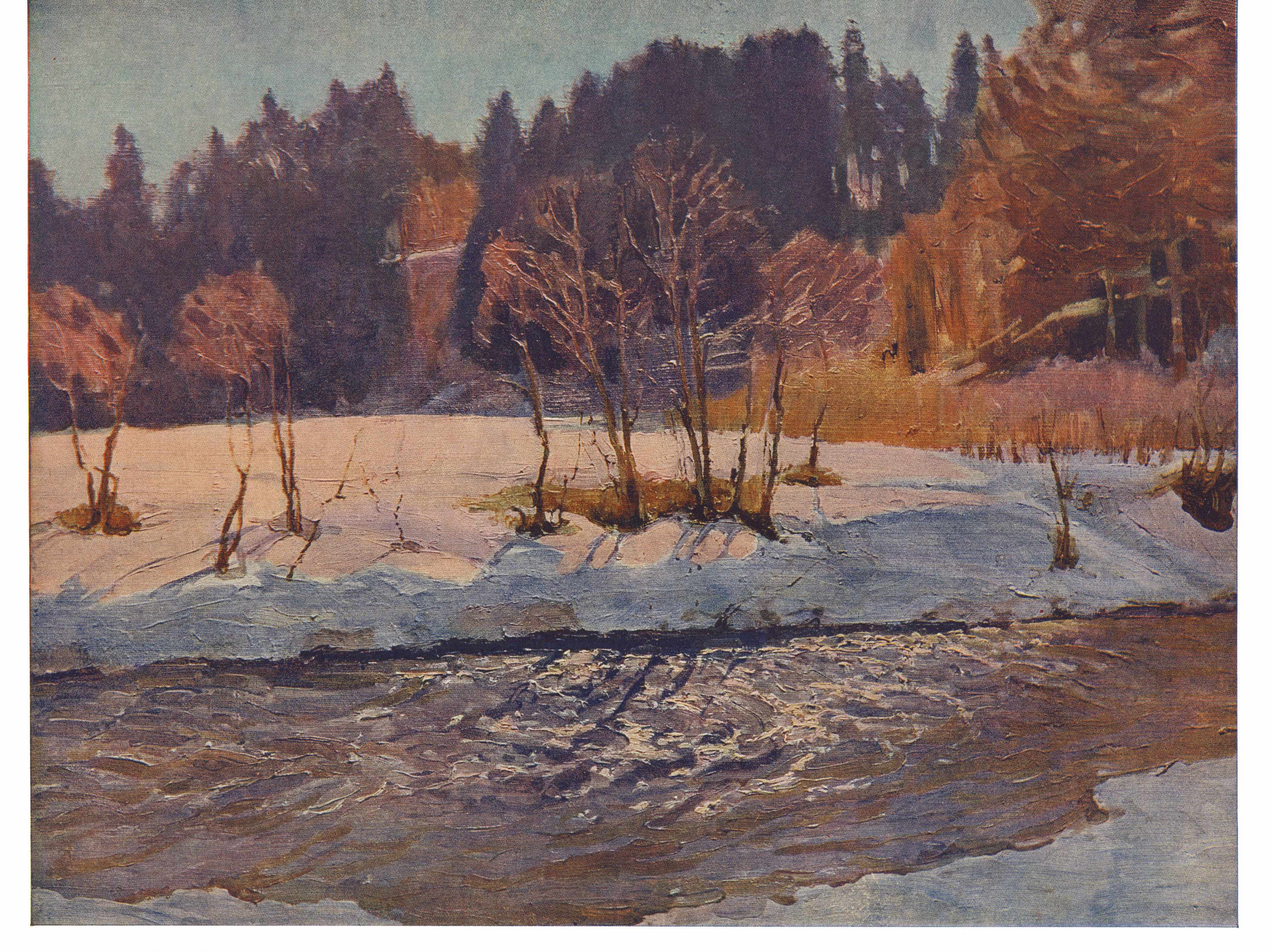
Творчеству молодого художника свойственно любование силой природы, могучими пластами земли, поднятыми трактором, или тоненькими березками, весело покачивающимися на первом весеннем ветру. В картине «Весна идет» Ю. Подляский стремился передать радостный миг весеннего пробуждения: таянье льда, первую теплынь, прилет грачей. Кажется, все зашевелилось в природе, все пришло в движение.

Ужгородский живописец А. Кашшай написал полотно, живо воссоздающее своеобразную природу Карпат — заснеженные горы, холмы и лощины, поросшие лесом. Картина полна величавости. Но эти бесконечные горы не создают ощущения сурового безлюдья. На первом плане картины автор проложил дорогу со следами колес, говорящую о том, что здесь часто бывает человек.

Полотно москвича Е. Васильева перекликается с работой Ю. Подляского, хотя и носит менее завершенный характер. Но вместе с тем у Е. Васильева вложено в работу много наблюдательности, много любви к природе. Чувствуется, что все написанное дорого автору. Картина подкупает своей простотой.

Ленинградец И. Савенко избрал сюжетом картины уже не однажды писавшуюся разными художниками зеленую рожь. Ему удалось правдиво передать раздольный зеленый простор, море ржи, которому нет ни конца, ни края.

А. М. Кашшай. ЗИМА В КАРПАТАХ. Всесоюзная художественная выставка 1952 года.



Е. П. Васильев. ВЕСЕННЯЯ ВОДА.

Всесоюзная художественная выставка 1952 года.

И. Г. Савенко. РОЖЬ ЗЕЛЕНАЯ.

Всесоюзная художественная выставка 1952 года.

НА БЫСТРИНЕ И БЕРЕЖКОМ...

(Из воспоминаний об одной поездке)

Георгий РАДОВ

Рисунки О. Верейского.

— Эй, что ж ты делаешь?! Ты что ж делаешь, чортов сын? Гляньте на него, люди добрые! Нет, вы только гляньте на него! Три человека по горло в воде бредень ведут, смотрите, как крайнего течение бьет... А он, здоровый, сильный, и, извиняйте, коленок не замочил. Все бережком, проклятый, все бережком...

Гневные слова Василия Тихоновича Кондакова, бригадира строителей из села Березовка, не долетают до левого берега. Там, как и минуту назад, носится по берегу долговязый рыбак. Вид у него озабоченный, штанины засучены. А дела никакого. Видимость...

— Ну, нет же совести! — ярится Василий Тихонович. — Смотрите, старшой ихний во-о-он по самой быстрине бьется. А этот! Взяли помощничка... Не дай и не приведи, если он так и по жизни дорожку выбирает: бережком... Ох, смотреть не могу...

— А случается и по жизни так, Василий Тихонович?

— Не у нас, поимейте в виду! — предупреждает Кондаков.— Березовцы — публика строгая, то ж всей области известно. Не люди — крапива!

— Сердитые?

— А что ж! Когда меня в правление выбирали? В сорок седьмом? С тех пор не могу с ними рассчитаться. Как ни стараешься, а оглянешься — опять у них, у своих, должник. Явимся мы, правленцы, на отчетное собрание. Областные, районные, сельские переходящие знамена вынесем, грамоты на обозренье поставим, ордена, медали приколем к гимнастеркам. Думаем: постесняются таких видных, передовых и орденоносных ругать, войдут в наше краснознаменное положение. Какое там! Что ни больше знамен — больше и перцу за воротник. А зададут?! Сорок сороков! Под самую завязку напишут резолюцию. Заряжайся, Василий Тихонович, таким зарядом на новый год, как будто ты не в лучшем колхозе строительный бригадир, а в самом разнеудалейшем. Нет, с нашими нельзя бережком, в два счета на стремнину выкинут...

А теперь гляньте вон туда, за речку. Да нет, не на того «тактика», будь он неладен... Подальше гляньте, на взгорок, вон на те неудалые хаты. То ж Терновка. Сейчас с нами под одной крышей. А когда при укрупнении принимали мы их, из бесприданниц бесприданница была эта Терновка. Под одним солнцем, над одной речкой прожили мы и они. А что они нажили? Ни построек, ни капиталу. А кто тому виноватый? Он, бережок, легкая тропочка... У них председатель бессменнейший был Ерофей Дудка, любитель до бережков. Все хотел нас перехитрить. Мы броском, а он ползком. Мы вплавь, а он бережком. Мы всем фронтом вперед, а он по-заячьи: скидок туда, скидок сюда.

Двадцать лет прожил добротой советской власти да соседской милостью. Мы еще скирды кладем, а он уже вокруг наших амбаров вьется: «С урожаем, соседушки! Не разживусь овсеца на посев?» «А свой?» «Та не уродил же!» То у него не уродило, то вымерзло, то выпрело, то выгорело. Как солнце ни светит, все ему беда. А он же и не горевал. То, что с тысячи гектаров трудом можно миллионы снимать, — это не в его грамоте. Это ж стараться надо, заботиться. Хоть прямая, а, скажем-таки, и не легкая и не ближняя дорожка. Трактористы да уполномоченные ему и сеяли и веяли, этому Дудке. Вышлет десяток хлопят-прицепщиков. Все: позаботился Дудка об урожае, до самой уборки не наведается! Зато новостями район удивлял. То чеснок разведет, то хмель, то цесарок на расплод пустит, то маковую плантацию откроет. И ловилась же слава на это баловство! Кричат по району: «Дудка разностороннее хозяйство ведет! Сельдерей сеет!» Сельдерей! Понимаете, в чем была его слава? На тысяче гектаров бурьяны, неудаль, беспорядок, зато на одном гектаре диковина — сельдерей. Обыкновенного черного хлеба он и у соседей выпросит, а сельдерей свой.

Сколько он голов, и хороших голов, тем сельдереем закрутил! И ссуды под диковину выправлял и ассигновки. Наберет у казны денег, пустит до копеечки на распыл, а потом отправляется в область поклоны бить. Советская власть, она, мол, добрая до колхозов, выручит. И выходило же! Его настращают, а колхоз вызволят: старые долги скостят и снова в долг дадут. Так и жил. Гребанет дурных денег, слышим: неделю за рекой у гармошек меха рвутся. Что такое? Дудка доходы разделил. В неделимый фонд — наималейшую малость, все на руки. А мы миллионы ухали в общее дело. И не от баловства, а от существа: от хлеба, от скота, от огородов. И вот выстроились. А у него? Все проедено, прожито, полжизни прошло, и следов никаких. Вот вам и бережком! Обманчивая штука...

А теперь подумайте: а что ж ему было не жить, этому Дудке, как люди живут?! Толку бы не хватило? Хватило бы и толку. А сколько он позору переносил! Дадут ему соседи семян, обоз погрузят, и едет он с чужим зерном по чужой улице, как сквозь строй. Изо всех дворов кричат: «Когда хозяиновать по-людски начнешь, сельдерейщик? Крохобор! Побируха!..» Такой срам — не могут подводчики головы поднять. А он ничего. Переморгает, бесстыжая душа, и опять по-своему.

И сын в него, одна порода. Возьмите на заметку, если встретить доведется: не Дудка его фамилия, — Дудкин. Антон Ерофеевич Дудкин — в двух буквах разница...

Обругав бесстыжую дудкину породу, Василий Тихонович поднимается с прибрежной травы. Грозит кулаком «хитромудрому» рыболову, что все еще мотается по песчаной косе, поднимает глаза на Терновку, качает головой:

— Подчищай теперь за него...

За рекой, в конце неудалой Терновки, поднимаются на самом юру три длинных строения: два со стропилами, третье в лесах.

— Если б не фокусничал треклятый Дудка, там бы уже пять долет городок стоял. Сколько потери из-за одного хитреца! Эх, черти б его... Мне ж теперь с хлопцами наверстывать, а ему байдуже...

Василий Тихонович еще раз не вполне печатно поминает Дудку и спускается к наплавному мосту. Идет медленно, осторожно несет круто замешенное тело. И вид у него воинственный. Усы русые, с желтым подсадом, шевелятся: держись и правые и виноватые!

* * *

...Нас, приезжих, свела с Кондаковым квартирная надобность. Поселились мы у районного агронома Петра Васильевича Кондакова, и в первый же вечер пришел к нему отец, Василий Тихонович. С тех пор он являлся каждый вечер. Видно, охочему до людей старику для встречи с сыном семь верст из Березовки — не околица. Да и невесело после смерти старухи сумерничать в пустой хате.

Кондаков-отец и Кондаков-сын. До чего же они непохожи! И по внешности и по характеру. Сын — в мать он, что ли? — высок, гибок, как стальной пруток. Рано облысевшая голова задубела от загара. Но когда младший Кондаков смеется, так и кажется, что набросили ему на лицо белую сеть: морщины свежи, приобретены, видно, недавно и еще не прокалены солнцем. Отец зоркий, дотошный в отыскании пружин, движущих поступками людей. Терпеть не может любителей легкого варианта жизни и обличает их яростно, для них у него припасены словечки: «тактик», «хитромудрый», «бережком». Сын же — мужчина, кажется, откровенного добродушия. Когда Василий Тихонович отделывает какого-нибудь «тактика», который получил от жизни на рубль, а норовит отдать на гривенник, сын нетерпеливо мнет подбородок и того и жди, что скажет: «А не довольно ли, папаша, перемывать чужие косточки? Посмотрите, какая кругом благодать! До «тактиков» ли нам с вами? Пускай живут!»

Поддерживает Василия Тихоновича лишь невестка Феня, женщина лет тридцати двух, с лицом нежным и милым. Но о ней позже...

Несмотря на различие характеров, отец и сын часто бывают вместе. Когда Кондаков-сын ночью сидит над бумагами — а их у него, как и у всякого агронома,

превеликое множество, — и отец не спит, сидит напротив на скамеечке, обняв руками колени. Сын хмурится: он не любит бумаг. И отец хмурится: он их тоже не переносит. Но оба молчат, зная, что бумаги в агрономии — вещь хотя и неприятная, но неизбежная, как непогода в осенний день. Ее, эту непогоду, можно проклинать сколько угодно — она от этого не станет слаще. То же и с бумагами.

— Пишут? — вздыхает отец.

— Пишут! — сокрушается сын.

— И много их еще, писателей, над тобой?

— Ох, много...

— Антошка Дудкин, спасибо, не пишет.

— А он на словах.

— Переносишь?

— Переношу.

Коснувшись Дудкина, оба умолкают. Тут что-то личное, и если в хате под этот час не случается Фени, Кондаков-сын переводит разговор в нейтральную зону.

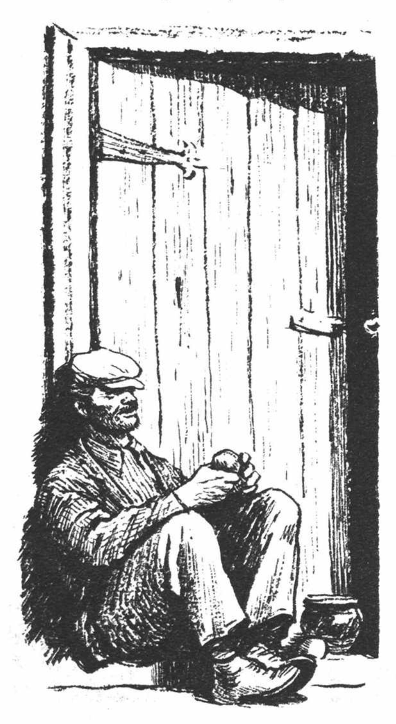
Чем-то допек их этот Дудкин?

* * *

Прежде случай сводит нас с Дудкой-отцом. После крушения сельдерейных затей, не принесших ни добра людям, ни славы затейщику, он служит на станции хранителем минеральных удобрений. Летом за удобрениями ездят редко, и Дудка сидит на порожках пустого склада, встречает и провожает поезда, а когда их нет, скучает, смотрит за реку, туда, где Кондаков-отец отстраивает захиревшую от дудкиных чудачеств Терновку.

Отставной сельдерейщик в эти часы праздности и раздумья имеет вид степенный. Он еще не так стар, моложе Василия Тихоновича. Сильная, вся в трепетных жилках шея держит красивую крупную голову. Глаза же смотрят на мир с веселым упреком: «И вы думаете, что Дудка горюет? Эх, чудаки!..»

Мы застаем его в обществе пасынка. Парнишка принес отчиму завтрак и сидит поодаль на камешке, а Дудка-отец, не торопясь, с хрустом разгрызает яблоко, тупыми, но проворными пальцами выбирает косточки, прячет их в спичечную коробку.



— Ну, как там? — спрашивает он пасынка, кивая на Терновку.

— Что? — не понимает парнишка.

— Как там? — сердится Дудка. — Живут?

— Живут, — роняет пасынок.

— Из района меня еще не спрашивали?

— Не спрашивали.

Дудка сгребает остатки завтрака, высыпает их в глечик. За рекой кто-то стучит железом о железо. Это кончился перерыв на стройке. На лесах длинного кирпичного строения появляется ясно видная фигура Василия Тихоновича; развернувшись, вспыхивает стальная змейка рулетки. Бригадир машет руками, стучит кованой подошвой по настилу. Видно, сердит.

— Спешить — людей смешить, — изрекает Дудка-отец, кивая на нетерпеливого строителя. — Латы не просушены, а они их кладут. Раскособочит крышу.

Мы настораживаемся: как мог Василий Тихонович так оплошать?

— А может, и не раскособочит, — рассуждает Дудка, заметив наше волнение. — Может, они и просушены, латы, отсюда плохо видать...

Он складывает пальцы трубочкой, зажмуривается. С минуту молча смотрит за реку, говорит безнадежно:

— Сырые. Раскособочит.

— Надо бы предупредить.

— Это можно, — соглашается Дудка.— Эй, хлопче! — говорит он пасынку.— Дойдешь до Василия Тихоновича, скажешь насчет лат.

— Не пойду я, — еле слышно роняет пасынок.

— Как так?

— Они смеются.

— Какие смехи? — суровеет Дудка-отец.

— Они над вами смеются, — с опаской говорит пасынок. — Вы насчет плотины передавали, чтоб они починили, так они смеялись: «Что ж он новую не поставил за двадцать лет?»

— Глупости! — сердится Дудка.— Одни глупости, и больше ничего. Я свое...

Ах, как хочется ему сказать: «Я свое отстроил»! Но вся Терновка на виду, и нельзя этого сказать. И он добавляет:

— Я свое отслужил!

Проводив пасынка, долго смотрит за реку, говорит устало:

— Хлопочешь, хлопочешь, сеешь, молотишь... И — смехи! Какие смехи?

...Эх, его бы сейчас на ветерок, на леса, под строгую руку Василия Тихоновича!

* * *

Час спустя мы увидели Дудкина-сына. Он приехал на станцию в коляске с откидным верхом — в таких теперь и не ездит никто. Но сам Дудкин выглядел вполне современно. Головой красивой и крупной он походил на отца, тело имел натренированное. Выскочил из коляски, стукнул подошвой легкого брезентового сапожка, убедился, что земля держит его прочно, и глянул по сторонам. И тотчас все задвигалось на сонной станции. С козел соскочил кучер, наперерез ему помчался станционный весовщик; начальник станции, на ходу напяливая красную фуражку, двинулся навстречу гостю. Дудка-отец сорвался со своих порожков, подтянул ремень, вытянулся, как солдат на смотру.

— Дела! — крикнул Дудкин отцу и, сделав рукой под козырек, пошел к начальнику станции.

— Генерал! — восторженно сказал Дудка-отец. — Генерал! Уме-е-ет себя поставить. И должность, скажи, самая невидная: плодоягодного завода директор. Над двумя чанами командует. А вес! Какой вес! Он им тут всем в районе жару дает! Два института, сто курсов за плечами...

— Два института?

— А то он пропустит?! Первый они с Петром Кондаковым кончали...

Мы настораживаемся. Не здесь ли схлестнулись дорожки сыновей Дудки и Кондакова?

— Первый с Петькой, — объяснил Дудка. — Ну, Петр сгоряча, смолоду, в МТС, старшим агрономом. А мой в лес...

— В лес?

— В лесничество. Туда в тридцать третьем году и голоса людские не долетали. Петро на него: «Дезертир, скрываешься». А он им всем бумаги под нос. Все чинно, по порядку. Свободную в лесу занял вакансию. Приказ форменный, начальство в курсе дела. Нет, не выбили его из леса...

Полнейшая откровенность Дудки насчет житейской тактики сына поразительна и, кажется, может повредить самому «тактику». Но Дудка настолько восхищен генеральским видом наследника, что ему не до опасений.

— О, он свою линию держит! — хвалится Дудка. — Он по верхам карьеру не бьет. Под бой голову не подставит...

Дудка коротко вздыхает, но тотчас спохватывается.

— Гляньте, гляньте! — тычет он пальцем туда, где начальник станции, склонив голову, слушает Дудкина-сына. — Наставляет? А? И критикует? А? Какие-сь непорядки нашел в станционном деле. Давай, давай!

Окончив наставления, Дудкин-сын подходит к отцу, справляется о здоровье и торопливо объявляет:

— Я в Мануйловку! Что-то у них там за неуправка с парами. Завтра на совещании будут отчитываться. Надо загодя посмотреть... Семисезонный уполномоченный — такая моя доля. Никто тут без няньки не обходится. Ох, кадры, ох, кадры...

И он умчался в своей коляске, и пыль желтым растрепанным хвостом метнулась за ним.

* * *

С тех пор не проходило дня, чтобы мы не слышали о Дудкине. Заговаривали о канале, пересекшем район. Когда он построен? «Канал? — переспрашивал кто-нибудь из старожилов. — Постойте, постойте! Когда Дудкин с мелиорации в подсобное хозяйство? В сорок восьмом? В ту весну и распочали канал...» Интересовались: давно ли обзавелся район такими роскошными поливными огородами, морем подступившими к Березовке? «Огороды? — задумывался старожил. — Дайте припомнить. Когда у нас Кондрата Мищенко посылали на переподготовку? В пятидесятом? Его ж тогда не отпустили, Кондрата, его же сроду на курсы не отпускали, дорог человек, а Дудкин по его путевке отправился и огороды эти Ивану Чалому сдал. При Иване и размахнулись на тысячу гектаров. А при Дудкине огурцами бы не объелись».

И так, о чем бы мы ни спросили людей, биография Дудкина-сына служила им календарем-памяткой.

Подтвердил это и Василий Тихонович.

— Кружит! — сказал он о Дудкине-сыне. — По таким позициям кружит, хитрец, до каких не дошли народные руки. То контору найдет такую, какую только открыли, а дела пока не спрашивают. То лес, то подсобное хозяйство, то на спиртовой завод агрономом наймется. То в питомник переметнется, если этот питомник местной власти не подчинен, а у областной власти и без него хлопот достаточно. Глаз наметан! И уходит же во-время. Еще только у людей руки ворохнутся, чтоб до того дела достать, на каком он сидит, а Дудкина уже и следы замело: в другой системе... И после него начинается! Да вы на ягодах были?

И в свободный вечер Василий Тихонович повел нас на ягодники. Грех было не глянуть на них. Чья-то упрямая рука вывела их из питомника, разбросала по всему району, забросила на склоны оврагов, на межи, на полевые станы бригад, в междурядья садов.

— А при Дудкине не пробовали клубники!.. Как же! Служил и тут!

— Развалил? — спросили мы наугад.

— Дудкин-сын?! Нет, такого с ним не случается. На пределе вел дело.

— На каком пределе?

— А на пределе исправности. Только-только, чтоб от людей нагоняя не отхватить. Зададут пять гектаров — он и садит пять гектаров.

— Так это же неплохо.

— Вот-вот, все думали, что неплохо. На сто процентов вел дело, и никто не допытывался, почему эти сто процентов помещаются на трех грядках. А он же загодя прицелился к клубнике. Видит: без призора она, никто из начальства ее за стóящее дело не признает, а планы в области назначает такая же несмелая рука. Он и приземлился на грядках, два года пересидел. А вспомнили люди о сладком, Дудкин шасть в пищевую систему. А на ягодники Кондрата бросили. Вон он идет...

По дорожке, обсаженной яблонями, приближался к нам черноусый, свирепого вида мужчина. Он был в майке. Солнечные брызги растекались по сильному телу, пятнали густую бронзу веселым серебром. Заметив нас, он махнул рукой: обождите, мол, — и нагнулся к земле.

— Да, Кондрата, — повторил Василий Тихонович и присел на скамью.— По нраву разведчик — этот Кондрат, а его на ягоды! Отбивался до драки. Не вняли. Месяц минул, спрашиваем: «Ты там не запил, Кондратушка, со скуки на ягодном курорте?» «Нет,— говорит, — я-то не запил, а вот вы попомните тот день, когда меня назначали. Видеть не могу тех, кто ягод не понимает». Попомнили! Взмолился вскорости председатель райисполкома: «И кто насоветовал этого Кондрата послать на ягоды? Ну, услужили! При Дудкине как было мило: и слова такого никто не знал. Схлопочет он себе план по силе возможности, отчитается за него. Не докучал никому. Понимал человек: не главный фронт — эти ягоды. Сам в уполномоченные по чужим делам от ягод просился. А Кондрат? К горлу подступил: «Нет ничего важнее клубники». И верно, выпросил себе Кондрат против дудкинского утроенный план, да сорвался и бит был, а не отступился, вытащил да четвертый запросил...

— А сына не привели? — раздалось над нами.

Неистовый ягодник, потирая перепачканные землей ладони, строго смотрел на Василия Тихоновича.

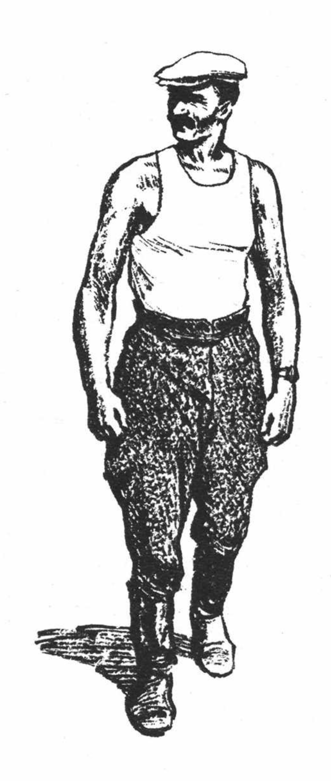
— Зачем тебе сын?

— Срывает! Проклятая дудкинская привычка... Министру буду телеграфировать...

— А мы тут тоже о Дудкине, — поделился Василий Тихонович.

— Нашли предмет! — усмехнулся черноусый. — Вы бы лучше, папаша, сходили к сынку да пригнали от него трактор. У меня клубника... А так и говорить нет охоты.

— Поняли? — спросил Василий Тихонович, когда мы возвращались от Кондрата.— Поняли? А его



сюда зачем посылали? Ему же говорили: «Передохни, Кондрат, подучись. Место там тихое, три академии заочно кончишь, как Дудкин». А он, видите, наделал какого тарараму! Теперь вон на сессиях говорят о ягодах. На сессиях! Были при Дудкине ягоды в такой чести?

* * *

...Кондакова все считают отличным агрономом, во всех селах его любят, ждут, слушаются. И все-таки никому другому так не достается на совещаниях от нетерпеливых людей. Когда Петр, отчитавшись, садится на первой скамейке и, вздохнув, достает тетрадь для записей, Василий Тихонович пристраивается где-нибудь сбоку, чтобы и видеть ораторов и не упускать из глаз сына. Ораторы чаще всего неистовы. Как ни хороши дела в районе, но при виде склонившейся над тетрадкой задубевшей головы Кондакова люди непременно вспоминают не то, что он сделал хорошего, а то, что он упустил, недосмотрел, не успел. И с языка в общем добрых и любящих Кондакова людей срываются порой и слова жестокие, неправедные: «Погряз в канцелярщине... Гастролирует... Не охватил». Кондаков-сын темнеет, морщится, но прилежно записывает все праведное и неправедное. И отец морщится, темнеет, переживает за сына.

Но вот на трибуну поднимается Дудкин-сын. Он не раздражен, как многие ораторы. Речь его льется ровной струей. Повздыхав по адресу молодых агрономов («Ох, кадры, кадры!»), Дудкин-сын обращается к Кондакову-сыну. Он журит его ласково, осторожно, совсем по-дружески, и чаще всего за то, что Кондаков-сын не успевает следить за новинками агрономии. «Я понимаю, — говорит он, — ты занят. Но у нас у всех дела... А кто же нам позволит отстать от науки? Нехорошо,— корит он Кондакова. — Посмелей надо».

И этого никогда не выносит Василий Тихонович. Другим он все прощал, но стоит Дудкину заговорить о новшествах, как старик срывается с места, горячится, кричит:

— Ты его смелости учишь? Ты? Ты? Да он же с полной душой, а ты?!

Дудкин, улыбаясь, пережидает реплику, а председатель говорит сумрачно:

— Товарищ Кондаков! Здесь не базар. Имейте выдержку.

Дома после этой вспышки Василий Тихонович ходит неслышно, косится на сына, удрученно вздыхает. А сын говорит:

— И что вы меня срамите, папаша? Это же критика. Или не знаете? Ее слушать надо.

— Не стерпел, — вздыхает Василий Тихонович. — Не стерпел. Кабы мне терпение твое... А то где ж его взять?

— Правильно не стерпели! — вмешивается невестка.— Правильно. Сколько он им пользы дал, и они ж его...

— Беспонятливая! — неожиданно заступается за критиков старик.

— Я беспонятливая?

— А то кто? Люди его от нетерпения ругают.

— Утешайте, утешайте...

— От нетерпения,—раздражается старик. — Хочется людям, чтобы сто, двести было у нас агрономов, а их же нет. С кого же спрашивать? А с него и спрашивают за всех за двести. Радуйся: любят, ценят...

— Лю-ю-юбят?! А за что ж одиннадцать выговоров?

— Уже одиннадцать? Что ты несешь?

— А вот и одиннадцать! — пристукивает каблучком Феня.

С выговорами у Кондакова-сына, действительно, вечная неурядица. Обычно в конце года председатель райисполкома зовет секретаря: «Неси кондаковское дело... Принес? Пиши проект постановления: снять все выговора! Сколько их там у него на сегодняшний день? Восемь? Откуда они взялись? Мы вынесли? А хороший же мужик! Что ж это он попадает под горячую руку? Должность такая? Да, должность градобойная! Ну, пиши на все восемь. Написал? А теперь положи в личное дело чистый листок — новый год начинается!»

— Паршивое дело, — говорит старик, убедившись, что невестка права. — Выговора — это уже бумага, Петя!

— А не в них суть! — отмахивается сын.

— Как не в них? — распаляется невестка. — Приедут из области, что скажут? У Дудкина всегда чистое дело, а у Кондакова? Ты это переносишь?

— Под Дудкина не подстраиваюсь, — коротко отвечает муж.

— Только и радости. А он вот живет и тебя же критикует. Не он выступал сегодня?

— Он! — вздыхает отец.

— Опять! — ахает Феня, и нам кажется, что она все вместила в это «опять»: и то, как во все посевные и уборочные в течение двадцати лет ожидала до полуночи мужа; и то, как в эти же дни с яростью смотрела в окно на веселого, не обремененного ничем Дудкина; и то, как переживала все мужние выговоры; и то, как гневалась на людей, прощающих Дудкину его «кружения»; и то, как сама в пылу семейной перепалки дразнила мужа дудкинской бесхлопотной жизнью, кричала: «Почему не идешь к Дудкину в подсобное хозяйство? Что ты, хуже его? Не заслужил покоя?..» Кричала, а потом сама совестилась тех слов и бранила Дудкина-искусителя...

Нет, в эти минуты она великолепна, наша хозяйка. Побелевшие кулачки сжимают и без того узкую талию. Брови — а они у нее густые, темные, но не синего, а золотистого оттенка, — брови сходятся в одну сплошную грозовую полоску. Глаза... Но и гости и Василий Тихонович не ожидают ничего путного от накаленных глаз и спешат убраться куда-нибудь во двор, зная, что сейчас Феня начнет крушить не только Дудкина, но и тех, кто слушал его, и тех, кто подавал ему руку. Кажется, нет такой кары, какую бы Феня в эти минуты не обрушила на хитреца.

Когда же, переждав грозу во дворе, мы возвращаемся, Кондаков-сын, один на один отразивший атаку, жадно курит, а Феня, умиротворенная, сидит, сложив кулачки на коленях. Только румянец напоминает о вспышке.

— Петя, а Петя! — устало спрашивает она. — А если Дудкина послать к Кондрату на ягоды? Там жарко теперь. Кондрат бы из него выбил за все двадцать лет...

— Не выйдет,— машет рукой Кондаков. — Другое ведомство.

— Вот так всегда с ним,— вздыхает Феня.— То ведомство другое, то система не та, то номенклатура не пускает... А у тебя всегда одна система: где потруднее.

— Замуж бы ты за него шла,— смелеет Кондаков, сообразив, что двух гроз в один вечер с женой не случается.

— За-амуж? — тянет Феня, точно прикидывая, возмущаться ей или нет. — Замуж бы он не взял меня... Я капризная. Я смирных люблю. Это ты ко мне из института гонял за тридцать верст в погоду и в непогодь. А он бы не поехал... Он бы, — прищуривается она, — он бы в другую номенклатуру подался...

* * *

В тот год майские дожди обошли Березовку, в районе поливали посевы, и Петр Васильевич, командовавший всеми поливами, являлся домой весь обрызганный запекшейся на солнце грязью. Он почернел. Глаза выцвели. С тревогой всматривался он в пыльный горизонт, с еще большей тревогой нагибался к земле, ласково поднимал ладонями нежные, чуть тронутые желтизной листья свеклы, разгребал пальцами верхний слой земли, хмурился. Свекла пила воду из последних запасов.

И Василию Тихоновичу доставалось не меньше. Неугомонные березовцы задали ему построить к страде еще одно зернохранилище, и случались вечера, когда Кондаков-отец вовсе не появлялся у сына, ночевал в Терновке.

И только Дудка-отец скучал на порожках, а сын, прикрыв чело панамкой, раскатывал по дороге так же беззаботно, как и во все времена года...

На удивление толстокожим казался этот человек. Феня и Василий Тихонович не могли его выносить. Кондрат Мищенко скрипел зубами при одном его имени. Старожилы при встречах морщились, отводили глаза, и Дудкин, если бы прислушался, уловил бы немало злых слов в свой адрес.

Но нет, праздничен и доволен собой был Дудкин-сын.

Верно, он объезжал стороной Кондрата Мищенко, и при встречах со старшим Кондаковым тень настороженности набегала на дудкинское лицо. Зато с Петром Кондаковым Дудкин отводил душу. В безгрозовые, полные густым непробиваемым зноем вечера, когда охрипший от споров, ослепленный солнцем Кондаков-сын присаживался на скамеечке, чтобы перевести дух перед тем, как идти в контору, подкатывала дудкинская коляска. Не встретив ни Фени, ни Василия Тихоновича, Дудкин бодро откашливался, садился рядом, и начиналось...

Что его распирало? Или взбунтовались, начали бродить знания, перекисавшие без употребления в его емкой голове? Или просто с годами явилась потребность поучать и наставлять?.. Или он не знал более терпеливого и безответного, чем Петр Васильевич? Кто знает... Только с каждым визитом все разговорчивей становился гость. Начинал с советов. Выношенные в свободной от хлопот голове Дудкина, советы ливнем лились в растревоженную кондаковскую голову. И что он только не советовал! То завести посевы африканского сорго, то попробовать уральские севообороты с перегулом земли, то соорудить канатную дорогу с торфяного болота на огороды и по ней возить удобрения. То еще что-нибудь...

— Верно, верно, — устало кивал Кондаков. — А кому поручить? Кто займется? У агрономов и так дел полна коробочка. Вот если б еще одного помощника сосватать! Да грамотного, смелого! Я б его от всей текучки освободил, посадил на новости...

— И негде взять человека? — отводил глаза Дудкин.

— Все на счету. Может, подошлют...

— Да, кадры, кадры!..— участливо вздыхал Дудкин.

А то он являлся расстроенный. Обнимал Кондакова за плечи, корил:

— Неосторожно работаешь, Петр! От этого и выговора влетают. Предвидения нет...

— О чем ты?

— В Павловке был. Твоей бумаги о долгоносике не видел.

— Я и не писал. Зачем она?

— Сезон...

— Да люди же сто лет знают, как с жуком обращаться. Их ли учить! Совестно...

— А если он свеклу съест?

— Так и бумага же не спасет...

— Ее не спасет, тебя спасет. Эх, Петр-простота! На этом и горишь ежегодно...

Кондаков не перечил. Он мрачно смотрел в землю, и только когда уж особенно нахальны бывали советы Дудкина, он доставал часы, щелкал крышкой и молча поднимался.

Зато и отцу и Кондрату жаловался:

— И что он повадился ко мне? И без него голова идет кругом...

— А ты его гони подальше.

— Да неловко. Он же доброжелателен...

— Подлости учит доброжелательно?

— В этом совесть ему судья! — говорил Кондаков. — Он же меня не неволит... Советует...

— Видали? — сокрушался Василий Тихонович. — Видали такого добрыню? То-то, я смотрю, ты и в городе у того тракторного механика гостюешь, что в жестяную артель укрылся от тракторов. Построил себе домик, починкой ведер заведует. А толкóв! Мог бы тут в МТС хорошую метку оставить. Умылся. И ты с ним по-мирному! В другой системе он, в жестяной — тебя не касается? Да, покойница тебя добротой через верх наградила... В заповедник ездишь, и в глаза тебе не бросается, что там тридцать пять ученых агрономов стерегут природу от смелых рук. А у тебя девчушки на тысячах гектаров командуют... И слова не скажешь заповедным! А они б могли тут, ого, какую пшеницу вывести!

— Добр, добр, Петр Васильевич, — качал головой Кондрат. — Да на мою б волю...

— Куда как добр, — негодовал старик. — Весной из города явился — чуть хату не перевернул. Кто тебя распалил? Такие же два «тактика»! Смотрели тебе в глаза — ни «да», ни «нет» насчет твоих опытов не сказали. А по глазам видел: поняли, могли сказать решительное слово... Не хотели? Отбивались от лишних хлопот? То скажут: «Наведайтесь», то «Обговорим», то «Обсудим», то «Сходите сами к начальству». Сорок заслонок от ясного ответа. И что ж ты сделал? К начальству поднялся, опыты свои оборонил, а на тактиков плюнул? Живите, мол, как знаете, мне не до вас. Вернулся, на стульях-табуретках зло согнал...

— Вы как рыбак, папаша, — оправдывался сын. — И сома и пескаря на один кукан нижете. При чем тут эти канцеляристы? Это совсем другое, бюрократизм...

— Все едино, — рубил Василий Тихонович. — Бюрократы! А откуда они берутся, бюрократы? Не дудкинская повадка? Бюрократ рождения двадцать пятого года, скажи, пожалуйста! Что они, в царской канцелярии обучались? Они ее и в глаза не видели! А чиновники! Отчего это? А от того же! Бережком... Грамм лишнего боятся взять на плечи! И ты их всех милуешь?

— Ну, Петро, плохо твое дело, — смеялся Кондрат. — У меня хоть, спасибо, батько молчит, одна жинка помнит о Дудкине. В правительство хочет писать. Пойди, докажи ей, почему Дудкину за его баловство больше жалованья платят, чем районному агроному! Скажи ей, что там другое ведомство, ставки свои... Понимать не хочет: «Это меня не касается, ваше ведомство. В одном доме живем — должны быть одни порядки...»

— Ох, соберутся они вдвоем! — дразнил сына Василий Тихонович. — Твоя Феня да кондратова Маруська. Они не скажут: «Совесть ему судья». Они спросят: «Почему это наши Петро и Кондрат с самой коллективизации на главном фронте бьются, а Дудкин по кустам путешествует?» И еще спросят: «А что же это наши Петро и Кондрат милуют хитреца?» Ох, осрамят они вас на весь свет...

Но упрям был Кондаков-сын. Твердил свое:

— Официально к Дудкину не приступитесь... Он не украл ничего. А что он полегче участочки выбирает — это недоказуемо. Недоказуемо!

* * *

После одной из таких бесед Василий Тихонович объявил:

— К Дудкину на поклон еду...

И, подмигнув оторопевшей хозяйке, объяснил:

— За олифой.

— Даст он вам олифы!

— Даст! Я тактично. С подходцем.

Мы напросились в компанию и вскоре подъезжали к плодоягодному заводу.

— Крепость! — мрачно сказал Василий Тихонович.

Перед нами действительно была крепость. Дощатый забор. Исхлестанные дождями сторожевые вышки.

Но из крепости вышел учтивый и приветливый хозяин. Лицо его только слегка розовело от солнца.

— Нет, нет, нет, — остановил он Кондакова-отца. — Дела потом. Чаем напою. Хозяйство покажу. Батькины приятели не часто меня жалуют...

Сказать, что Василий Тихонович — приятель Дудки-отца, было очень рискованно. Но старик, видно, позарез нуждался в олифе и снес «приятеля», не моргнув.

— Да, да, — не глядя на хозяина, сказал он. — Все приятели. Подержи-ка ворота.

Сперва Дудкин-сын показал нам завод. Пощелкал ногтем по пустым чанам, объяснил: сырье прошлого года давно сварено, а новое не поспело. Кроме чанов мы увидели еще два навеса для сушки фруктов.

— Конечно, кустарщина, — рассуждал Дудкин, подпирая дверь завода кирпичиком. — Восемнадцатый век... Но что поделаешь, не дошли до наших заводиков руки. Не до нас правительству. Годочка три не ожидаю перемен...

Василий Тихонович подмигнул нам, кашлянул, но смолчал.

— Еще что покажешь? — спросил он. — Свиней, гусей?

— Вы насчет обрастания? — засмеялся и приобнял старика хозяин. — Нет, не держу. Это же не умно, Василий Тихонович, из-за какой-то, извините, гусятины ломать себе шею. Тина это — личное хозяйство. Ступишь ногой, и поминай как звали. Нет, вот насчет духовной пищи, тут никто не осудит...

Что-то очень уж он старался перед стариком. Отчитался перед ним в выполнении плана, показал какие-то похвальные бумаги из треста, сказал, что он, Дудкин, любит всякое дело держать в порядке и потому у него спокойна душа. Насчет спокойствия души он сказал, особенно живо взглянув на старика. Но тот только покашливал.

Вошли в дом. Дудкин представил жену; она оказалась еще приветливей хозяина, распахнула перед Василием Тихоновичем обе половинки двери. Старик важно вошел в парадную комнату Дудкиных, крутанул ручку радиоприемника, переворошил журналы на столе, потрогал корешки книг. Книги, как и все в дудкинском доме, заносчиво поблескивали переплетами, явно хвастаясь тем, что попали к стóящему хозяину.

— Культура? — улыбнулся Василий Тихонович.

— Культура! — улыбнулся Дудкин.

— Штудируешь?

— Нельзя без этого.

— Ума у тебя палата! — причмокнул Кондаков. — Ума палата...

— Конечно, на фоне районной интеллигенции, может быть, и палата, — согласился Дудкин. — Но если взглянуть на всю науку...

— Не постиг? — с участием спросил Кондаков-отец.

— Не постиг! — вздохнул Дудкин.

Они точно бы испытывали друг друга вежливостью, и хозяин остался вполне доволен гостем. Усадил его в кресло, придвинул альбом с фотографиями. Мы увидели совсем моложавого худенького Дудкина с берданкой через плечо среди берез; потом несколько пополневшего Дудкина во весь рост рядом со столбом. На столбе было написано: «Капуста», — но сама капуста почему-то не попала на фотографию. Потом еще несколько подобревший Дудкин стоял об руку с женой над веселой компанией. Компания сидела в траве, закусывала крупной антоновкой, но хозяин смотрел в объектив не весело, а скорее важно: «Вот видите, какие у меня гости!» Было много групповых карточек, на которых Дудкин был помещен хоть и не в центре, но и неподалеку от него. Это были институтские и курсантские карточки. Василий Тихонович, как бы пересчитывая, перелистал их, кашлянул.

— Молодость, — грустно сказал Дудкин-сын. — Молодость...

— Много науки принял! — похлопал ладонью по альбому старик.

— Не упускал! — сказал с достоинством Дудкин. — Я и в лесу... Вы помните, Василий Тихонович, когда меня в лес послали? Петру повезло, а я был брошен к волкам да к совам. И не отбрыкался... Если бы не книжки, сгинул...

— Полосочки бы насадил тогда, — негромко сказал Василий Тихонович.

— Чего?

— Полосочки, говорю, насадил бы лесные. Ох, высоки б были сейчас, ох, высоки...

— Не планировали! — с сожалением сказал Дудкин. — Кто тогда занимался лесами?

Василий Тихонович помолчал и вдруг спросил живо:

— А что, правду Петро рассказывал: какой-то ученый человек еще при Александре третьем садил полосочки?

— Докучаев! — подсказал Дудкин. — Правда. Садил.

— Совсем не планировали, я думаю, при третьем Александре? — заметил Василий Тихонович и нагнул голову, спрятав улыбку в усах.

— Великий человек — Докучаев! — с чувством сказал Дудкин.

— Хороший человек, если от души садил на пользу людям...

— Выдающийся! — сказал Дудкин и поднялся. — Извините, я насчет чайку...

Хозяйка, косясь на Кондакова, разлила чай. Дудкин пить не стал. Он стерег глазами каждое движение гостя.

— Значит, завод в порядочке? — осведомился Василий Тихонович.

— А до него ли сейчас! — отмахнулся Дудкин. — Мое ли варенье решает? В колхозах — вот где фронт...

— Ишь ты! — сказал Василий Тихонович. — Значит, у тебя не фронт?

— Главному надо помогать! — торжественно сказал Дудкин. — Вы только гляньте, какие у вашего Петра кадры! В Мануйловке девчушка — только из техникума — командует участком в три тысячи гектаров! По силам он ей? Спрашиваю: «Вы подготовлены для этого поста?» «Стараюсь», — говорит. Старается! А Вильямса читала только в кратком издании... Пришлось провести беседу. Но неопытность, ох, неопытность...

— А ты поменяйся с ней, — ставя блюдечко, подсказал Кондаков.

— Как это?

— А по капиталам! — сладчайше сказал Василий Тихонович. — По капиталам. У тебя ума палата, ну и бери под свою руку ее тысячи гектаров. А она пускай варенье варит. Тут же не фронт, сварит, я думаю.

— Шутите! — улыбнулся Дудкин. — Кто же меня отпустит? Честность моя, образование и аккуратность в делах известны. Что же в тресте — враги самим себе? Не выпустят! Они и так меня еле отбили...

— Д-да. Так-тич-но живешь... Так-тич-но... Глухая у тебя оборона.

По особенной внятности, с какой были сказаны эти слова, мы поняли, что старик израсходовал всю сдержанность. Встрепенулся и Дудкин.

— Вы о чем?

— А о том, — раздельно, с силой сказал Кондаков, — что не пора ли прекратить баловство! Как, Антон Ерофеевич? Сорок лет... Отчетные годы подходят... Чем с людьми попрощаешься? Анкетой?

Если б Василий Тихонович закричал, затопал ногами, Дудкин бы, может, нашелся. Но сгущенная до последней степени, властная сдержанность старика ошеломила Дудкина. Он только чуть отстранился от стола, потер ладонью враз побелевшую щеку...

— Нашли занятие: лежебоко-уполномоченный по чужим делам. Куда ты суешься? С какой совестью? Не отпускают в поле, к Петру? Открывай фронт на своем месте, как Кондрат на ягодах... Вон полный лес дичка. Собирай, вари на пользу людям... С шумом, грохотом ставь свое дело, на все свои капиталы...

Василий Тихонович поднялся, аккуратно отставил стул и, не дав Дудкину опомниться, спросил властно и деловито:

— Олифы дашь?

— Олифы? Какой олифы? — опешил Дудкин.

— Крыши красить! — закричал Василий Тихонович, и дверь, скрипнув, отошла от притолоки. — Крыши, те самые, что батька твой, а мой «приятель» забыл поставить...

— Сколько вам олифы?

— Два центнера! — гаркнул Василий Тихонович и оглянулся на нас.

— Отношение привезли?

Когда так и не пришедший в себя хозяин закрыл за нами ворота крепости, мы оглянулись. Из крыш сторожевых будок выбивалась бледными плетями жалкая, голодная трава. А из провала забора, точно в издевку над нами, выглянула и почесалась о доску тупая, как булыжник, свиная морда.

— Тьфу, сатана! — отшатнулся Василий Тихонович. — Где ж ты скрывалась?

* * *

Мы прощались с Петром Кондаковым на перекрестке главных грейдерных дорог.

Вечерело. Пыль садилась на лезвия солнечных лучей.

Агроном был весел, умиротворен. Он стоял у обочины, ласкал рукой жесткую шапку крепконогого дубка. Василий Тихонович мерил кнутовищем крайнее от дороги крохотное деревце, удивленно качал головой.

— Что вы, папаша?

— Да вроде бы не растет...

— Не то меряете! Вон ваше контрольное. Дубочки отличные...

— Середненькие, — поправил старик.

— Едет кто-то, — прислушался сын.

С юга на самом деле донесся топот, и через минуту на взгорок вылетел рыжий жеребец и, приседая на задние ноги и чуть не валясь в кювет, остановился против нас, сдержанный рукой глазастого паренька в расстегнутой гимнастерке. Седок был сердит, накален, подстать взмокревшему коню. Он спешился, кивнул Василию Тихоновичу и пошел на Кондакова, сжимая в набрякших красных руках плетку.

— Никак, сечь будет! — рассудил старик и шепнул нам: — Иван Чалый, огородник. Не хуже Кондрата-ягодника.

— Следовало бы! — зло сказал огородник. — Это что ж деется, Петр Васильевич? Огороды — последняя очередь?

Минут пять шла перебранка о канавокопателе, который Кондаков снял с огородов и перебросил на луга. Чалый грозил сперва райисполкомом, потом облисполкомом, затем министром. Наконец вздохнул:

— Пособи, Петя! По-дружески... Хорошее же дело!

— Ты кого это вез за собой? — спросил Василий Тихонович, пока Петр Кондаков на колене писал записку.

— Никого я не вез.

— Смотри...

— Он? И сюда достает, проклятый? — выругался огородник.

По дороге, не поднимая пыли, мягко катилась дудкинская коляска. Сам Дудкин-сын уже выставил ногу, но тотчас убрал ее, тронул за плечо кучера, и тот резко завернул лошадей.

— Меня заметил! — победно сказал Василий Тихонович.

— К вам и идет, — спокойно ответил сын, свертывая записку.

Да, Дудкин-таки соскочил с коляски и подходил к нам.

— Здравствуй, Петр! — подал он руку. — Дорогому преемнику, — шутливо раскланялся он с огородником. — Василий Тихонович! Вы на меня не в обиде? Сгодилась олифа? Ехал, понимаешь, Петр, по твоей епархии. Смотрю — непорядки... Вот задержался в Павловке на два часа.

Василий Тихонович тихо свистнул и пошел к лошадям. Огородник присел на кювет, отвернулся. А сверкающий розовый Дудкин-сын, взяв под руку Кондакова, заговорил о непорядках в его епархии и о том, что он, Дудкин, подсказал колхозным агрономам и что надумал.

— Спасибо, — не поднимая головы, уронил Кондаков.

— Ты там проверь, как они повернутся! — наказал Дудкин.

— Хорошо.

— Что пасмурен? — заботливо спросил Дудкин. — Дела? Бумаги? Журналов не успел прочесть? Когда я тебя приучу?

Кондаков не ответил, только сильней потемнело его лицо, а рука потянулась к часам. Но Дудкин уже тормошил огородника.

— Никак не заеду к тебе, — извинялся он, — а очень интересная

мысль есть насчет помидоров. Думаю на сессии выступить. Как ты считаешь? Вас немного задеть придется...

Чалый ошалело посмотрел снизу вверх на Дудкина, точно бы не понимая, откуда свалилось такое, поднялся, сжал в руках плетку.

— Я перебил беседу? — нерешительно спросил Дудкин.

— Двадцать лет перебиваешь, привычные, — отозвался Кондаков-отец.

— Василий Тихонович! — резко обернулся Дудкин. — Я смолчал в прошлый раз... Но чем вы озлоблены? Я никому не перешел дорогу... Я честно...

— Вон чем ты нас озлобил! — старик выбросил вперед руку, показал. — Вот оно все, погляди...

Мы стояли на самом юру. Пологий холм рассекал надвое тело района. С редкой, только по вечерам появляющейся отчетливостью проступали сквозь пыльную наволочь поля. На юге примятый тучей чернел лес, а от него наперехват узкой ленте канала рассыпным строем бежали дубки. Ближе под холмом лохматились кондратовы ягодники, на востоке у белорозовых стен отстроенной Василием Тихоновичем Березовки лежал темный массив огородов Ивана Чалого.

— Ну, что тут от тебя? — задорно спросил Василий Тихонович. — Что от твоей головы? Что от твоих рук? Двадцать лет катаешься... Где они, твои годы? В полях? В огородах? На ягодах? В лесу? В канале? Найди хоть одну свою былочку!

Глаза Дудкина-сына вмиг обежали горизонт, что-то похожее на испуг тронуло их и исчезло. Вполне владея собой, только чуть побледневший, Дудкин холодно посмотрел на всех нас и сказал:

— Завидуете? — и пошел к своей коляске.

С минуту о чем-то поговорил с кучером, засмеялся, это мы расслышали хорошо, легко вскочил в коляску и уехал...

— Кончилась дипломатия! — объявил Василий Тихонович. — Смотри, Петро, это подлый человек! Допестовался ты с ним. Будет мешать... Кляузничать будет...

— Ну, это мы посмотрим! — воинственно сказал огородник и взмахнул плеткой. — Но скажите, Василий Тихонович, чем он меня сейчас пришиб? Нахальством? Открытым нахальством берет. Что деется?!

— Н-нет, он еще пожалеет! — с ожесточением сказал Петр Кондаков, глядя вслед Дудкину. — Он еще хватится!

— Надейся, — с досадой перебил отец. — Надейся. Хватится! Доживет до девяноста лет, понятно, хватится: «А где же мои следы на земле? Что, мол, от меня остается людям, кроме строчек в анкете?» Подождем? Отложим разговор на пятьдесят лет? Тогда не такое ему покажем, наши руки настроят... И жестяного механика подождем, пока он хватится, что при охоте мог бы лауреатом стать в тракторном деле? И те заповедные хватятся? И те застольные агрономы, что бумагами сеют, те тоже хватятся? Где же, мол, наша пшеница и где наше просо? И их подождем? А пока пускай бережком? Одну контору сократили, я слышал, где же они? Что-то никто у нас в Березовке не разгрузил семью-имущество... Рассосались по другим бережкам? А там же подкованные есть, им и земля в руки...

— И они хватятся! — кивнул огородник. — Страшное это дело — прожить жизнь без цвета, без запаха...

— Не будем ждать! — шумнул старик. — Что мы им, не родственники? Не одной матери дети? Да что это такое?! Через забор в другое ведомство переберется человек, и достать не можем...

— Так доставайте же, папаша! — вдруг совсем весело сказал Кондаков-сын. — Кого вы агитируете против Дудкина? Меня? Доставайте вон Дудку-отца. Маляр же, пусть строит, оправдывается перед людьми. Тащите его с порожков...

— Дудка не наш!

— Ах, не ваш? — засмеялся сын. — Другая система? Через забор перелез.

Василий Тихонович встрепенулся, с минуту строго смотрел на сына, крякнул и молча пошел к повозке...

Мы покидали Березовку.

Очень хотелось на прощанье узнать, что Дудки и «пожалели» и «хватились», а самое главное, что принялись — один на терновских лесах, другой на какой-нибудь ниве — наверстывать, отдавать смелым людям долги...

Нет, нельзя кривить душой: мы не видели этого.

Из окна стоявшего на станции поезда мы увидели сельдерейщика. Он сидел в той же позиции, на тех же порожках. Приобняв за плечо пасынка, он показывал ему куда-то под вагон, в направлении на Терновку. А за холмом, в самом деле, или это так показалось, мелькнул верх коляски Дудкина-сына.

А кругом лежали поля, и леса, и ягодники, и снова поля, — и все от смелых, от кондаковских рук...

Так и оставалось в тот раз: одни шли по самой быстрине, другие крались бережком. Только ли Дудки вышагивали бережком? Не знаем — мы мало прожили в районе...

Разговор о погоде

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

Ты хочешь, чтоб я рассказал о любви,
А наш разговор — о погоде. В пустыне
Средь желтых песков не поют соловьи,
Сирени, черемухи нет и в помине.

В барханах нам встретился глиняный дом,
По самые окна песком заметенный,
С площадкою метеослужбы при нем,
С верблюдом худым и овчаркою сонной.

Здесь двое сотрудников — муж и жена.
(Отправлены с бабушкой в город ребята.)
Он просто радист, а начальник она.
(Подобие древнего матриархата.)

— Давно здесь живете?
— Четырнадцать лет!
Когда поженились, поехали сразу...
— Здесь много свободного времени?
— Нет.
Работой наполнен весь день до отказу.
Четырежды в сутки передаем
О том, что творится у нас в атмосфере:
О скорости ветра, о солнце, о том,
Что нету в пустыне нужды в дождемере.

— Не ссоритесь?
— Некогда ссориться нам!
— Тоскуете?
— Это, конечно, бывает!
К ребятам так тянет по временам.
А впрочем, работа у нас боевая.

— Хотите взглянуть на приборы?
— О, нет,
Тепло вашей жизни не в столбике ртути:
Души настоящей немеркнущий свет
Открылся мне в этом рабочем уюте.

Мне мой суматошный припомнился дом,
С холодной зимою и мраком осенним.
Не слишком ли редко бываем вдвоем
И полной ценою ли дружбу мы ценим?

...Барханы, барханы, барханы опять.
Но знаю, годится и эта природа
Для счастья...
Коль можешь ты миру сказать,
Что завтра хорошая будет погода.

Море

Владимир ФЕДОРОВ

Море цвета пшенной похлебки
Намалевано на полотне.
— Не угодно ль? — фотограф неробкий
Улыбнулся учтиво мне.

А шагах в сорока — вот в чем горе! —
Где кончалась базарная грязь,
Необъятное синее море
Колыхалось, на солнце искрясь.

В ЛАПЛАНДИИ

Путевые заметки

В. ПОЛТОРАЦКИЙ

1

В столице Финляндии Хельсинки есть небольшой магазинчик, в витрине которого кокетливо разложены меховые сумочки, отделанные яркозеленым сукном, брошки в виде оленьих рогов с медными колокольчиками, маленькие финские ножички, берестяные шкатулки, пестрые шерстяные варежки. Тут же на подстилке из ваты, изображающей снег, стоит темнокрасный игрушечный домик, окруженный зелеными елками. На вывеске магазинчика написано одно слово: «Lappi» («Лапландия»).

Лапландия — самая большая и самая северная из всех десяти губерний Финляндии. Большая часть ее лежит за Полярным кругом.

По мнению хозяев магазинчика «Lappi», в нем представлено все, что характеризует Лапландию, и любопытствующим туристам незачем утруждать себя путешествием на далекий холодный север. Они могут просто зайти в магазин и приобрести лапландские сувениры. Дешево и удобно!..

Вероятно, многие так и делают. Но пяти советским журналистам, в том числе и мне, нынешней зимой довелось побывать в настоящей Лапландии.

Вылетев вечерним самолетом из Хельсинки, мы через несколько часов уже были в Рованиэми, резиденции лапландского губернатора.

Губернский центр, раскинувшийся на берегах реки Кеми, невелик. Это, по существу, поселок, в котором насчитывается около двадцати тысяч жителей. Впрочем, больших городов в Лапландии нет. Изредка встречаются маленькие поселки, а чаще всего люди живут на хуторах, состоящих из двух — трех домиков.

Лапландская губерния занимает третью часть территории всей страны, но жителей здесь в два с лишним раза меньше, чем в одном только городе Хельсинки. Как говорит официальная статистика, на квадратный километр сухопутной площади приходится всего 1,8 человека.

Принимавший нас губернатор г-н Ханнула, старик с ястребиными глазами, отрекомендовавшийся бывшим фельетонистом и бывшим министром, сказал:

— Вы будете очарованы природой нашего севера.

И действительно, пейзажи Лапландии очаровательны. На зимнюю сказку похож заснеженный лес. Как заколдованные, стоят мохнатые ели, накрывшись белыми шапками. Березы в серебряной бахроме... Редкие домики почти до крыши ушли в сугробы, а над крышей сизой струйкой курится дымок.

Недалеко от Рованиэми, у самой дороги, на линии Северного Полярного круга, стоит почтовая станция. Она чем-то напоминает хельсинкский магазинчик «Lappi». Здесь на прилавке рядом с почтовыми открытками лежат те же самые сумочки, брошки, ножички; за прилавком стоит улыбающаяся девица, одетая в пестрый лапландский костюм.

Но все это внешняя, показная сторона финляндского севера, так сказать, Лапландия для туристов. Нас же интересовала жизнь народа, и когда мы ближе познакомились с нею, зимняя сказка рушилась, встала суровая правда...

2

В 1944 году Лапландия пережила трагедию разорения. Немецко-фашистские войска выжгли, взорвали, разрушили Рованиэми и другие поселки севера. Люди остались без крова. Упорно и много надо трудиться, чтобы наладить здесь жизнь.

Финны трудолюбивы. Но в капиталистических странах часто бывает так, что и самому трудолюбивому человеку приходится складывать руки. Судьба его зависит от хозяина, предпринимателя. В Лапландии мы увидели то, чего уже давным-давно нет в Советском Союзе,— безработицу...

Основной источник жизни финляндского севера — лес. Промышленность в Лапландии развита слабо, сельское хозяйство маломощно и примитивно. Поэтому большинство крестьян вынуждено идти на лесоразработки. Тяжелый, почти каторжный труд финских лесорубов оплачивается плохо. Но все-таки это какой-то заработок, какое-то, хоть маленькое, подспорье в жизни. И вдруг десятки тысяч людей лишились даже такого подспорья: лесоразработки резко сократились, деревообрабатывающие заводы перестали работать на полную мощность. В стране начала расти безработица, нищета...

В селении Киттеля, расположенном на север от Рованиэми, мы встретились с деятелями местного самоуправления. Это были: вдова унтер-офицера, лавочник, крестьянин, полицейский инспектор. Разговор зашел о жизни, о пропитании, о прожиточном минимуме.

— Ох, это уж действительно минимум! — сказал лавочник. — Мой сосед — он батрак — совершенно ничего не в состоянии купить. Ну, соль, спички, еще кое-какую мелочь — вот и все. У него нет денег. В кредит? Но тогда я сам стану нищим... Я не Рокфеллер.

Полицейский инспектор, взметнув лохматые брови, строго взглянул на лавочника: дескать, не слишком ли откровенно? Но лавочник продолжал свое:

— Я не хочу разориться из-за того, что сосед мой — безработный, что у него шестеро голодных детей. Нет, я не Рокфеллер, поверьте!..

Мы, конечно, легко поверили, что этот деревенский лавочник, действительно, не Рокфеллер. Но все же непривычно было слышать о том, что шестеро малых детей (да разве только эти шестеро?) голодают из-за безработицы отца, из-за того свирепого закона наживы, который правит капиталистическим миром...

Мы побывали в крестьянской семье. Зашли в один из хуторских домиков близ селения Соданкюля. Поговорили с хозяином.

— Плохо живем,— сказал он.— Скудно живем. Картошкой кое-как перебиваемся. Главное, заработать негде: кругом безработица.

В этом домике я увидел деревянную прялку. У нас такие прялки можно увидеть разве только на старых картинах.

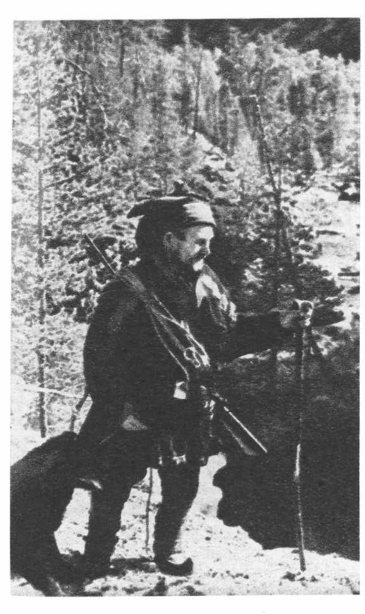
— Чья это? — спросил я.

— Моя,— ответила дочка хозяина.— Вечерами я пряду на ней шерсть. Все-таки заработок в семью.

Дочери лет восемнадцать, а она, как старушка, сидит вечерами за деревянной прялкой.

Особенно остро дает себя знать безработица в промышленных центрах. Нам рассказывали об одном местечке — Раахе. Его жители кормились работой на предприятиях акционерного общества «Руона»; иных средств существования у них не было. В прошлом году предприятия закрылись, работы лишились тысячи людей. Жизнь в Раахе начала затухать...

Самый большой город Лапландии — Кеми. Он расположен на берегу Ботнического залива. Здесь сосредоточены крупные деревообделочные и целлюлозные предприятия акционерных компаний Кеми и Вейтсилуото. Но сейчас эти заводы тоже сократили производство. Часть рабочих уволена, часть переведена на так называемые подсобные работы. Квалифицированные механики, машинисты используются на рытье канав.



Лапландский охотник.

— Чем вызваны эти сокращения производства? — спросили мы у одного из руководителей акционерного общества.

— Сокращением сбыта продукции и в первую очередь сокращением экспорта,— сказал он.— Наши биржи завалены лесом, а сбыта нет.

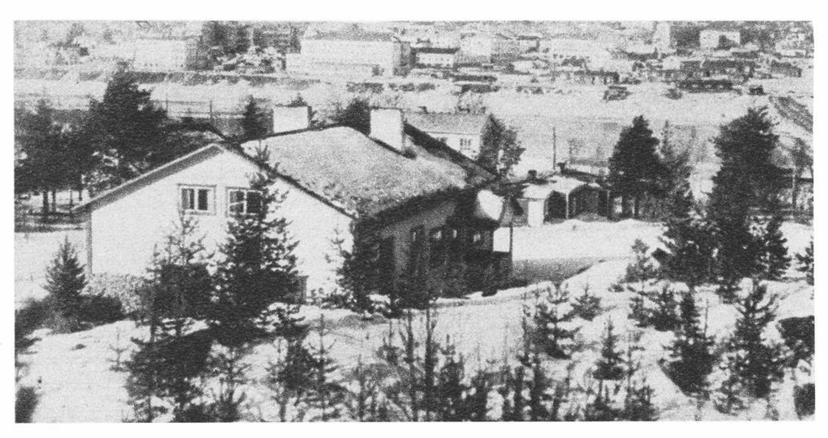
Недалеко от Кеми расположен маленький городок Торнио. В нем четыре тысячи жителей. Из них несколько сот — безработные. Всего же в Финляндии, стране с четырехмиллионным населением, официально зарегистрировано шестьдесят тысяч безработных, а, по данным демократической печати, их тысяч девяносто (данные на февраль 1953 года).

Делаются попытки разрядить тяжелое положение тем, что часть безработных направляется на так называемые общественные работы (прокладка дорог государственного значения и т. д.). Труд там тяжелый, плата ничтожная, и люди идут на это уж в крайнем случае, чтобы как-нибудь перебиться.

За Полярным кругом, к северу от Рованиэми, мы увидели дорожную стройку. Шла прокладка шоссе. На маленьком участке копошились люди с тачками, лопатами, ручными грохотами. Низкорослые, вспотевшие лошаденки тянули подводы с песком и щебнем. Все это напоминало развороошенный муравейник. Только в одном месте встретился нам старенький трактор; он и олицетворял здесь всю технику...

Года четыре тому назад я видел стройку Симферопольского шоссе у нас, в Советском Союзе. Я видел мощные тягачи, самосвалы, дорожные машины, экскаваторы. Я видел людей, спокойно и властно командовавших огромным парком механизмов. Но особенно удивительного для нас там не было ничего: обыкновенная советская стройка.

И вот здесь, на севере Финляндии, увидев грабарей, съежившихся лошаденок, мы почувствовали себя так, будто нас перебросили назад десятилетия на три...



Рованиэми.

3

Про финнов говорят, что они угрюмы и замкнуты. Уж таков, мол, характер народа. Это неправда. И если в Лапландии мы действительно мало встречали веселых, улыбающихся людей, то дело, как мне кажется, не в характере народа, а в условиях его жизни.

Постоянная забота о куске хлеба, упорная, тяжелая борьба за существование, страшная зависимость от жестокого капиталистического закона наживы — все это, конечно, не располагает к веселью и улыбке.

В характере финского трудового народа есть много черт приятных и симпатичных. Одна из таких черт — забота о детях. В селении Киттеля мы видели детский дом, в котором заботливо и нежно воспитываются сироты; в местности, которую выжгли и разорили фашисты, мы уже встречали новые школы. Забота о детях, вполне естественно, связывается в сознании народа с заботой о прочном мире.

— Только бы не было войны! — говорил фермер из Соданкюля.

— Советский Союз хочет мира и дружбы. Это — и наше желание,— высказывались рабочие в Кеми.

Уже упоминавшийся лавочник в Киттеля заявил:

— Нас дважды втягивали в военную авантюру. Больше я войны не хочу. Довольно! Это Рокфеллерам выгодно, а народам хочется прочного мира...

Правда, в Финляндии есть и реакционные элементы, которые хотят войны и пытаются провоцировать раздоры, возрождать фашистские организации вроде распущенного шюцкора, грубо клеветать на Советский Союз. Но в массах трудового народа и прогрессивной финской интеллигенции такие выступления не популярны и не встречают поддержки.

Уместно будет отметить, что провокационные выступления финских реакционеров довольно часто получают поддержку извне. За последнее время в Финляндию усилился приток заокеанских миссионеров. Они якобы проповедуют «слово божие». Об одной такой проповеди нам рассказывали следующее:

— На трибуну поднялся проповедник. Он начал говорить по-фински, но с американским акцентом. «Братья и сестры,— с дрожью в голосе кричал он,— дети — это цветы земли! Помолимся же и поплачем, братья и сестры, о невинных малютках, советских детях, которых коммунисты насильственно отбирают у родителей и посылают в колхозы...»

Конечно, в подобный бред мало кто верит. Но в то же время правда о жизни советских людей почти не доходит, скажем, до крестьян Лапландской губернии. Впрочем, не только до крестьян.

Нам довелось побывать в одной учительской семинарии. Там учатся будущие педагоги народных школ, просветители юношества. Мы, понятно, поинтересовались: что знают будущие педагоги о Советском Союзе? В ответ на это сопровождавший нас директор семинарии заявил, что в стенах его учебного заведения «нельзя говорить о политике», и поэтому сведения о соседней стране (он не захотел сказать: о Советском Союзе) учащиеся получают, мол, в пределах «физической географии»...

В Рованиэми мы посетили дом для престарелых. Нас забросали вопросами:

— Значит, в Советском Союзе нет безработицы?

— Неужели существует бесплатное лечение?

— Как? И даже платят пособие, пока рабочий человек лечится?..

В городах о нас знают больше. Некоторые из рабочих Кеми, например, сами побывали в СССР. Их рассказы о жизни Советской страны встречались восторженно.

Когда мы были в Кеми, нас пригласили в местный музей живописи. При музее имеется и маленькая библиотечка. В ней мы увидели книги советских писателей: А. Фадеева, К. Симонова, Б. Горбатова, Всеволода Иванова, Э. Казакевича; журналы «Новое время», «Огонек», «Советский Союз»...

— Рабочие и интеллигенция очень интересуются жизнью Страны Советов, — сказала библиотекарша.— Но ваших книг у нас еще очень мало. Вы сами видели, что продается у нас в книжных лавках.

Да, мы видели книжные лавки и в Кеми, и в Рованиэми, и в Торнио. Витрины заполнены развлекательной или приключенческой, преимущественно переводной американской макулатурой...

Говорят, что Финляндия считается страной высокой культуры. Действительно, даже в Лапландии имеются школы, а газеты издаются в самых маленьких городках. Но все-таки, на наш взгляд, взгляд советских людей, духовная жизнь обитателей финского севера выглядит тусклой и ограниченной.

Вот Торнио. Маленький, заросший березами, заснеженный городок. Здесь есть свой «народный институт», или, иначе говоря, Дом культуры.

— О, у нас созданы кружки кулинарии, вышивания, танцев! — говорит пастор.

— Ну, а о том, что делается в мире, как живут другие народы,— об этом рассказывают здесь?

— Нет, нет! Мы не любим политики и не хотим ее,— спешит заверить нас лысый бухгалтер местного акционерного общества.— Но зато мы готовим спектакль. Очень интересная пьеска! В спектакле выступит лучший юморист города. Это будет сенсацией!

«Вот так, вероятно,— подумал я,— лет сорок тому назад жили люди у нас в Чухломе или в каком-нибудь Усть-Сысольске...»

Торнио — город, пусть маленький, с четырехтысячным населением, но все-таки город, а чем же, какими культурными запросами живут хутора и фермы Лапландии? Изредка вечеринка, на которую ходят друг к другу за пятнадцать — двадцать километров, чаще — прялка до сумерек, а там уж и спать: керосин-то ведь дорог!

Такую, настоящую Лапландию, конечно, не увидишь и не почувствуешь в хельсинкском магазинчике «Lappi»...

А она существует, живет. И она хочет, страстно хочет жить лучше — в труде, в мире и дружбе со всеми народами.

Парники города Куклены

В парниках овощи выращиваются «в два этажа». Для работы наверху приспособлен движущийся мостик.

Фото Чехопресс.

В народнохозяйственном плане Чехословацкой Республики большое внимание уделено расширению сети овощных баз, которые могли бы снабжать трудящихся страны свежей зеленью в течение круглого года.

Прошлой зимой в городе Куклены было закончено строительство крупнейших в Средней Европе овощных парников общей площадью в 6 тысяч квадратных метров. Уже в феврале этого года многие города Чехословакии получили из Куклен свежие овощи. Работники овощной базы значительно перевыполнили намеченные планы. Так, они отправили в города в два раза больше салата, чем было намечено; план выращивания моркови выполнен на 180 процентов. Все трудоемкие процессы в кукленских парниках механизированы.

МАСТЕРА ЦВЕТНОГО СТЕКЛА

Фото С. Фридлянда.

Небольшая зеркальная фабрика за Невской заставой в Ленинграде не так давно превратилась в завод художественного стеклоделия, в экспериментальную базу и научно-исследовательский центр нового сложного производства.

Цветные стеклянные изделия — от миниатюрных рюмок до декоративных ваз высотой в три метра — зарождаются еще в художественной лаборатории: в эскизных зарисовках, фрагментах, чертежах. Но вот готов первый образец. Теперь дело за производственниками.

...Входим в просторный двухсветный зал цеха. Как далек он от прежних душных стеклодувных мастерских! Восьмой час утра. На вахте один из опытнейших варщиков, Алексей Иванович Иванов.

— Идут последние минуты варки,— поясняет инженер-технолог Нина Петровна Данилова.

В пламенной печи, в огнеупорных шамотных горшках, бесшумно кипит раскаленная огненная масса.

Накануне в печь была загружена размельченная и очищенная от примесей шихта: бой стекла, кварцевый песок, кальцинированная сода, известь, мел, для блеска добавлен поташ. Шихта плавилась при температуре в 1 460 градусов. Через шестнадцать часов получилась готовая масса. После короткой выдержки она приобрела вязкость, из нее можно выдувать рюмки, бокалы, вазы...

Заводские мастера освоили многие способы варки художественного стекла. Добавляя в шихту окиси различных металлов, они получают любой цвет: красный, синий, зеленый, розовый, коричневый, голубой, фиоле-

Мастер высокохудожественных изделий Б. А. Еремин работает над изготовлением ваз.

Художники Е. И. Иванова и Ю. А. Мунтян в художественной лаборатории завода.

П. А. Порохов тридцать пять лет занимается художественной гравировкой хрусталя.

товый. В печах варится и прозрачный, как родниковая вода, хрусталь.

Научно-исследовательская лаборатория провела десятки опытных плавок, пока не добилась высокого качества ленинградского хрусталя. От обычного стекла он отличается ярким блеском, исключительной прозрачностью, чистым звуком, высокой светопреломляемостью и тяжелым весом.

Стекло сварено... У печи становится стеклодув Борис Алексеевич Еремин. Свою профессию он унаследовал от деда и отца. Но помимо того Еремин учился у знаменитого выдувальщика старейшего русского хрустального завода «Красный гигант» Михаила Сергеевича Вертузаева. Изготовленный Вертузаевым ликерный сервиз еще в начале нынешнего века на Всемирной парижской выставке вызвал восхищение. Борис Еремин — достойный ученик мастера. Одна из его работ — огромная декоративная ваза — экспонируется в Русском музее.

В печи варится одновременно стекло нескольких цветов. Неопытным глазом трудно определить, где какое из них. Но Еремин, почти не вглядываясь, безошибочно вытаскивает железной трубкой ком расплавленной стеклянной массы нужного цвета.

...Цех художественной огранки. Сюда поступают изделия из отжигательной печи. Прямыми линиями вытянулись миниатюрные алмазные станочки. Люди, работающие на этих станочках,— граверы, алмазчики, шлифовщики — сидят в удобных креслах. Еще недавно сложная отделка велась на примитивном, устаревшем оборудовании. Теперь оно заменено станками заводской конструкции.

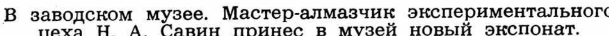
Молодой мастер алмазной грани Николай Савин вставил электрокорундовый круг, включил мотор и взял вазу. Осторожно прикасаясь ее стенками к остро отточенному кругу, он наносит на них глубокие бороздки-грани. На наших глазах поверхность вазы быстро заиграла красивым узором.

В этом же цехе мы увидели за работой и Петра Александровича Порохова — замечательного мастера матовой гравировки. Он сидел в кресле у стола, на котором укреплен граверный станочек, и рассматривал эскиз нового рисунка.

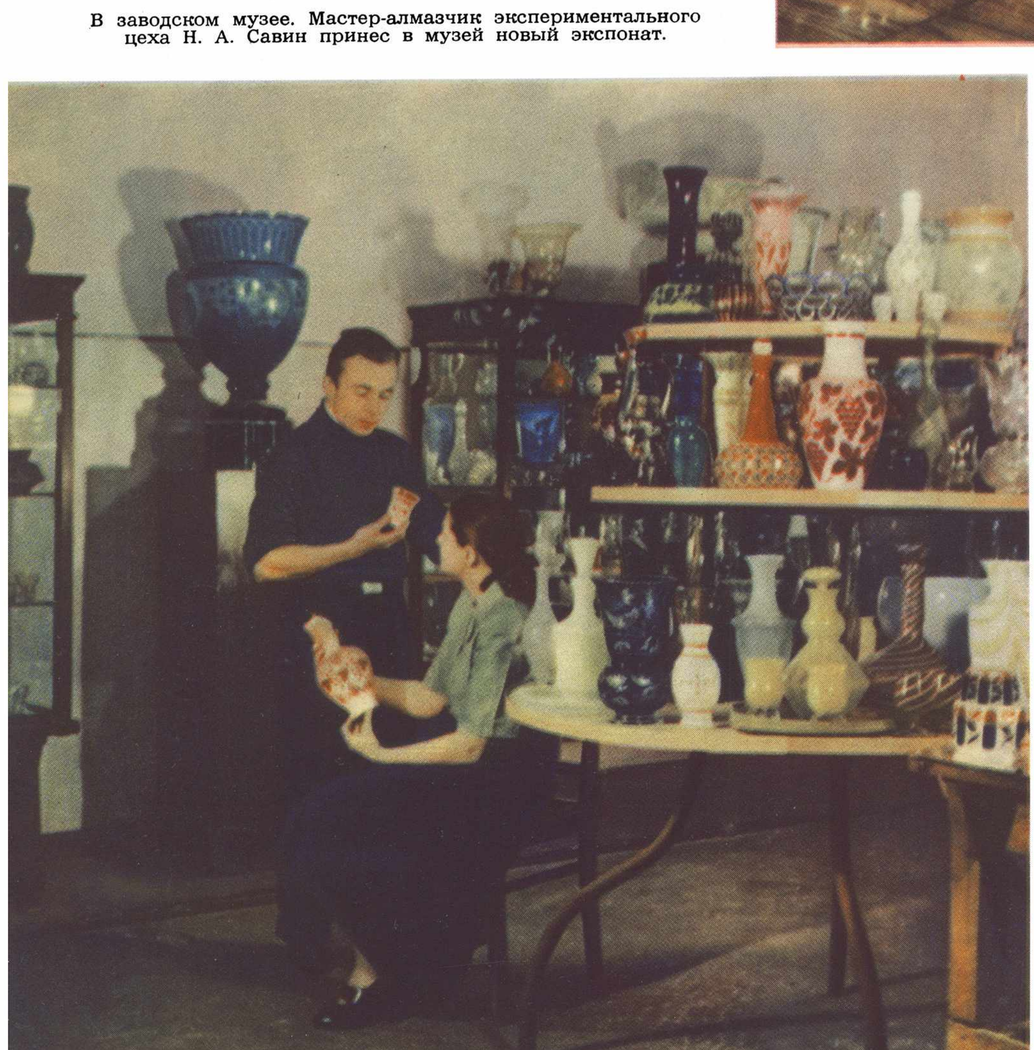
Больше ста лет проработали на стекольных заводах три поколения Пороховых. Изучая прекрасные творения выдающихся мастеров живописи и резьбы, Петр Александрович в совершенстве овладел художественным гравированием, искусством, которому он посвятил свыше тридцати лет. Порохову поручают самую тонкую, изящную отделку хрусталя и цветного стекла.

Вот принесли сервиз, созданный из накладного трехслойного стекла: бесцветного, молочного и красного.

Русское художественное стекло.



В заводском музее. Мастер-алмазчик экспериментального цеха Н. А. Савин принес в музей новый экспонат.



На стенках виднелись алмазные прорези. Теперь старый мастер должен завершить украшение — нанести рисунок, точно передающий эскиз художника. Приблизив графин к быстро вращающемуся диску, Порохов через несколько секунд отнял его, потом снова повторил операцию. Не глядя на эскиз, он прикасался к диску стенками графина или горлышком. Верхний слой стекла в отдельных местах постепенно исчезал, и начинал проглядывать молочный цвет. Порой казалось, что из отдельных точек и узорных линий не может образоваться осмысленный рисунок. Но не прошло и несколько минут, как на поблескивающей поверхности выступили матовые узоры веток смородины.

После художественной обработки готовая продукция поступает в отдел технического контроля. Здесь наклеивают на донышко крохотную заводскую марку.

В два с половиной раза завод увеличил в прошлом году выпуск художественной посуды, но спрос на нее все растет. По эталонам ленинградцев организовано производство и на других стекольных предприятиях. За последние годы им передано около трехсот новых образцов.

В «книге движения образцов», которую ведут на заводе, свыше 700 изделий числится за Музеем Ломоносова Академии наук СССР, за московским Историческим музеем, за Третьяковской галереей, за Русским музеем в Ленинграде, за Львовским и другими хранилищами.

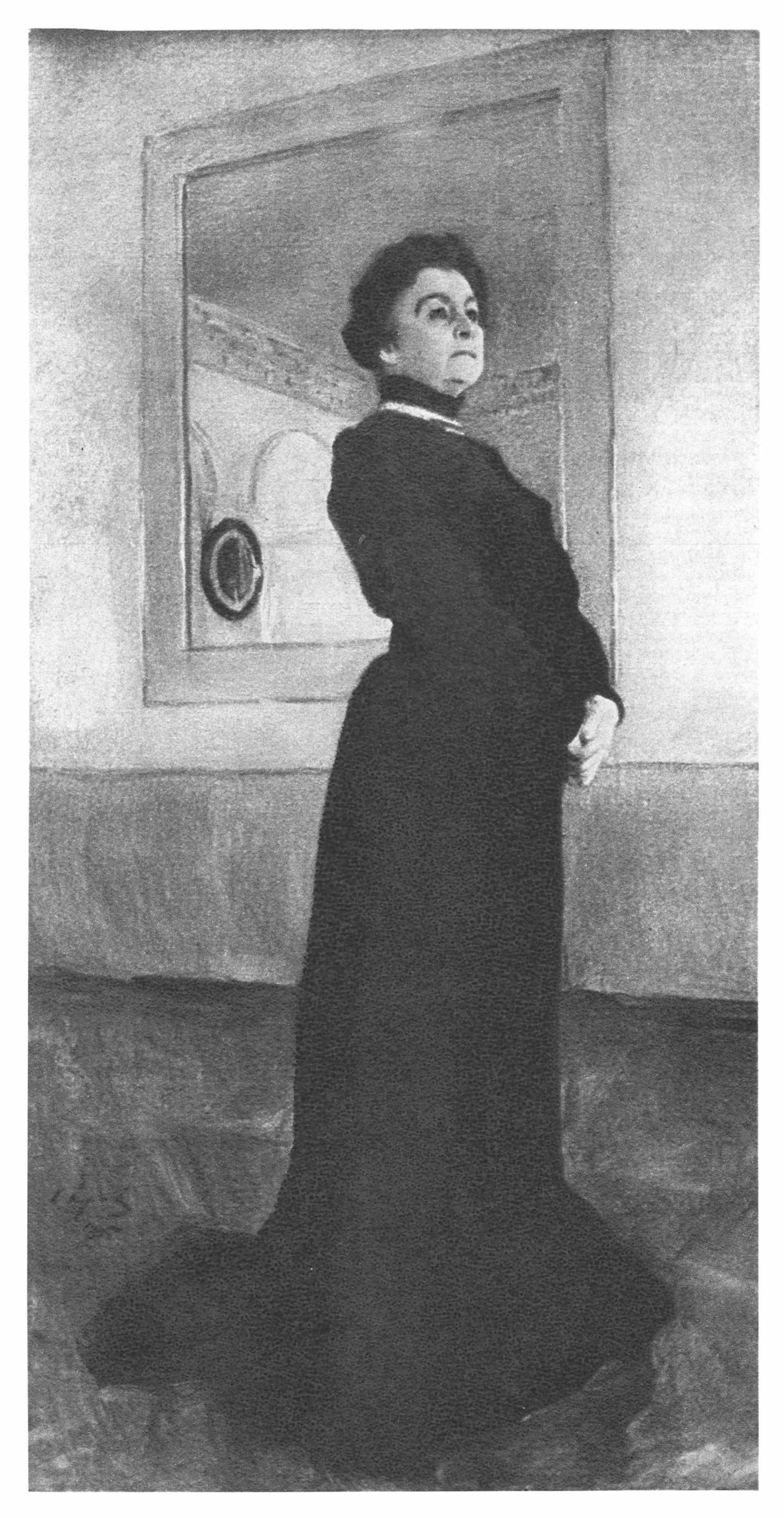
Ленинградский завод становится всесоюзной лабораторией художественного стеклоделия.

К. ЧЕРЕВКОВ

ВЕЛИКАЯ АРТИСТКА

К столетию со дня рождения М. Н. Ермоловой

В. РЫЖОВА,
народная артистка СССР



В. Серов. ПОРТРЕТ АРТИСТКИ М. Н. ЕРМОЛОВОЙ. 1905 год.

Светлый образ Марии Николаевны Ермоловой, гениальной трагической актрисы, не блекнет в памяти людей, видевших ее искусство. Мои родители — Н. И. Музиль и В. П. Бороздина, близкие товарищи Ермоловой по сцене,— были страстными почитателями ее дивного таланта. Теплые, дружеские отношения Марии Николаевны с нашим семейством не порывались до самой ее кончины (1928 год). Для нас, как и для всех, близко знавших ее, Ермолова была непревзойденным примером служения искусству, человеком на редкость скромным, чутким и отзывчивым.

Сценическая деятельность Ермоловой, составившая целую эпоху в истории русского драматического искусства, неотрывна от Малого театра, с которым издавна был прочно связан вышедший из крепостных театральный род Ермоловых. Наблюдая за игрой замечательных артистов Малого театра, Ермолова училась трудному актерскому мастерству. Вместе с передовыми людьми театра, вместе с Островским Ермолова укрепляла прогрессивное искусство. Здесь отстаивались традиции реализма, традиции, обязанные своим созданием гениальным учителям русских актеров Мочалову и Щепкину. В период расцвета ермоловского таланта Малый театр с его блестящим передовым ансамблем по праву называли «вторым московским университетом».

Невозможно в короткой статье подробно рассказать о ярком и большом творческом пути Ермоловой. Ею создано около трехсот ролей в русском и западном репертуаре. Помимо этого артистка великолепно читала с эстрады произведения прогрессивных поэтов. Каждое из сценических творений Ермоловой казалось живым, запоминалось навсегда. Особенно отчетлив в моей памяти увиденный еще в детстве образ Негиной-Ермоловой в пьесе А. Н. Островского «Таланты и поклонники», впервые поставленной Малым театром зимой 1881 года в бенефис моего отца, игравшего роль Нарокова.

Печальная участь даровитой провинциальной актрисы Негиной, сознательно жертвующей ради любимого искусства своим незапятнанным именем, своей любовью к жениху, которого она вынуждена покинуть, волновала и будила сочувствие. Ермолова дополнила этот образ, рисуя Негину как актрису-подвижницу, актрису-просветительницу, несущую искусство народу. Роль Негиной — одна из лучших работ Ермоловой, сыгравшей в пьесах Островского около двадцати ролей, в том числе Катерину («Гроза»), Ларису («Бесприданница»), Тугину («Последняя жертва»), Олёну («Воевода»), Кручинину («Без вины виноватые»).

Горькая судьба русских женщин, загубленных в «темном царстве», необычайно прочувствованно и правдиво раскрывалась Ермоловой. Способность великой артистки к широкому охвату, критическому восприятию и обобщению жизненных явлений, горячий социальный протест, звучавший в ее ролях,— все властно захватывало зрителя.

Краса и гордость русского театра, любимица передовой, демократической публики, М. Н. Ермолова, однако, мало ценилась тупыми театральными заправилами, превращавшими ее творческую работу в «каторжный труд». Случалось, что Ермолова и некоторые ее товарищи демонстративно отказывались от участия в развлекательных, никчемных пьесах, насаждавшихся в репертуаре, чем вызывали гнев всесильной дирекции. А в 1907 году, не выдержав постоянных притеснений, Ермолова даже вынуждена была на время покинуть сцену.

Выступления Ермоловой нередко превращались в общественно-политическое событие. Так было с постановкой в 1876 году пьесы Лопе де Вега «Овечий источник», впервые показанной в русском театре. Вдохновенной героиней своего народа, поднявшегося на тирана-феодала, предстала перед зрителями Лауренсия-Ермолова. Ее ненависть к насильнику была так пламенна и естественна, такой горечью дышало каждое слово оскорбленной крестьянской девушки, что вместе с ее односельчанами шумно возмущался и бурлил зрительный зал! Слишком явный политический эффект «Овечьего источника» и грандиозный успех Ермоловой-Лауренсии послужили причиной запрещения этой постановки.

Роль легендарной народной героини Франции Иоанны Д'Арк («Орлеанская дева» Ф. Шиллера) была особенно любима Ермоловой. В течение восемнадцати лет (1884—1902 год) шла «Орлеанская дева» с Ермоловой в Малом театре. Очарование артистки в этой роли было настолько неотразимым, что, по словам ее партнеров, они, покоренные ее дивной игрой, подчас путали и даже забывали свои реплики.

Мария Николаевна всегда относилась к театру и к своим обязанностям актрисы, как к делу исключительной общественной важности. И Малый театр и его замечательная артистка всегда и всей душой принадлежали народу. Об этом она напомнила в памятный день пятидесятилетия своей сценической деятельности (1920 год), когда по инициативе В. И. Ленина Ермоловой, первой из советских мастеров театра, было присвоено почетное звание народной артистки республики.

Велико было влияние Марии Николаевны на все современное ей русское сценическое искусство, включая и Художественный театр. Его основатели, убежденные и неизменные почитатели Ермоловой, неоднократно отмечали это, подчеркивая в то же время общественно-историческое значение творчества выдающейся артистки-гражданки.

«Когда мы вспоминаем Ваши сценические создания, сотканные из тончайших страданий, мы называем Вас певцом женского подвига,— сказал Ермоловой Вл. И. Немирович-Данченко.— Этим песням нельзя научиться, но... звуки их остаются в душе, и ведут ее к тому, к чему влечет Ваша вера. Когда мы вспоминаем другие образы, палящие огнем, проникнутые безграничной любовью к свободе и ненавистью к гнету, нам хочется крикнуть истории наши требования, чтобы в издании с портретами борцов за свободу, портрет Ермоловой находился на одном из почетных мест».

М. Н. Ермолова принадлежит к тем гигантам национальной русской культуры, имена и наследие которых драгоценны для потомства,

РИСУНОК *рассказывает*

Изо дня в день на страницах датской прогрессивной газеты «Ланд ог фольк» появляются карикатуры Херлуфа Бидструпа. Недавно отмечалось двадцатилетие творческой деятельности этого талантливого и на редкость изобретательного художника-юмориста, на всем протяжении своего жизненного пути последовательно придерживающегося передовых взглядов.

ARBEJDSLØSE

Безработные.

На выставке картин.

В творчестве Бидструпа легко различимы два родственных направления: в одном случае мягкий, добродушный юмор, в другом — острая политическая сатира. Во всех работах сказываются жизнелюбие художника, его симпатии к простому народу.

Теплым, сердечным юмором наполнена серия, состоящая из двенадцати маленьких рисунков под общим названием «Граммофонная пластинка». Муж с восторгом приносит жене интересную пластинку, раздобытую, очевидно, после долгих поисков. Супруги, млея от восхищения, слушают любимый мотив, слушают дома, слушают во время загородной прогулки... Но постепенно приевшаяся мелодия начинает раздражать главу семьи. Он затыкает уши, он ссорится с женой. И только когда пластинка разбита, в семействе воцаряется мир. Этот простенький сюжет разработан Бидструпом в свойственной ему лаконичной и выразительной манере. Каждый из рисунков словно освещен мягкой и доброй улыбкой художника.

Но жизнь современной Дании дает не много тем для таких благодушных рисунков. Чаще художник зло иронизирует над обывателями, он живо реагирует на социальное неравенство. Богатые «ценители искусства», буржуазные филантропы — объект его сатиры.

...Богачи зазывают нищего на рождественскую елку. Потрясенный неожиданным счастьем бедняк сидит за столом, уставленным роскошными яствами. Специально для него играет скрипач. Нищий уходит осчастливленный, сытый — впервые за долгую жизнь,— дымя сигарой. Но когда на следующий день он является к своим «благодетелям» и просит помочь ему добиться увеличения пенсии, его встречают злобной бранью и пинком выдворяют за дверь.

Вот бедный поэт. На чердаке, при свете огарка, он пишет стихи, горит вдохновением, мучается, шлифуя каждую строку. Затем он мчится к толстому заказчику и получает небольшую мзду за все муки творчества. Заказчик переписывает стихотворение, ставит свою подпись — и вот уже его чествуют за пиршественным столом, и он с улыбкой «благородного смущения» выслушивает щедро расточаемые комплименты: «Какой талант!..»

С любовью изображает художник проказы молодых влюбленных, весело посмеивается над модницей, купившей на лето соломенную шляпу, темные очки, босоножки, купальный костюм, крем от загара и попавшей к морю в период холодных дождей.

Серии рисунков Бидструпа прославляют победу китайского народа, избавившегося от угнетателей и захватчиков, и страстно и гневно изобличают поджигателей новой войны. В этом жанре Бидструп выступает как подлинный сатирик. Маленькая серия «Безработные» изображает двух: один, тощий, зябко подняв воротник, спит на бульварной скамье, другой «безработный» — тучная глыба жира, нежась в постели, вкушает обильный завтрак. Тощий мокнет под дождем, толстый наслаждается ванной. Тощий жадно затягивается случайной сигаретой, толстый в шикарном ресторане под звуки джаза лениво пьет, обнимая некую девицу. И, наконец, тощий получает несколько крон пособия по безработице, а толстый у окошка кассы пересчитывает пачки пятисотенных кредиток.

Интересны зарисовки с выставки картин. Пресыщенные буржуа восторгаются бредовыми произведениями, состоящими из бессмысленных сочетаний линий и красок, замирают возле грубого изображения нагой женщины, снисходительно поглядывают на пейзажи и... с ужасом отворачиваются от портрета рабочего — борца за мир.

Рождественская благотворительность.

Anekdoten

Рассказчик анекдота.

Подобную реакцию нередко вызывают в буржуазных кругах и карикатуры самого Бидструпа. Обнажая пороки социального строя современной Дании, обращаясь к темам, волнующим рядового датчанина, к темам борьбы за национальный суверенитет и достоинство своего трудолюбивого народа, художник, несмотря на злобные окрики реакционной печати, мужественно отстаивает свои прогрессивные позиции.

Карикатуры Бидструпа, появляющиеся ежедневно в газете, датчане бережно вырезают и вывешивают у рабочих мест на заводе, в столовой, дома. Многие трудящиеся еще помнят антифашистские рисунки Бидструпа, нелегально распространявшиеся в годы гитлеровской оккупации. Глубоко уважают простые люди Дании своего художника, стойкого борца за мир.

Н. СВЕТЛОВА

КАССИР ПРИНЕС БИЛЕТЫ

← Тесным кольцом окружили кассира уполномоченные цехов.

Этот небольшой отрезок пути — от главного входа на завод до завкома — для Анны Андреевны всегда был особенно «тернистым» и долгим. На каждом шагу встречались знакомые, останавливали, рассказывали о последних посещениях театра, впечатлениях, осведомлялись: «Чем сегодня порадуете?» Анна Андреевна охотно и подробно отвечала на этот вопрос, стараясь задержать последующий. И все же, уловив паузу в разговоре, собеседник неизменно спрашивал: «А как с моей заявкой?»

Ох, уж эти заявки! Все хотят в Большой театр, во МХАТ, в Малый. А где же ей набрать столько билетов? Коллектив Московского завода малолитражных автомобилей большой: закупай хоть каждый день зрительный зал академического театра — билеты разойдутся. Но в Москве есть и другие заводы и другие зрители.

И как Анна Андреевна ни ратовала за строителей автомашин — передовой коллектив, большие и растущие с каждым днем культурные потребности рабочих, любящая искусство молодежь, много заводской интеллигенции, — ей не внимали. «Везде так!» — неизменно и резонно отвечали Филипповой в театральной кассе при распределении билетов. А по вторникам и пятницам, в дни, когда она с билетами приходила на завод, девушки (театральные уполномоченные в цехах были почему-то все девушки) окружали ее тесным кольцом, напоминали об обещанном, требовали, просили... Вот заявка одного только цеха шасси: 1) «Свадьба с приданым» — посмотреть всем в цехе; 2) в Большой театр — Герасимов, электросварщик (спектакли «Князь Игорь» и «Аида»); 3) в филиал Большого — коллективное посещение «Русалки», «Демона», «Фауста»; 4) в театр Моссовета («Отелло»); 5) ЦТСА — «Стрекоза» (30 билетов); 6) Эстрада — «Смеяться, право, не грешно...» (50 билетов).

Кипа заявок растет. Электросварщицы транспортного цеха хотят посмотреть «Мачеху» Бальзака, кузнец Дегтярев с семьей — послушать хор Пятницкого, слесарь-сборщик Кондаков просит достать билеты на «Фауста» и «Господина Дюруа», слесарь-сборщик Гришин хочет посмотреть «Анну Каренину», шлифовщик Алексеев — «Когда ломаются копья»...

И хотя Филиппова знает, что не сможет сразу удовлетворить все заявки, они приносят ей радость. В 1949 году, когда она только пришла на этот завод, очень трудно было ей в первые месяцы. Во многих цехах совсем не брали билетов. С трудом удавалось ей тогда продать билетов на полторы—две тысячи рублей в месяц. А теперь — 24—25 тысяч.

За эти годы Анна Андреевна сроднилась с коллективом, с его самыми горячими театральными «болельщиками». Узнать их и нам нетрудно, стоит заглянуть в тетрадь любого цехового уполномоченного (театральные билеты продаются в долг до дня получения зарплаты): 70, 80, 100 рублей — эти суммы стоят против фамилий многих рабочих. У энтузиастов же расход на билеты переваливает за 100 рублей в получку. Слесари электросилового цеха Борис Смирнов и Вячеслав Завиша иной раз отдают в получку по 140—150 рублей. Цеховой уполномоченный экономист М. Маркова свой обход в этот день начинает всегда с них.

Но не все билеты расходятся быстро: бывает, полежат они в цехе, да и вернутся обратно к кассиру. Это чаще происходит с билетами на новые, еще неизвестные постановки.

— Так получилось, например, с оперой «В бурю» Хренникова, когда она только что была поставлена, — рассказывает Филиппова. — Принесла я билеты на завод, а их никто не берет. Говорят: «Не помним за последнее время хороших опер советских композиторов». И не идут. Наконец удалось убедить несколько товарищей взять билеты. Я рассказала, что опера написана по роману «Одиночество» Вирты, а многие этот роман читали и вспомнили кстати, что на эту тему был спектакль во МХАТе «Земля», понравившийся на заводе. Прошло несколько дней, и в заявках все чаще и чаще стали просить билеты на оперу «В бурю».

Лучший пропагандист спектакля — сам зритель. Понравится ему спектакль — назавтра только и разговору о нем: в столовой, в коридорах, в цехах.

...Довольный пришел Григорий Петрович Герасимов домой. Вся семья была в сборе: Валя вернулась из училища, и Геннадий, как всегда, сидел за книгами: осталось еще несколько экзаменов на аттестат зрелости. Очень хотелось отцу к знаменательному дню порадовать сына. Геннадий, как и все в семье, — страстный театрал и мечтал послушать «Князя Игоря» в Большом театре. Давно Григорий Петрович подал заявку на этот спектакль. И сегодня получил наконец долгожданные билеты, получил и вручил счастливому сыну.

Наступил вечер. Театры гостеприимно раскрыли свои двери. И среди многочисленных зрителей, заполнивших сегодня театральные залы столицы, мы непременно увидим знакомые лица рабочих Московского завода малолитражных автомобилей.

И. ВЕРШИНИНА

Фото О. Кнорринга и Е. Умнова.

В семье электросварщика Г. П. Герасимова. Сын Геннадий (в центре) получает долгожданные билеты на спектакль «Князь Игорь». Слева — Г. П. Герасимов, его дочь Валя. Справа — его жена Татьяна Ивановна.

В электросиловом цехе. Слесари Борис Смирнов (слева) и Вячеслав Завиша расплачиваются за театральные билеты. Справа — цеховой уполномоченный экономист М. Маркова.

В фойе Центрального театра Советской Армии. Группа рабочих завода малолитражных автомобилей в антракте.

В обеденный перерыв у доски объявлений. Опять завязался спор о том, куда лучше пойти в свободный вечер.

НА РУЛЕ

В. ВИКТОРОВ

Закончив свои дела в городе, Игорь Николаевич Поляков возвращался к себе, на гребную станцию. В Москве уже в разгаре было лето: зноем несло от асфальтовых тротуаров, ослепительно сверкали стены новых зданий, и поэтому особенно живительной показалась прохлада метро.

Проскочив под землей центральные кварталы, Игорь Николаевич вышел на станции «Центральный парк культуры и отдыха» и через несколько минут был уже у Крымского моста. Купив билет на речной трамвай, он прошел на пристань и в ожидании пароходика остановился у барьера, с наслаждением вдыхая аромат просмоленного дерева и пресной речной воды.

Поляков всматривался в столь знакомую и так любимую им панораму Москвы-реки. Он был уверен, что до тех пор, пока живет на реке, всегда будет чувствовать себя молодым, и в самом деле в свои сорок лет он был все так же строен, легок, сухощав, как и в то время, когда сидел на подвижной банке скифа.

Подчалил белый нарядный речной трамвай, принял новых пассажиров, и вдоль бортов замелькали аллеи парка, гранитные трибуны, новые дома на правом берегу. Вот она, дистанция в две тысячи метров, дистанция гребных гонок, на которой Поляков не раз испытывал высшее напряжение всех своих сил. Много раз проносился он от старта у Окружного моста к финишу у Крымского моста, разрезая воду лопастью весла. Теперь Поляков совершал этот путь в обратном направлении — от финиша к старту...

Двадцать три года тому назад впервые появился на реке молодой гребец Поляков, и с тех пор его можно было увидеть в лодках самых различных классов. Он выступал на скифе-одиночке, на двойке, четверке, он греб в командах лучших восьмерок страны и был в составе восьмерки ЦДСА, когда она начала трудную борьбу с молодой командой «Крылья Советов».

Да, здесь каждая пядь воды была перепахана его веслом, а когда пришло время уступить банку более молодому и сильному гребцу, Игорь Поляков перешел с носа восьмерки, где он сидел «вторым номером», на корму, на место рулевого.

В 1951 году женская восьмерка ЦДСА, подготовленная Игорем Поляковым, впервые выиграла первенство СССР у восьмерки «Крылья Советов». В тот год Поляков и его ученицы жили на Ленинских горах, в домике около гребной базы. Ранним утром они встречались в прохладном, пахнущем красным деревом и лаком эллинге, у своей лодки, бережно сносили ее к реке и уплывали к Парку культуры. Закончив тренировку, гребцы разъезжались по своим делам: Маргарита Дмитриева на фабрику «Красный факел», где она работала контролером ОТК; студентка Лариса Концевая — в Пушной институт; шофер Александра Соннова — в автобазу. Уезжали в город и другие члены команды: Ирина Лобнева, Валентина Михайлова, Марина Схиртладзе, Нина Севрук и Елена Лукатина. Но вечером они все снова собирались на Ленинских горах, снова садились в лодку, и лопасти восьми весел то взлетали в воздух, то скрывались в тихой вечерней воде.

Много трудных задач должен решить тренер, чтобы добиться успеха. Без мощного, эффективного гребка, без согласованности движений всех номеров нет команды; сложна техника академической гребли. Но если тренер ограничит свою работу только спортивной техникой, его ждет неудача. Ему нужно сплотить людей, держащих в руках весла. Ведь команда не механическое соединение восьми гребцов, а сложное сочетание различных характеров. И здесь-то начинается работа воспитателя.

Тренер, как и режиссер, старается, чтобы каждый член его коллектива чувствовал локоть товарища, чтобы вся команда быстро входила «в роль», то есть умела с первых же движений включиться в работу. Вот почему настольной книгой Игоря Николаевича Полякова стал труд Станиславского, рассказывающий о принципах режиссерского мастерства. Поляков считает, что в работе тренера и режиссера есть общие, схожие черты.

Весь свой многолетний опыт использовал Поляков для того, чтобы создать команду, в которой каждый человек понимал ответственность за свои действия, понимал, что в самые трудные минуты он не имеет права подвести товарищей, ослабить свои усилия, бросить борьбу, какое бы напряжение от него ни требовалось.

Сколько было проведено тренировок, занятий, бесед! Как тщательно изучал он характер каждой спортсменки!

Когда наступал час гонок, Поляков оставался со своей командой и вместе с ней участвовал в борьбе, вместе с ней добивался победы. Ведь гребля,— пожалуй, единственный вид спорта, где тренер наравне со спортсменами является полноправным участником состязания. Многое, очень многое в успехе команды зависит от искусства тренера-рулевого — от его способности не терять головы в самые кипучие моменты борьбы, от его умения крепко держать в руках не только руль лодки, но и восемь человек, сидящих в ней. А это не просто, когда рядом с тобой выкладывают последние силы твои воспитанники, когда вперед рвутся лодки соперников и ты слышишь голоса других рулевых, диктующих каждый по-разному свой темп гонки.

Поляков хорошо знал, чем грозит команде растерянность рулевого. Восьмерка, в которой он некогда греб «вторым номером», проиграла ленинградскому скифу с загребным Совримовичем только потому, что рулевой растерялся, потерял контакт со своими гребцами. После этой неудачной гонки Поляков и решил освоить искусство вождения лодки, и через три года московская восьмерка с Игорем Поляковым на руле взяла реванш у ленинградцев. Но главный экзамен Игорь Поляков держал в прошлом году.

Весной 1952 года Игорю Николаевичу предложили подготовить мужской скиф «Крылья Советов» к участию в XV Олимпийских играх. Предложение было таким неожиданным, что он, не раздумывая, отказался. В самом деле, как мог он принять на себя эту задачу, если лучшую команду страны создал, воспитал другой тренер — один из известнейших наших специалистов по академической гребле, Алексей Михайлович Шведов?

Но когда Полякову объяснили, что Шведов защищает кандидатскую диссертацию и временно работать со своей командой не сможет, он призадумался. Советской восьмерке предстояла впервые встреча с известными командами Англии, США, Венгрии, Австралии, Западной Германии. Сможет ли он за короткий срок войти в коллектив, понять не внешнее, а внутреннее взаимодействие людей, его составляющих? Но тут же Поляков вспомнил, как в годы войны его как-то вызвали в штаб армии и спросили:

— Вы мастер спорта?

— Так точно,— ответил Поляков.

— Отлично,— сказали ему.— В таком случае вот вам трудное, опасное, но чрезвычайно важное задание. Вы должны установить на нейтральной полосе, под самым носом гитлеровцев, линию мощных прожекторов.

И в назначенный час по всей линии обороны разом вспыхнули ослепительные лучи фар, указывая нашим самолетам объекты бомбежек...

Много раз после этого слышал Поляков все тот же вопрос: «Вы мастер спорта?» — и уже знал, что последует дальше...

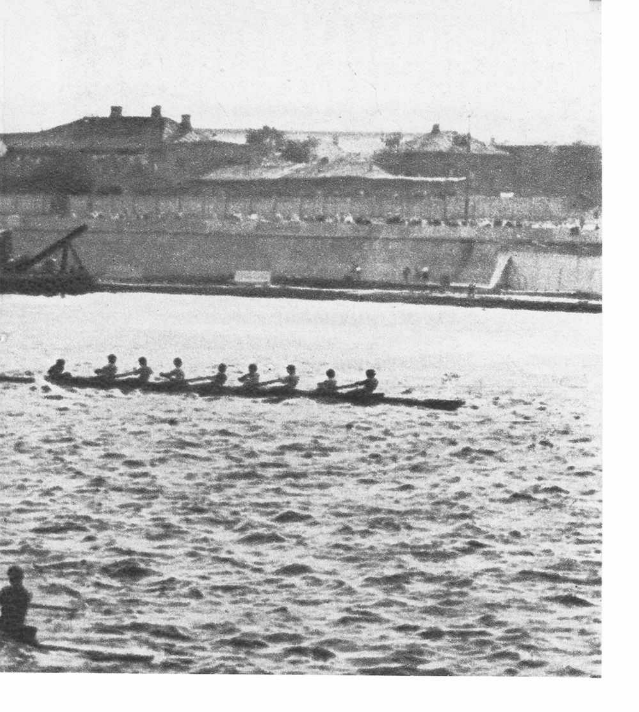
И Поляков сел за руль восьмерки «Крылья Советов»...

Это был сильный, дружный коллектив, состоящий в основном из воспитанников Московского авиационного института. «Первым номером» в лодке сидел Евгений Браго, перед ним Владимир Родимушкин, потом Алексей Комаров, один из самых старых членов команды, с которым Поляков не раз вел борьбу на дистанции, затем Игорь Борисов, Слава Амирагов, Леонид Гиссен, Евгений Самсонов и, наконец, Владимир Крюков. Как найти дорогу к сердцу всех этих людей?

Много трудностей пришлось преодолеть Игорю Николаевичу, прежде чем он, установив контакт с командой, почувствовал себя хозяином в лодке. К началу олимпийских игр скиф СССР был готов к предстоящей борьбе.

Приехав в Хельсинки за несколько дней до начала соревнований и приступив к тренировкам, Поляков сразу же стал внимательно приглядываться к тому, что происходит на заливе Мейлахти. Многое поражало его: во французской лодке за рулем сидел двенадцатилетний мальчик, а в лодке Западной Германии — маленький старичок. Видимо, главным достоинством рулевого считался здесь легкий вес, а не его искусство.

Поляков изучал стиль англичан и прикидывал на секундомере скорость американцев. Внимательно приглядывался Игорь Николаевич к тому, как ведут себя в лодке гребцы США. Он пришел к выводу, что у них все основано на большой физической силе. Самый низкорослый гребец имел рост 180 сантиметров, средний



На Москве-реке. Дистанция гребных гонок между Окружным и Крымским мостами.

вес спортсмена достигал 90 килограммов. Когда американцев спрашивали, сторонниками какого стиля они являются, гребцы сгибали руку и показывали на свои мышцы.

Так еще до начала соревнований Игорь Поляков уже чувствовал себя на дистанции, на привычном своем месте, на руле. А потом начались гонки, и, приняв участие в трех заездах, советский скиф завоевал право на борьбу в финале.

В ожидании решающего заезда, в котором советские гребцы должны были встретиться с сильнейшими гребцами Европы и Америки, Поляков не раз задавал себе тревожный вопрос: не исчерпаны ли силы команды в предыдущих гонках, не ослаб ли его контакт с новыми друзьями? Но когда наступил день финала, когда скиф «Аврора» отвалил от бона, когда Поляков увидел восемь пар глаз, смотрящих на него со спокойным доверием, он понял, что крепкие нити попрежнему связывают его с этими сильными, мужественными людьми. И, сидя на руле, Поляков снова почувствовал себя как на фронте, как в тот день, когда, выполняя приказ командования, освещал прожекторами линию вражеской обороны.

Пять сильнейших скифов мира выстроились на старте. Прозвучал вопрос судьи:

— Все ли готовы?

И тут же сразу:

— Внимание! Пошли!

Между двумя этими словами весла уже начали первый гребок, короткий, резкий. Второй — без подъезда, третий — подлиннее. И пока учащенные удары весел проталкивали вперед его лодку, Поляков, не отрываясь, смотрел в глаза загребного Владимира Крюкова. «Спокойнее, только спокойнее»,— безмолвно просил он его. Он не слышал воплей рулевых на соседних лодках, он крепко держал в руках веревки руля и смотрел в глаза загребного, от которого зависело рождение ритма, рождение скорости.

Старт взят хорошо, команда с полуслова понимает его, и Поляков приказывает:

— Держать!

Теперь он видит, что происходит вокруг: американцы на номер впереди, англичане на полметра сзади. Восемь лопастей в ритмичном круговороте появляются в воздухе и скрываются в воде. Гребок мощен и точен, и новый приказ слетает с губ Полякова:

— Прибавить!

Пройдены первые пятьсот метров. Американцы немного впереди, англичане держатся рядом, но австралийцы и немцы начинают отставать.

— Раскручивай! Подходим к тысяче! — спокойно, не напрягая голоса, говорит Поляков, хотя со всех сторон попрежнему несутся чудовищно усиленные мегафонами истошные крики рулевых, взвинчивающих, подхлестывающих, понукающих своих гребцов.

И тут же, синхронно, команда советских спортсменов увеличивает число ударов до предела, до сорока в минуту. Американцы теперь почти рядом, но англичан он больше не видит: англичане, не выдержав темпа, исчезли за кормой.

— Ребята, хорошо! Выигрываем у англичан, — все так же невозмутимо-спокойно говорит Поляков.— Американцев можно достать.

С каждым гребком просвет между двумя скифами все уменьшался и уменьшался, попрежнему ритмично сгибались и разгибались тела восьми человек. Но уже видны трибуны, вопящие, размахивающие шляпами, плащами, газетами, трещотками... И с интервалом в пять секунд две лодки пронеслись мимо этих трибун, мимо судейской вышки...

На следующий день все газеты отмечали удивительный, сенсационный разгром англосаксонских команд. Журналисты назвали этот день черным днем великобританского спорта. Австралийская и английская восьмерки оказались отброшенными на третье и четвертое места восьмеркой СССР. Не скрывали своей тревоги и американцы. Тренер команды США заявил, что еще ни разу в такой напряженной борьбе не приходилось его команде вырывать победу, с таким небольшим просветом кончать дистанцию.

Да, это был ответственный экзамен не только для рулевого Игоря Полякова, не только для гребцов скифа «Крылья Советов». Борьба на заливе Мейлахти, где советские спортсмены впервые встретились с неоднократными участниками крупнейших международных гонок, показала, что наши гребцы стоят на правильном пути, что их лодка сильнейшая в Европе.

Вдохновленный этим успехом, Поляков, вернувшись в Москву, сразу же сел за руль женской восьмерки ЦДСА. Для отдыха не оставалось времени: близились соревнования на первенство страны по гребле, новая встреча с женской восьмеркой «Крылья Советов».

Эта встреча опять закончилась победой скифа ЦДСА. Но и зимой не были отложены в сторону весла. Тренировались в зимнем бассейне, готовились к новому сезону...

Как быстро миновала зима! Снова склоны Ленинских гор покрылись зеленью. Сидя на верхней палубе речного трамвая, Игорь Николаевич окидывает взглядом так хорошо знакомую ему гоночную дистанцию, протянувшуюся между Окружным и Крымским мостами. Остались позади аллеи Парка культуры. Качается за кормой прогулочная лодка — молодой моряк на веслах, девушка на руле. Буксир тащит баржу, груженную камнем. На палубе сидит капитан, жена его хлопочет по хозяйству, а из бревенчатого домика, поставленного на корме баржи, выскочила собака, истошно лая на проносящийся мимо пароходик. Стрелкой мелькнул скиф-одиночка, и знакомый гребец, увидев Полякова, приветственно машет ему рукой. Совсем рядом шпиль Московского университета. Виден уже и большой лыжный трамплин. Вот и гребная база. У воды беседуют о чем-то Нина Севрук и Марина Схиртладзе; двери эллинга широко открыты...

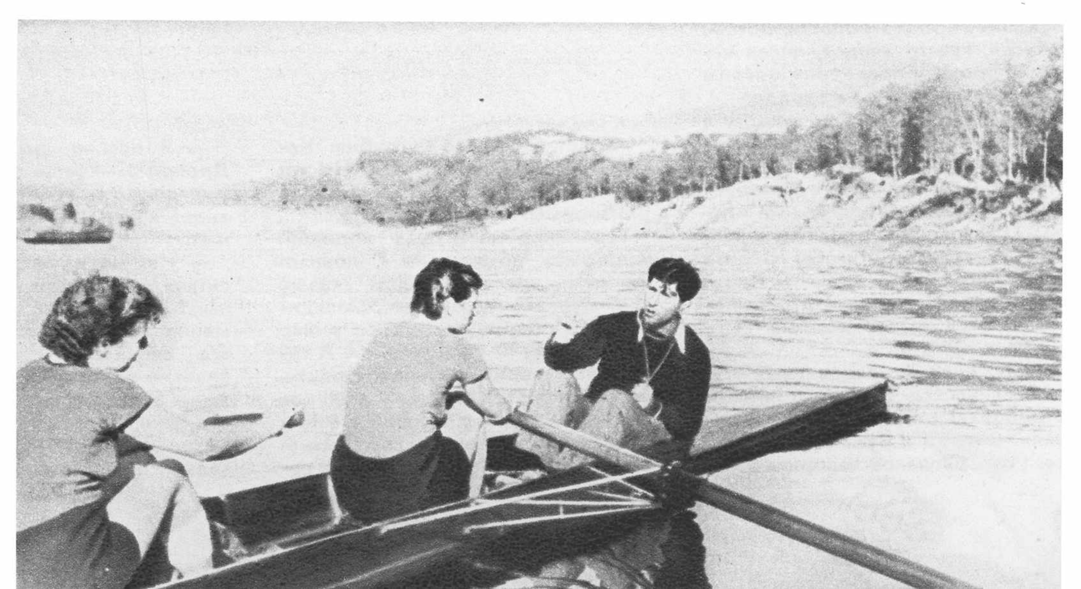
А через полчаса Игорь Николаевич Поляков стоял уже на боне и следил за тем, как его команда, и загребная и боковая сторона, рассаживалась в лодке.

— Все готовы? — спросил он и, еще раз окинув хозяйским взглядом скиф, занял свое место на руле.

Команда восьмерки ЦДСА — чемпион СССР 1952 года. Слева направо: Е. Лукатина, Н. Севрук, А. Соннова, Л. Концевая, М. Схиртладзе, М. Дмитриева, В. Михайлова и И. Лобнева.

И. Н. Поляков на руле женской восьмерки ЦДСА.

Фото А. Бурдукова и Ю. Кривоносова.



Без обложки...

Ф. КНОРРЕ

Рисунки И. Семенова.

Приехав на работу, Иван Дмитриевич Сеновалов прошел в конец длинного коридора и задумчиво остановился перед стеганой клеенчатой дверью. Все здесь было ему знакомо. Глухой гул работающей ротации доносился из нижнего этажа. Привычно стрекотали пишущие машинки. В комнате сельхозотдела кто-то крикливо, повторяя каждое слово, разговаривал по телефону с отдаленным колхозом через районный коммутатор. В своем углу звенела ложечками уборщица Шура, расставляя рядами на большом подносе стаканы с чаем.

На двери, туго вдавившись в клеенку, красовалась знакомая табличка: «Редактор — Сеновалов, Иван Дмитриевич». Табличка говорила неправду: Сеновалов уже не был больше редактором, он оставался временным заместителем. Новый редактор должен был сегодня явиться на работу.

Иван Дмитриевич вздохнул и, круто повернувшись, вошел в комнату, где полагалось помещаться заместителю редактора, положил портфель на стол и осмотрелся. Вошедшая за ним следом секретарь Соня сообщила, что новый редактор уже приехал и просит его к себе. Сеновалов заметил, как неловко Соне с непривычки передавать ему распоряжения нового руководителя, и ободряюще улыбнулся:

— К редактору? Сейчас явлюсь... Ничего, Соня. Нашего брата куда ни поставят на вахту — на обледенелую палубу или в степную кибитку, — наш брат будет делать свое дело скромно и без хныканья!

И хотя кабинет Ивана Дмитриевича выгодно отличался от кибитки, Соня, недолюбливавшая Сеновалова, посмотрела на него с невольным сочувствием: человека с поста сняли, понизили. Другой бы надулся, огорчился, а этот вот как держится. И щекастое, курносое лицо Ивана Дмитриевича впервые показалось Соне мужественным, почти красивым.

О новом редакторе Котельникове Сеновалов знал немногое: работал инженером в одном из соседних городов области, потом, кажется, где-то учился, писал какие-то статьи и последние месяцы был парторгом ЦК на заводе.

Войдя с озабоченным видом в кабинет, Сеновалов радушно пожал руку Котельникова.

На совещании Иван Дмитриевич взял слово сразу же после выступления редактора. Он горячо настаивал, чтобы работа редакции была немедленно перестроена, и высмеял тех, кто не понимает, что газета должна быть живее и ярче.

Коснувшись вопросов литературы и искусства, он категорически потребовал, чтобы литераторы взяли наконец в руки бич сатиры. Все, что Сеновалов говорил, было уже всем хорошо известно, но его внушительная и неторопливая манера произносить речь, напряженно хмурясь и запинаясь по временам, чтобы подыскать веское слово, способна была создать впечатление, будто каждая высказанная им мысль зарождалась впервые, именно вот сейчас, на заседании, в результате напряженной работы мозга Ивана Дмитриевича.

— Я не знаю, стоит ли так долго останавливаться на разных мелочах в работе редакции. Может быть, не задерживаясь на частностях, мы наметим принципиальные вехи нашей дальнейшей работы,— предложил Иван Дмитриевич.

Надо сказать, что вообще Иван Дмитриевич гораздо больше любил принципиальные вехи и туманные перспективы, чем конкретное обсуждение недостатков.

— Нет, — жестко отрубил Котельников, — мне кажется, что эти «мелочи» характерны, давайте разберемся в них до конца.

Терпеливо выслушав «принципиальные» объяснения Сеновалова, редактор вздохнул и сказал:

— Это все правильно. Повидимому, в общих установках у нас разногласий не предвидится. А теперь поговорим все же о практической работе. Читатели жалуются: один номер нашей газеты стал похож на другой, как братья-близнецы. Самые волнующие события жизни выглядят на наших страницах вяло и тускло. Пишут в газете все одни и те же люди... Сотни писем и корреспонденций из районов лежат в редакции месяцами неразобранными или превращаются в сухие, скучные заметки, обработанные по одному штампу... Да что месяцами! Хотя я пока только очень поверхностно успел ознакомиться с материалами, мне попалась рукопись рассказа «Грач». Оказалось, что она лежит уже два года в редакции, а автор до сих пор не получил никакого ответа. Читал кто-нибудь этот рассказ?

Оказалось, читали двое, Дрожжин и Хоменко, которые всегда с жадностью прочитывали все, что не удосуживались прочитать более солидные работники редакции, отнюдь не страдавшие любопытством к чужим произведениям.

— Я помню рассказ, — сказал Дрожжин, — вещь слабенькая, неумелая, хотя заметно, что автор знает жизнь, знает то, о чем пишет.

— Не могу полностью согласиться с товарищем Дрожжиным! — запальчиво воскликнул Хоменко (этой фразой он начинал все свои выступления). — Автор знает, о чем пишет, — это уже немало. У него есть знание жизни — это уже много... Но надо признать: рассказ написан действительно плохо.

— Что же решила редакция? — спросил Котельников, обращаясь к Сеновалову.

Секретарь редакции скромно пояснил:

— Иван Дмитриевич ведь читает... вернее, читал, только совершенно готовые, бесспорные материалы или вещи людей с солидными именами, поэтому, собственно, никакого решения не было вынесено.

— Вот видите. Пример характерный. Никакого решения не было принято. А судьба рукописи тем самым была решена. Вещь похоронили, с автором даже не поговорили, обидели, оттолкнули от газеты...

Внимательно слушая, Иван Дмитриевич машинально чертил в блокноте закорючки, из которых постепенно вырисовывалась картинка: дохлый грач вверх лапками. Два человечка с платками в руках оплакивают его, стоя у надгробного памятника.

«И что ему дался этот «Грач»? Вот привязался... — соображал Иван Дмитриевич. — Может быть, этот грачиный автор — ему свой человек?»

Вдруг его рука решительно перевернула листок с изображением похорон грача. На чистом листке он торопливо нацарапал: «Узнай у Сони, кто автор. Быстро». Положив записку лицом вниз, как игральную карту, Сеновалов подвинул ее по столу к секретарю редакции.

— Ну, как новый? — с любопытством спросила Соня, когда секретарь редакции вышел из комнаты, где шло совещание.

— Настойчивый... — значительно поджимая губы, сказал секретарь. — Тут у нас завалялся какой-то «Грач», рассказик, что ли... Быстренько найди, нужна фамилия автора. Иван Дмитриевич просит.

Соня покопалась в нижнем ящике стола и положила на стол тонкую рукопись.

— Вот, пожалуйста. Только обложки почему-то нет.

— Чорт с ней, с обложкой! Нам только фамилию автора надо.

— А фамилия осталась на обложке,— сказала Соня,— тут только рукопись.

Секретарь схватился за голову, зашипел:

— Соня, зарезала! Ты бы лучше рукопись потеряла, только бы обложка с фамилией осталась. А что Иван Дмитриевич по голой рукописи поймет?

— У меня ничего не пропадает... — обиделась Соня. — Найдется! Была обложка, как сейчас помню. И автора помню. Кажется, Копельников, или... Капельников.

— Как, как? Соня, напряги свои умственные способности. Уж не... Котельников ли?

— Да! — обрадованно воскликнула Соня. — Правильно: Котельников.— И вдруг удивленно выпрямилась, ткнув пальцем в сторону закрытой двери.— Уж не этот ли Котельников?

Секретарь редакции испуганно шикнул на нее и с лицом, мгновенно сделавшимся бесстрастным, как только переступил порог, вошел в кабинет. Иван Дмитриевич развернул поданную ему секретарем записку, прочел: «Автор — Котельников».

Говорят, в минуту смертельной опасности перед человеком в одно мгновение проносится чуть ли не вся его жизнь. В голове Сеновалова в эту минуту пронеслись

только события последних месяцев: Иван Дмитриевич не очень-то уверенно чувствовал себя на высоком посту. Все время, пока он был редактором, его охватывало такое ощущение, какое испытывает человек, сидящий на самой верхушке крутой ледяной горки. И высоко и у всех на виду, но очень ветрено, и сердце замирает от предчувствия, что рано или поздно придется съезжать вниз. А так как съезжать все-таки не хотелось, вся тактика редактора сводилась к тому, чтобы как можно меньше шевелиться и избегать неосторожных движений. Умения и знаний у Сеновалова было явно недостаточно, чтобы находить правильные решения. «Не ошибается тот, кто ничего не делает»,— говорит пословица. И, чтоб не ошибиться, Иван Дмитриевич долгое время старался по возможности ничего не делать, не подозревая, что у старой пословицы теперь другой смысл: ошибается больше всего именно тот, кто ничего не делает.

Иван Дмитриевич напряженно обдумывал положение, чувствуя, что наступает решающий момент. «Вопрос ясен, — сказал он себе. — Рассказик Котельников написал, очевидно, довольно слабенький, но если мы его отклоним, отношения с редактором у меня будут испорчены. А если мы рассказ напечатаем, отношения у нас начнут налаживаться».

Совещание тем временем продолжалось. Сеновалов, не слушая, торопливо перелистал рукопись и снова стал задумчиво чертить в блокноте.

Там получалось что-то вроде пальмовой ветви, на которой горделиво сидела странная птица, похожая больше на орла, чем на грача.

Дорисовав птице клюв, Сеновалов встал, с шумом отодвинул стул и сделал наконец решительный шаг, которого он избегал так долго.

Он произнес небольшую речь. Как известно, есть только один род ошибок, которые легко и даже приятно признавать,— это ошибки других. Иван Дмитриевич смело признал ошибку работников редакции, проморгавших ценное произведение — рассказ «Грач».

— Нам прислал рукопись человек с большим жизненным опытом! — воскликнул он. — А мы отнеслись к нему с барским невниманием. Да я просто покраснел бы сейчас перед этим человеком, если бы он каким-нибудь образом вдруг появился в этой комнате!

Сеновалов схватил со стола рукопись и перелистал несколько страничек.

— Вот послушайте, как человек пишет: «С утра шел снег...» Как это сказано? Просто сказано! Другой бы расписал тут и крупные хлопья и искрящиеся снежинки, а вот тут человек написал просто: «С утра шел снег...» И я вижу картину... — Сеновалов поднял глаза и просиял, как будто увидел на потолочном карнизе нечто чрезвычайно приятное...

Котельников невольно обернулся, проследив направление его взгляда, но, не найдя ничего замечательного, неловко кашлянул.

— ...Вижу, да...— продолжал Сеновалов, — утро, вот именно утро, а не вечер и не день. И идет себе просто вот так, без всяких прикрас, самый обыкновенный снег... Хорошо! Есть и другие удачные места в рукописи, к которой мы так бездушно отнеслись. Есть, конечно, и недостатки, которые можно легко устранить. Марфа могла бы быть полновеснее, объемнее, Михей — зримее, весомее. Но не будем забывать главного: мы прозевали жизненную, хорошую вещь, совершили ошибку. Эту ошибку надо исправить. Я за то, чтобы рассказ напечатать! Все.

— Иван Дмитриевич! — опомнился первым Дрожжин.— Я вас не понимаю. С автором поступили нехорошо. Это верно. Но рассказ-то ведь негодный к печати.

Хоменко, запинаясь от удивления, пробормотал:

— Хотя я не привык полностью... но я совершенно согласен с товарищем Дрожжиным.

— Я тоже что-то не понимаю,— сказал, пожимая плечами, Котельников. — По-моему, тоже рассказ слабый...

— Нет уж, разрешите с вами не согласиться! — самоуверенно улыбаясь, помахал пальцем в воздухе Сеновалов.

— Но я поинтересовался автором рассказа, — продолжал Котельников. — Одна из московских редакций с ним поработала, и вот его наиболее удачный рассказ скоро появится на страницах столичного журнала.

— Почему же не у нас?.. — всплеснул руками Сеновалов. — Да ведь это просто безбожно, товарищ Котельников, особенно теперь...

— Постойте, — сказал Котельников. Его удивление росло с каждой минутой. Он с силой потирал себе лоб, точно у него зародилась какая-то мысль, причинявшая головную боль. — Или я решительно ничего не понимаю, или я начинаю понимать...

Секретарь Соня неслышно приоткрыла дверь и, благоговейно ступая на цыпочках, чтобы не помешать заседанию, подошла к столу.

— Вот обложка. У меня ничего не пропадает,— сказала она пронзительным шепотом, который бывает слышнее громкого голоса. — Вы спрашивали об авторе. Фамилия его — Конопельников, а никакой не Капельников и не Котельников!

Она положила на самом виду, прямо перед Сеноваловым, пустую желтую обложку и тихо вышла на цыпочках.

Все посмотрели на папку, посредине которой красовалась большая надпись: «Грач», — а в верхнем углу — фамилия автора: «Н. Конопельников».

Дрожжин прочел надпись, удивленно взглянул на Ивана Дмитриевича и, все поняв, отвел взгляд от его лица, точно увидев что-то нечистоплотное, на что неудобно смотреть. Хоменко выхватил из пачки папиросу, сунул ее в рот и стал с такой поспешностью чиркать спичкой, точно не папиросу закуривал, а совершал поджог. Покосившись в его сторону, Котельников увидел, что Хоменко со слезами на глазах борется с неудержимым приступом хохота. Дрожжин толкнул кулаком в бок своего всегдашнего оппонента и сделал свирепое лицо, пытаясь соблюсти серьезность.

Котельников, стараясь ни на кого не глядеть, чтобы самому не заразиться общим смехом, прикусил губу.

— Н-да-а... — протянул он и некоторое время не произносил больше ни слова, перекладывая на разный манер лежавшие перед ним карандаши...

Сеновалов сидел, как будто потеряв интерес ко всему окружающему, склонив голову набок, весь погруженный в рисование очередной картинки на листке блокнота.

На ней вырисовывались ледяная горка, санки, стремительно слетающие под откос, и щекастый, курносый человек в этих санках.

Интересная коллекция

Карикатура, нарисованная в связи с увольнением Н. А. Римского-Корсакова из консерватории в 1905 году.

Полки книжного шкафа сплошь уставлены альбомами, на корешках каждого — большие буквы. Вот на одном «КР». Они означают, что в этом альбоме собраны портретные изображения русских композиторов. Рядом другой, с буквами «ПЕ» и в скобках маленькие буквы «см». Это расшифровывается так: «Певцы-солисты мужчины».

Часами можно листать эти альбомы — любоваться богатейшей коллекцией открыток, фотографий и гравюр, собранных плановиком Ленинградской консерватории Сергеем Николаевичем Доброхотовым.

В альбомах любителя — 7 тысяч портретов знаменитых русских и зарубежных композиторов, певцов, дирижеров, скрипачей, пианистов, виолончелистов...

Берем альбом с надписью «Н. А. Римский-Корсаков». В нем свыше ста портретных изображений, гравюр и фото. По ним можно проследить многообразную творческую деятельность великого русского композитора.

На одной из открыток — карикатура, нарисованная в связи с увольнением в 1905 году Римского-Корсакова из консерватории за поддержку революционно настроенных студентов. В одной руке композитор держит макет здания консерватории, в другой — свои произведения. На втором плане — группа бездарных музыкантов с гармошкой и шарманкой. Это к ним относятся слова в заголовке: «Они уволили». Как известно, в защиту Римского-Корсакова поднялась общественность и борьба закончилась поражением реакции. Композитор был возвращен в консерваторию.

Открываем другой альбом, «Ф. И. Шаляпин». Здесь свыше двухсот рисунков, фото, гравюр, иллюстрирующих жизнь и творчество выдающегося русского певца. На 35 открытках он изображен

Ф. И. Шаляпин в роли Ивана Грозного.

Фото с репродукции Л. Коровина.

выступающим в разные годы в роли Ивана Грозного. Среди них рисунок самого Шаляпина.

В коллекционной картотеке С. Н. Доброхотова портреты 1 440 виднейших музыкальных деятелей всех времен. Кроме русских и советских композиторов, собран богатый иконографический материал о зарубежных музыкантах.

Помимо портретов и гравюр, в коллекции имеются карикатуры на театрально-музыкальные темы, снимки отдельных постановок и концертов с участием выдающихся солистов и дирижеров.

Художественные коллекции, бережно собранные С. Н. Доброхотовым в течение многих лет, часто экспонируются на выставках, ими пользуются художники, издательства, музеи, музыкальные учебные заведения.

П. КОНСТАНТИНОВ

Енот-полоскун

Еноты-полоскуны завезены в нашу страну для расселения недавно.

Это хищники. Родина их — Северная Америка. За сутулую фигуру, кажущуюся неповоротливость, густую буровато-серую шерсть и пятипалые конечности североамериканские индейцы называют енота младшим братом медведя. Из 80—90 сантиметров длины енота 20—25 приходится на хвост. Обитают эти зверьки в широколиственных лесах, богатых водоемами. Убежища свои устраивают в дуплах деревьев. Благодаря длинным цепким пальцам на передних и задних лапах они ловко лазают по деревьям.

Еноты всеядны. Пищей им служат лягушки, ящерицы, змеи, насекомые, моллюски, рыбы, раки, грызуны, мелкие птицы, а также различные плоды и ягоды.

Когда енот не голоден, он любит «полоскать» в воде добычу. Сидя на задних лапах у водоема, он опускает в воду пойманную лягушку или мышь и старательно трет ее передними лапами. За эту характерную особенность енота и назвали полоскуном.

К осени еноты сильно жиреют и, как только выпадет снег, погружаются в зимний сон.

В апреле у самки родятся от 3 до 5 детенышей. В середине лета они уже ходят с матерью на охоту.

В нашей стране небольшая партия енотов была выпущена в 1941 году в леса Закавказья.

Наблюдения работников Всесоюзного научно-исследовательского института охотничьего промысла показали, что еноты освоились в новой обстановке и распространились вдоль подножия Кавказского хребта. Уничтожая медведок, сверчков, короедов, виноградных улиток, мышевидных грызунов и других вредителей зерновых посевов, садоводства и лесоводства, енот приносит большую пользу сельскому хозяйству.

В настоящее время работа по расселению ценного зверька в новых районах Закавказья, а также в Дагестане, в Краснодарском крае, в Средней Азии продолжается.

Н. РУКОВСКИЙ,
кандидат биологических наук.

В этом номере на вкладках: репродукции картин Ю. С. Подлясского «Весна идет», А. М. Кашшая «Зима в Карпатах», Е. П. Васильева «Весенняя вода», И. Г. Савенко «Рожь зеленая» и четыре страницы цветных фотографий.

РЕДКАЯ УДАЧА

Студент Украинского полиграфического института, спортсмен-рыболов Д. Грибов, приехавший в Ровно, бродил по берегу реки Горынь со спиннингом. Ему удалось поймать несколько крупных щук. Рыболов уже собрался отправиться домой и решил в последний раз забросить блесну — «на прощанье»...

Вот он наматывает на катушку леску, вдруг сильный рывок. Началась напряженная борьба. Наконец с помощью подоспевшего рыболова, удившего неподалеку, удалось подвести добычу к берегу. Взору рыбаков предстал... громадный сом! Поддев его багориком, два любителя с трудом выволокли на берег необычную добычу.

Сом весил 32 килограмма и 100 граммов!

Впервые я узнал, что сом может брать на блесну. Но, конечно, это — весьма редкое исключение из правил.

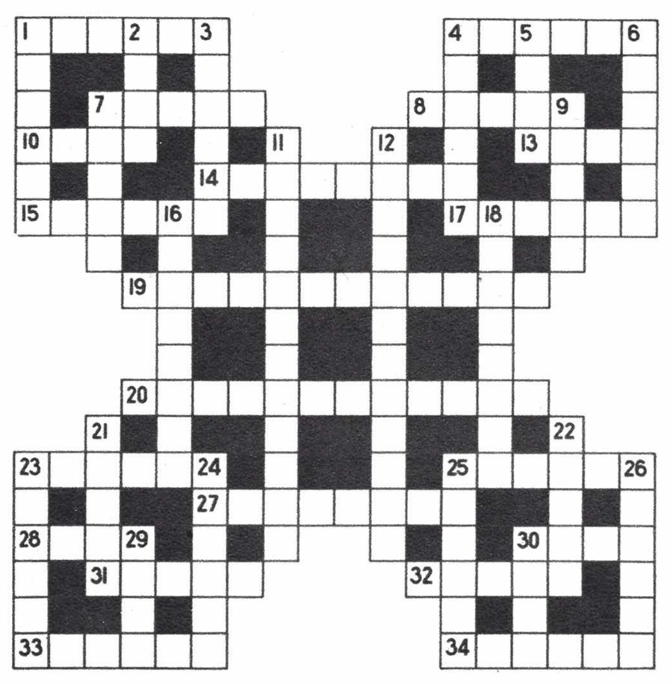
В. СОЛОВЬЕВ

Ровно.

Д. Грибов с сомом, пойманным на спиннинг.

Фото О. Платонова.

КРОССВОРД



По горизонтали:

1. Герой рассказа А. Н. Толстого «Русский характер». 4. Изделия из высокосортной глины. 7. Приток Лены. 8. Защита, покровительство. 10. Напиток. 13. Крестьянин Монгольской Народной Республики. 14. Журналист. 15. Сильный напор, настойчивое движение. 17. Гриб. 19. Наука о погоде. 20. Прибор для измерения слабых электрических токов. 23. Охотничья сумка. 25. Резвая в беге лошадь чистокровной породы. 27. Вид сельскохозяйственных работ. 28. Увеличительное стекло. 30. Музыкальный инструмент. 31. Материя. 32. Сибирский олень. 33. Народ, живущий в Азии. 34. Стимулятор роста растения.

По вертикали:

1. Созвездие. 2. Злак. 3. Птичка из рода зябликов. 4. Часть музыкального произведения, изложенная в особой форме. 5. Горная порода. 6. Стебель растения в начале развития. 7. Река в Польше. 9. Часть цирка. 11. Столица союзной республики. 12. Специалист по съемке местности. 16. Баллада В. А. Жуковского. 18. Дополнение. 21. Последователь, приверженец. 22. Внезапный порыв ветра. 23. Фруктовое дерево. 24. Часть палубы. 25. Маленькая рыба. 26. Город в Китае. 29. Народный поэт-певец. 30. Кредитное учреждение.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 26

По горизонтали:

3. Бекас. 6. Мандолина. 9. Водоизмещение. 12. Лотос. 13. Осмий. 14. Уклад. 19. Авторитет. 20. Перламутр. 21. Молодость. 22. Квитанция. 25. Волга. 26. Верба. 27. Кроки. 30. Машиноведение. 31. Молотилка. 32. О[illegible]киг.

По вертикали:

1. Геодезист. 2. Наслоение. 4. Манок. 5. Антей. 7. Ворошиловград. 8. Физкультурник. 10. Ломоносов. 11. Гармоника. 15. Автор. 16. Честь. 17. Черва. 18. Отлив. 23. Ведомость. 24. Общежитие. 28. Бином. 29. Левко.

РЕШЕНИЕ ЗАДАЧИ, ПОМЕЩЕННОЙ В № 26

$$9+8+7+6+5+4+3+2+1=45$$
$$-\ 1+2+3+4+5+6+7+8+9=45$$
$$8+6+4+1+9+7+5+3+2=45.$$

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 02848. Подп. к печ. 30/VI 1953 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 502. Заказ 1513. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

САД КОЛОМЕНСКИХ ПАРОВОЗОСТРОИТЕЛЕЙ

Ранним утром выходного дня за Коломной по шоссе движутся люди с лопатами и мотыгами за плечами. Нередко пешеходов обгоняют велосипедисты и мотоциклисты — на багажниках они везут мешки с удобрениями, ящики с рассадой. Иной раз промчится «Москвич» — и здесь за стеклами кабины видны грабли, вилы.

Все они торопятся в «Сад мира». Так называют коломенские паровозостроители свой коллективный сад, раскинувшийся за городом на площади в 13 гектаров. На обширном пространстве, обнесенном изгородью, зеленеют кусты крыжовника, смородины, тянутся грядки садовой земляники. Поднимаются ввысь молодые яблони, вишневые и грушевые деревья. На перекрестках дороги виднеются водопроводные колонки.

В обществе садоводов-любителей, возникшем на Коломенском паровозостроительном заводе имени В. В. Куйбышева три года назад, более ста сорока человек. В выходные дни и по вечерам в саду на своих участках проводят досуг стахановцы, мастера, инженеры. Здесь часто можно встретить знатного зуборезчика С. М. Агапова, мастера А. В. Савостьянова, начальника ремонтного цеха Б. В. Красавина, начальника производства А. П. Степанова. Бухгалтер Д. Н. Клочков пользуется среди товарищей славой мичуринца. На его участке растут яблони новых сортов. Мастер М. И. Макаров первым выстроил нарядную застекленную беседку, в которой можно отдохнуть в жаркую погоду. Сейчас по примеру Макарова многие садоводы-любители начали «обстраиваться».

Правление заводского общества садоводов-любителей озабочено тем, как бы расширить площадь «Сада мира», — поступают все новые и новые заявления с просьбой выделить земельный участок.

На снимке: мастер модельного цеха Коломенского паровозостроительного завода имени В. В. Куйбышева А. В. Савостьянов с дочкой Таней в «Саду мира».

Фото О. Кнорринга.

Министерство легкой и пищевой промышленности СССР ГЛАВКОНСЕРВ

Цена номера 3 руб.

Витаминные препараты из шиповника—богатейший концентрат естественного витамина „С".
ВИТАМИН „С" из шиповника содержит также **витамин „Р"**, в сочетании с которым **витамин „С"** усваивается организмом с наибольшим эффектом.

ПОКУПАЙТЕ ВИТАМИН „С" ИЗ ШИПОВНИКА ВО ВСЕХ АПТЕКАХ.

ЗНАЧЕНИЕ ВИТАМИНА „С" И НОРМЫ ЕГО УПОТРЕБЛЕНИЯ УКАЗАНЫ НА ЭТИКЕТКАХ.